

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<http://sthb.petrso.ru/>

№ 2(3). Декабрь, 2014

Главный редактор

Ю. М. Килин

Редакционный совет

В. Вамбхейм
Н. В. Дранникова
Ю. Корпела
К. Кроо
И. И. Муллонен
А. Л. Топорков
М. Юнггрен

Редакционная коллегия

В. Н. Захаров
В. А. Исаков
А. А. Котов
С. М. Лойтер
Л. П. Михайлова
А. М. Пашков
А. В. Рожкова
И. Р. Такала
С. Н. Чернов
И. А. Чернякова
Н. Г. Шарапенкова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.

E-mail: studhbor@petrso.ru

<http://sthb.petrso.ru/>

Содержание № 2. 2014.

ИСТОРИЯ

Кулагин О. И.	«Станки окрашены в рациональные цвета...»: советский человек и труд в региональной лесной отрасли (по материалам Карелии 1960-х годов)	4 - 14

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Paavonen T.	August 1991 as a turning-point in the finnish-russian relations	15 - 24

ПОЛИТОЛОГИЯ

Иноземцева В. А.	Экспертно-аналитическая деятельность в сфере публично-государственного управления в Республике Карелия	25 - 37
Яровой Г. О., Подольский М. А.	Побратимство как инструмент социокультурного и экономического развития городов: сравнение «континентальной» и «морской» школ	38 - 45

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Пёллянен П.	Трансграничные семейные отношения русских женщин-иммигранток в Северной Карелии и Республике Карелия	46 - 55

ФИЛОЛОГИЯ

Лызлова А. С.	Вепские народные сказки: о некоторых особенностях сюжетного состава и публикациях	56 - 62
Романовская И. В.	Современное шведское платоноведение	63 - 68
Филатова Д. А.	«Высоко на сопках твоих стою»: конструирование смыслов в гимнах Карелии и КФССР	69 - 79

ЭКОНОМИКА

Ругачева А. В., Алеханова Е. И.	Проблемы и перспективы развития энергетической инфраструктуры Республики Карелия	80 - 90
Шобей Л. Г., Волк Д. О.	Программно-целевой метод бюджетного планирования в государственном финансовом управлении регионом	91 - 100
Воронцова Е. А., Арутюнян А. С.	Современная ситуация на рынке лизинга и перспективы его развития в Республике Карелия	101 - 109

Рецензии

Тийайнен-Кадир Т. В.	Рецензия на кн.: Pöllänen P. Hoivan rajat: venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva. Helsinki: väestöliitto, väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja d 57/2013. 2013. 223 s. (Пёллянен П. Граница заботы: русские иммигрантки и трансграничная забота в семье) // Studia humanitatis borealis. 2014.	110 - 116
----------------------	--	-----------

Хроника научных мероприятий

Смирнова А. А.	Об участии Петргу в Российско-Норвежском проекте "Barents peace education network" (bpen)	117 - 122
Безбородов М. И.	Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы	123 - 126
Яровой Г. О.	«Арктический круг — 2014»: фокус на вопросах безопасности	127 - 130

УДК 630.091

«Станки окрашены в рациональные цвета...»: советский человек и труд в региональной лесной отрасли (по материалам Карелии 1960-х годов)

**КУЛАГИН
Олег
Игоревич**

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, olkulagin@yandex.ru*

Ключевые слова:

социально-трудовые отношения
лесная промышленность
Карелия
1960-е гг

Аннотация:

В статье представлен анализ основных характеристик труда в советской лесной отрасли на примере Карелии середины 1960-х гг. В данный период центральная отрасль региональной экономики вступила в полосу перманентного производственного спада, сопровождавшегося снижением объемов заготавливаемого леса, закрытием леспромпхозов, увеличением текучести кадров. Одной из главных причин такого положения стали особенности реализации социально-трудовых отношений, сложившихся на тот момент в региональной лесной промышленности. Данные особенности проявились в таких характеристиках трудовой деятельности, как формализм, наличие казенной среды труда, рудименты раннеиндустриального труда, высокие показатели производственного травматизма, слабая приспособляемость к любым положительным новшествам, воспроизводимость неэффективной системы труда и его материального и морального поощрения, прогулы, текучесть кадров. Автор приходит к выводу, что особенности реализации социально-трудовых отношений, сложившихся в лесной отрасли Карелии в середине 1960-х гг., стали «миной замедленного действия», которая привела главную отрасль региональной экономики к тяжелому кризису в последующие десятилетия.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Для населения Европейского Севера России лес всегда являлся не только традиционной средой обитания, но и главным ресурсом выживания. В Карелии в силу сложившихся традиций местное крестьянство имело необходимые навыки лесозаготовительных и лесосплавных работ. До революции 1917 г. лесозаготовки носили исключительно сезонный характер, вербовка рабочей силы происходила путем заключения лесозаготовительными организациями и предпринимателями подрядных договоров с артелями лесорубов. Однако главным вопросом лесопользования в регионе на уровне государственной политики в дореволюционный, советский и постсоветский периоды был вопрос о социально-экономических характеристиках трудовых отношений в лесной промышленности.

На протяжении XX столетия с постепенным разрушением традиционной северной крестьянской культуры с ее глубоко личным отношением к лесу как к части жизненного мира подвергались разрушению и важнейшие механизмы трудовой мотивации людей, бравших от леса столетиями только

то, что было необходимо для непосредственного выживания крестьянского мира. С началом советского периода в процессе промышленной модернизации Русского Севера стала уходить в прошлое крестьянская бережливость в отношении к лесным богатствам. Экстенсивная индустриализация 1930-х гг., а затем необходимость восстанавливать экономику разрушенной войной страны в 1950-е гг. не только сформировали представление о неисчерпаемых лесных запасах страны, но и в силу демографических особенностей развития северных территорий в те времена (раскулачивание, создание системы ГУЛАГа и т. д.) сформировали новый социальный облик рабочего на лесозаготовках в Карелии. Отчужденность от результатов своего труда, понимание временности пребывания на месте своей работы и «ничейности» леса, который необходим только государству в виде предусмотренных планом кубометров из года в год сопровождалось ухудшением показателей эффективности труда на лесозаготовках Карелии, особенно в середине 1960-х гг., которые стали объектом исследования.

Необходимо отметить, что рассматриваемый период развития советской экономики последние полтора десятилетия является полем историографических споров о сущности советской экономики 1950—1960-х гг. При общей оценке советской экономики того периода как переходной исследователи разделились на сторонников административно-командной системы и административно-бюрократического рынка. Экономисты, создатели теории административно-бюрократического рынка, отмечали, что с 1950-х гг. в СССР начала формироваться «экономика согласований», т. е. сложный бюрократический рынок, построенный на обмене — торговле, осуществляемой как органами власти, так и отдельными лицами [6]. В современных отечественных исследованиях особое внимание уделяется анализу взаимоотношений элит центра и регионов, формированию корпоративных групповых интересов, роли региональных властей в разработке программ и проектов по хозяйственному освоению регионов.

В то же время до сих пор остаются недостаточно изученными механизмы и технологии лоббирования, неформального согласования региональных и ведомственных интересов, влияние субъективного (личностного) фактора на реализацию программ социально-экономического развития тех или иных регионов [8]. Другими словами, динамика формирования региональной промышленной и социальной инфраструктуры во многом зависела от успешности взаимодействия между партийными и хозяйственными элитами на местах с центральными партийными и ведомственными учреждениями.

Одним из наиболее интересных подходов с точки зрения исследования на стыке истории, экономики и социологии является использование понятия редистрибутивная, или раздаточная, экономика (работы К. Поланьи [15] и О. Э. Бессоновой [7]). Теоретическое осмысление концепции редистрибутивной экономики связано также с именем доктора социологических наук С. Кирдиной [9], которая в своих работах обосновывает существование X (редистрибутивной, к которой относится советская экономика) и Y (рыночной) экономик.

Одной из особенностей советской редистрибутивной экономики был неравномерный характер распределения финансовых ресурсов государства на региональном и отраслевом уровнях. Государственные средства шли на развитие приоритетных для советского государства национальных республик, краев и областей, а также отраслей, связанных с военно-промышленным комплексом. Карелию и ее лесную промышленность можно отнести к периферийным областям с точки зрения интересов главных акторов института редистрибуции.

Одним из недостатков данного выбора со стороны центральных министерств был явный дисбаланс между финансовыми средствами, вкладываемыми в развитие социальной, культурно-бытовой и, частично, индустриальной и транспортной инфраструктуры региона [12].

Одним из самых явных индикаторов дисбаланса данной редистрибуции стало формирование, начиная с 1950-х годов, временной жилищной и культурно-бытовой инфраструктуры лесозаготовительных предприятий, которая сохранялась в качестве основы жилищного фонда лесных поселков Карелии вплоть до 1980—1990-х гг.

В результате инфраструктурная среда региона стала одним из важнейших негативных факторов конструирования социально-трудовых отношений в рассматриваемый период.

В ряде предыдущих публикаций нами уже рассматривались отдельные проблемы трансформации трудовой мотивации и социального облика рабочих региональной лесной промышленности в период революции, Гражданской войны и НЭПа [11], [17], а также вопросы трудовой мотивации, скрытых социальных конфликтов в лесопромышленном производстве и роль неофициальной экономики во второй половине 1960-х — 1970-х гг. [10], [13], [14].

Сконцентрируем внимание на выявлении особенностей функционирования социально-трудовых отношений в лесной промышленности Карелии в середине 1960-х гг. для того, чтобы определить роль,

которую данные особенности могли сыграть в последующем развитии отрасли. Основой исследования стал анализ архивных материалов середины 1960-х гг., взятых в Национальном архиве Республики Карелия и впервые введенных автором в научный оборот.

Одной из особенностей функционирования труда стал **формализм** в реализации трудовых отношений между работниками и администрацией предприятий. В рамках данных отношений каждая из сторон больше имитировала выполнение собственных обязательств, нежели их реализовывала. Затронула данная тенденция и одну из самых распространенных форм стимулирования успешного труда — сферу социалистического соревнования между предприятиями.

На III Пленуме областного комитета профсоюза рабочих лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности (1965) в организации соревнования отмечалось «много формализма». Обязательства носили общий характер, ограничивались выполнением количественных показателей, не стимулировали рабочих повышать качество выпускаемых изделий, улучшать культуру производства [1; 3]. При подведении итогов соревнования часто во внимание принималось только выполнение производственных планов без учета принятых обязательств, а в ряде леспромпхозов и на других предприятиях итоги соревнования подводились нерегулярно. Результатом такого формализма становилось перманентное невыполнение плановых показателей. В лесной промышленности Карелии в третьем квартале 1965 г. ежемесячно не справлялась с планом каждая четвертая малая комплексная бригада. За 9 месяцев план не выполнили 19 леспромпхозов и 5 химлесхозов [1; 3].

Другой особенностью труда стало формирование так называемой **казенной среды труда**, которая не формировала у рабочих понимание собственного, личного пространства трудовой деятельности. Во многом это было связано с тем, что вопросы организации производства и урегулирования трудовых отношений решались «сверху», без учета потребностей «снизу». Данный характер взаимодействия позволял осуществлять положительное воздействие только тогда, когда администрация предприятий под давлением критики со стороны местного и центрального партийного руководства вносила улучшения в труд рабочих.

Например, серьезной критике со стороны партийной комиссии подверглись администрация и заводской комитет Сегежского деревообрабатывающего комбината (ДОК) за грязь в цехах, захламленность рабочих мест, запущенное состояние бытовых помещений. В итоге на комбинате были предприняты меры по улучшению условий труда рабочих. За короткий срок здесь был осуществлен ряд мероприятий «по повышению культуры производства», что по сути означало придание предприятию внешне приличного вида. В частности, была проведена работа по благоустройству, озеленению территорий комбината, асфальтированию подъездных путей. В оконных проемах заменили ломаные стекла, провели наружную и внутреннюю побелку цехов, покрасили технологическое оборудование, привели в порядок санитарно-бытовые помещения, комнаты приема пищи и красные уголки.

Значительное внимание созданию приличного вида предприятий в рамках «повышения производственной культуры» было уделено в Паданском и Надвоицком леспромпхозах. Здесь утеплили гаражи и мастерские; цеха были переведены на центральное отопление, оборудованы, отштукатурены и побелены душевые установки, «...станки окрашены в рациональные цвета...» [1; 17].

Однако повышение комфорта в среде труда носило в основном временный и поверхностный характер, не меняя «казенности» рабочего пространства для тружеников.

Элементами формального подхода к претворению в жизнь декларируемых государством достижений научно-технической революции в трудовой деятельности сопровождалось введение в оборот таких понятий, как «**производственная культура**» и «**производственная эстетика**», которые на предприятиях карельского лесопромышленного комплекса находились на крайне низком уровне. Судя по документам того времени, на ряде предприятий не разрабатывались мероприятия по промышленной эстетике (Лахденпохский фанерный комбинат, Ильинский, Керетский, Пудожский лесозаводы, Беломорский деревообрабатывающий комбинат). Особенно плохое состояние производственной культуры отмечалось на Кировском и Пудожском лесозаводах.

Так, Кировский лесозавод, сданный в эксплуатацию в 1963 г. и оборудованный «с максимальными удобствами для рабочих», к 1965 г. выглядел совершенно по-другому [2; 22]. Бытовок в лесном цехе не было, теплые туалеты были заколочены и не работали, территория лесозавода была захламлена отходами производства. Состояние рабочего поселка предприятия также было неудовлетворительным: не убраны кучи строительного мусора времен постройки поселка, вокруг общественных зданий и общежитий грязь, детские ясли и садик к зиме были не готовы.

Бытовое помещение цеха Пудожского лесозавода не работало, не было элементарных условий внутрисменного отдыха рабочих. Штукатурка стен облезла, на полу лужи воды, так как крыша не

ремонтровалась (не было досок на лесозаводе), рабочие принимали пищу на рабочих местах или в пиловочной мастерской. Территория поселка не была благоустроена [2; 23].

Не на всех предприятиях администрация уделяла внимание формированию элементарной трудовой среды, которая сохраняла рудименты **раннеиндустриального труда**: широкое использование ручного труда, высокий травматизм, преимущественное использование труда женщин и подростков и т. д.

К примеру, на Ляскельском целлюлозно-бумажном комбинате (ЦБК) в 1965 г., по свидетельству приехавшей партийной комиссии, в цехах комбината условия труда работающих продолжали оставаться тяжелыми. Из-за неисправности или отсутствия вентиляции многие цеха были запылены, загазованы; отмечалась высокая температура воздуха. В котельной завода «Харлу», входящем в состав ЦБК, содержание в воздухе пыли превышало допустимые нормы в 33,5 раза. Загазованность воздушной среды в ряде цехов была выше допустимых норм в 3–5 раз. Из-за недостатка свежего воздуха рабочие выставляли рамы и держали открытыми двери, в результате вынужденных сквозняков многие заболели. В отдельных цехах комиссией была отмечена сильная сырость, со стен и потолков на оборудование стекала вода, стены и потолки были покрыты плесенью и пылью, в помещениях темно, окна и приспособленные санитарно-бытовые помещения грязные. В результате отсутствия достаточного количества шкафчиков рабочие вынуждены были хранить одежду у станков и на батареях подоконников. Территория завода была захламлена строительными материалами и оборудованием [1; 19]. Даже в рабочей столовой завода «Харлу», размещенной в зале кислотного цеха, загазованность воздуха в 2 раза превышала допустимые нормы.

На комбинате широко применялся ручной труд на самых тяжелых опасных участках: погрузка баланса на вагонетки, закладка его в дефибреры, погрузка и разгрузка целлюлозы, выкатка рулонов бумаги и подача их в склад готовой продукции. В основном эти работы выполняли женщины. Ремонт механизмов производился здесь под открытым небом, механические мастерские не имели отопления, рабочие площадки захламлены, отсутствовали обогревательные помещения, в лесу не было организовано горячее питание.

Высокие показатели **производственного травматизма** — еще одна особенность функционирования института труда в региональной лесной отрасли. За 9 месяцев 1965 г. на предприятиях лесной промышленности Карелии произошло 4 142 несчастных случая, которые вызвали нетрудоспособность в количестве 72 505 человеко-дней. За это время по причинам производственных травм и заболеваний ежедневно не работали 4 766 человек.

19 ноября 1965 г. президиум Центрального комитета Профсоюза рабочих лесной и деревообрабатывающей промышленности специально рассмотрел отчет республиканского Управления лесной промышленности и обкома профсоюза по этому вопросу, указав, что на большинстве лесозаготовительных предприятий Карелии производственный травматизм продолжает оставаться на недопустимо высоком уровне, превышающем на 56 % средние показатели лесной промышленности страны. За 10 месяцев на лесозаготовительных предприятиях произошло 3 645 несчастных случаев, которые вызвали 63 807 человеко-дней нетрудоспособности. По причинам травм и заболеваний ежедневно (! — О. К.) на предприятиях Управления лесной промышленности Карелии не работали 3 100 человек.

Особенно высокий травматизм был в Ключиногорском леспромхозе, где коэффициент частоты травматизма [1] составил 80 %, в Пудожском — 75,3 %, Лоймольском — 74,5 %, Новоландерском — 71 %, Кемском — 68,6 %. Особенно большую тревогу у региональных властей вызывал производственный травматизм с тяжелым исходом. За 10 месяцев 1965 г. на производстве в Карелии погибли 25 человек, в том числе 19 на предприятиях лесной промышленности (из них на комбинате «Запкареллес» — 6 случаев, «Пудожлес» — 5, «Севкареллес» — 6, «Пуддожлес» — 5, «Севкареллес» — 3 случая) [1; 21].

Раннеиндустриальный характер труда в лесной промышленности Карелии середины 1960-х гг. с его травмоопасными условиями и преобладанием ручного труда подтверждается сравнением цифр по производственному травматизму в лесной промышленности региона и других отраслях экономики КАССР. По данным Статистического управления республики о несчастных случаях, связанных с производством в целом по народному хозяйству Карельской АССР: за первое полугодие 1964 г. было зафиксировано 24 смертельных случая, 5,3 тыс. человек получили производственные травмы, потеряно 83,5 тыс. человеко-дней; за первое полугодие 1965 г. было зафиксировано 25 смертельных случаев и 4,7 тыс. человек получили производственные травмы, в результате чего была потеряна 71 тыс. человеко-дней. Наибольшее число несчастных случаев со смертельным исходом выпало на долю лесозаготовительной промышленности (13 случаев) и транспорт (4 случая) [3; 57, 63]. Во всем народном

хозяйстве республики число пострадавших на 1 тыс. работающих составило в 1965 г. 20 случаев, а в лесной промышленности оно достигло 34 случаев, в деревообрабатывающей — 23, а в сельском хозяйстве — 25 случаев [3; 58]. Другими словами, труд в лесной отрасли являлся самым травмоопасным среди всех отраслей экономики региона в этот период.

Примечательны причины, по которым в лесной отрасли происходили несчастные случаи. Согласно данным Управления лесной промышленности Карельской АССР о несчастных случаях за 1965 г., из 2 233 несчастных случаев 687 случаев, или 30,7 %, произошло по причинам нарушения технологического процесса или несоответствия его безопасной работе и неправильной организации труда. Кроме того, 566 несчастных случаев, или 25,3 %, произошли ввиду несоблюдения норм и правил техники безопасности при подготовке и содержании рабочих мест, габаритов, проездов и проходов; 216 несчастных случаев, или 9,7 %, произошли при нахождении в опасной зоне; 118 несчастных случаев, или 5,3 %, произошли из-за некачественного обучения рабочих безопасным приемам работы, отсутствия контроля за их исполнением [3; 59].

Таким образом, абсолютное большинство несчастных случаев в лесной отрасли произошли по причинам, связанным с нарушениями правил организации труда: безопасность человека на рабочем месте была одним из последних приоритетов как для самих рабочих, так и для администрации предприятий.

По производственным операциям причины несчастных случаев распределились следующим образом: захламленность и загромождение рабочих мест — 30 %, неисправность оборудования и инструментов — 12 %, отсутствие и неисправность ограждений на механизмах — 10 %, необеспеченность рабочих спецодеждой — 9 %, необученность рабочих правилам техники безопасности — 21 %, прочие причины — 18 %. Аналогичным было положение по Управлению лесной промышленности КАСР в 1964 г. [3; 60].

Следовательно, почти треть причин несчастных случаев связана с нежеланием или невозможностью работников привести свой рабочий участок в должный порядок. Второе место заняли причины, связанные с тем, что сами рабочие не были обучены правилам техники безопасности. При этом в 1965 г. на охрану труда и технику безопасности было ассигновано на все отрасли промышленности республики 3 201,1 тыс. руб., фактически было израсходовано за первое полугодие 1 516,5 тыс. руб., или 47,4 %, годовых ассигнований. Из всей суммы средств на охрану труда в первом полугодии было израсходовано: на технику безопасности — 50,3 %, на вентиляцию — 45,5 %, санитарно-бытовые устройства — 45,8 % [3; 60].

Возникает вопрос: почему расходование таких значительных средств на технику безопасности и охрану труда в масштабах всей промышленности применительно к лесной отрасли не приводило к снижению количества несчастных случаев, которое из года в год было примерно одним и тем же (судя по данным Статуправления КАСР)? Ответ, по всей видимости, связан с тем, что деньги, выделяемые на охрану труда и технику безопасности, хронически не осваивались в силу того, что в первую очередь руководителей предприятий интересовало выполнение плановых производственных показателей, а финансирование безопасной среды труда для рабочих реализовывалось по остаточному принципу.

По видам работ несчастные случаи в целом по республиканскому Управлению лесной промышленности и лесного хозяйства распределились следующим образом: из 2 233 несчастных случаев 902 случая, или 40,4 %, произошли на валке, трелевке, обрубке сучьев, раскряжке и разделке древесины; 300 случаев, или 13,4 %, — при штабелевке и сортировке древесины; 365 случаев, или 16,4 %, — при погрузке, выгрузке и разгрузке древесины [3; 59]. Технологические операции, при проведении которых было максимальное использование ручного труда, связаны с наибольшим процентом производственного травматизма [3; 67].

Аналогично распределялись несчастные случаи по видам работ в 1964 г. Это свидетельствует о том, что руководители лесозаготовительных предприятий не принимали достаточных мер по наведению порядка в охране труда и технике безопасности. Те меры, которые принимались, можно отнести к разряду формальных. В качестве таковых предстают комплексные планы мероприятий по охране труда и технике безопасности на 1962—1965 гг. Согласно этим планам, на всех предприятиях совместно с профорганизациями и медицинскими учреждениями ежегодно проводились общественные смотры по технике безопасности и охране труда, которые являлись неотъемлемой частью коллективных договоров.

На I квартал 1965 г. на предприятиях объединения «Кареллеспром» проходил общественный смотр по технике безопасности и охране труда. Разработали «Положение о проведении смотра» с целью снижения производственного травматизма «за счет повышения культуры труда, широкого внедрения

передовой технологии, механизации тяжелых и трудоемких работ, повышения квалификации рабочих и т. д.» [4; 2]. Но потом последовала констатация, что руководители ряда леспромхозов (ЛПХ) и рабочих (профсоюзных) комитетов «неудовлетворительно организовали смотр на своих предприятиях». В результате данное мероприятие явилось очередной формальностью, результаты не были достигнуты, производственный травматизм по сравнению с предшествующим годом возрос. К примеру, в Кемском леспромхозе коэффициент частоты травматизма составил 75,8 % по сравнению с 72 % за 1964 г., в Северном ЛПХ данный показатель оказался самым большим для предприятий «Кареллеспрома» — 100 % [4; 2].

Еще одной особенностью труда в лесной отрасли Карелии стала **слабая приспособляемость к любым положительным новшествам** в организации трудового процесса, иницируемым в основном сверху. Именно в указанный период на многих предприятиях страны, в том числе на лесозаготовительных предприятиях Свердловской, Тюменской и других областей, широкое распространение получили планы научной организации труда (НОТ). В августе 1965 г. группа инженерно-технических работников и профсоюзного актива с предприятий лесопромышленного комплекса КАССР побывала на Всесоюзном семинаре по научной организации труда в Бисерском леспромхозе Свердловской области. Там они убедились, что благодаря НОТ повышается производительность труда, а культура производства, санитарно-гигиенические условия обеспечивают большую экономическую эффективность. Но рекомендации Бисерского леспромхоза не нашли применения на предприятиях лесной промышленности Карелии, за исключением комбината «Южкареллес», который — единственная новаторская инициатива — разослал по своим предприятиям методику и образец плана НОТ на погрузочно-разгрузочные работы консольно-козловыми кранами ККУ-7,5 [1; 22–23].

Слабое использование положительного производственного опыта было характерно для предприятий Карелии не только на межрегиональном, но и на внутрорегиональном уровне. К примеру, в 1964 г. на Кондопожском целлюлозно-бумажном комбинате был рассмотрен опыт работы бригады старшего варщика М. Я. Шипкова. В этой бригаде выход целлюлозы первого сорта являлся самым высоким на заводе, годовое задание было, в отличие от других бригад, перевыполнено. Однако данный производственный опыт на ЦБК не был распространен [5; 8]. На комбинате простой бумагоделательных машин в 1964 г. был в 2 раза выше, чем простой таких же машин на предприятиях общесоюзного значения — Соликамском или Балахнинском комбинатах.

Кроме технических неполадок, связанных с низкой квалификацией рабочих, их обслуживавших, причинами непроизводительного использования агрегатов являлись случаи воровства, пьянства. Согласно документам, имели место «...случаи пьянства и выхода на работу в нетрезвом состоянии среди коммунистов» [5; 9].

Для труда в лесной отрасли была характерна **воспроизводимость неэффективной системы труда и его материального и морального поощрения**. К примеру, на Сегежском ЦБК за 9 месяцев 1965 г. по причине прогулов были потеряны 3 711 человеко-дней. Число рабочих, совершивших прогулы, за это время составило 205 человек. По сравнению с соответствующим периодом предыдущего года производительность труда снизилась на 6,7 % [1; 103]. При такой ситуации с производительностью труда заводской комитет в планах работы предусматривал ежемесячное подведение итогов социалистического соревнования между цехами. Согласно условиям социалистического соревнования цехам-победителям вручались переходящие Красные знамена и денежные премии: по основным цехам — 250 руб. на человека, по вспомогательным — 50 руб. На комбинате имелись доски почета и показателей. Доска почета обновлялась 2 раза в год, на доске показателей отражались итоги работы по выпуску основных видов продукции за сутки и с начала месяца. Аналогичные доски были во всех цехах [1; 103]. Очевидно, эти меры материального и нематериального поощрения результата не давали.

Одним из базовых показателей эффективности труда является рост производительности труда и его взаимосвязь с ростом материального стимулирования работников. Об отсутствии жесткой взаимосвязи этих показателей говорит тот факт, что производительность труда в лесной промышленности Карелии на протяжении периода середины 1950-х — середины 1960-х гг. росла неравномерно. В период с 1955 по 1960 г. комплексная выработка на одного рабочего увеличилась на 44 % (с 271 до 389 м³ древесины в год на 1 рабочего), а к 1962 г. снизилась до 355 м³ и только в 1964 г. приблизилась к уровню 1960 г. — 383 м³ [3; 85].

Заработная плата рабочих за этот период повысилась на 35 % (с 1 198 до 1 616 руб. в год на рабочего). Если сравнивать соотношение роста производительности труда и заработной платы рабочих с 1955 по 1964 г., то комплексная выработка на рабочего росла по периодам следующим образом: в

1958 г. она составила 129 % к показателям к 1955 г., в 1961 г. — 109 % по сравнению с 1958 г., в 1964 г. — 101 % по отношению к 1961 г. В итоге к 1964 г. комплексная выработка на одного рабочего по сравнению с 1958 г. увеличилась на 110 %. Средняя зарплата рабочего на лесозаготовках в эти же годы менялась следующим образом: 1958 г. — 115 % к 1955 г., 1961 г. — 105 % к 1958 г., 1964 г. — 114 % к 1961 г. В итоге к 1964 г. средняя зарплата на одного рабочего по сравнению с 1958 г. увеличилась на 120 % [3; 86]. Таким образом, за десятилетие показатель роста производительности труда в лесной промышленности региона как минимум на 10 % отстал от роста заработной платы. Такое соотношение сложно отнести к эффективной мере стимулирования труда.

Заработная плата за данное десятилетие росла в основном за счет увеличения премиального вознаграждения, сумма которого с 1961 по 1964 г. увеличилась более чем вдвое (со 107,7 до 222,3 руб. на 1 рабочего в год), а также за счет увеличения надбавок по районному коэффициенту, выросших на 25 %. Причиной резкого увеличения премии в заработной плате рабочих в 1964 г. явилось установление в 1963 г. на всех работах максимальной шкалы премиального вознаграждения, при которой предельный размер премии (50 % заработка) начислялся после выполнения норм выработки, на основе которых устанавливались планы бригадам на 115 % и более [3; 87].

В результате в некоторых леспромпхозах механически увеличивались премии рабочим без роста производительности труда. К примеру, в Шуйско-Виданском ЛПХ, где большинство бригад выполняли и перевыполняли планы, при применении этой шкалы средний процент выполнения норм в 1964 г. по сравнению с 1961 г. не только не увеличился, но и снизился. Если в 1961 г. он составлял 125 %, то в 1964 г. снизился до 122 % [3; 87]. Максимальный процент премирования рабочих при невысоком росте производительности труда вряд ли мог стать стимулом для более производительного труда. Положение с ростом производительности труда и заработной платы, существовавшее в Шуйско-Виданском леспромпхозе, было характерно, судя по документам, для всей лесной промышленности Карелии.

Парадоксальным образом существовавшая в рассматриваемый период система оплаты труда, механически устанавливавшая высокие премии рабочим независимо от результата труда, одновременно снижала трудовую мотивацию инженерно-технических работников, от которых зависело внедрение новых технологий и техники на производстве. Проведенное в октябре 1959 г. «упорядочение» системы премирования инженерно-технических работников, введенные тогда же ограничения в выплате премий вместо усиления материальной заинтересованности работников привели к ее снижению. В результате заработная плата руководящих и инженерно-технических работников в образцово-показательном Шуйско-Виданском леспромпхозе в 1964 г. даже не достигла уровня 1958 г. (148,7 руб. в 1958 году и 147 руб. в 1964 году, или 98,9 %), а по Управлению лесной промышленности КАССР в целом в 1963 г. среднемесячная заработная плата этих работников составила в сравнении с их зарплатой в 1958 г. всего 97,4 %. Основной причиной снижения заработной платы инженерно-технических работников явилось резкое уменьшение доли премий в заработной плате, которое не компенсировалось повышением должностных окладов, утвержденным при упорядочении оплаты труда этой категории работников [3; 87].

В результате, поскольку в конце 1950-х — начале 1960-х гг. заработная плата рабочих постоянно повышалась, а зарплата инженерно-технических работников не увеличивалась, разрыв в уровне их заработной платы сократился (109,3 % в 1964 г. по сравнению с 167 % в 1955 г. по Шуйско-Виданскому леспромпхозу и 108,5 % в 1963 г. по сравнению с 156,5 % в 1955 г. в целом по Управлению). Как показал анализ, перерасход фонда заработной платы нельзя было объяснить лишь плохим руководством со стороны инженерно-технических работников производственной деятельностью предприятий. Перерасход являлся преимущественно результатом неправильного планирования фондов заработной платы [3; 92].

Существовавший порядок планирования «от достигнутого уровня» приводил к тому, что при улучшении работы и перевыполнении плановых показателей росли премии, выплаты по районному коэффициенту и ряд других доплат, которые образовывали перерасход фонда заработной платы, и не покрывались при его перерасчете. В результате инженерно-технические работники лишались премий по причинам, от них не зависящим. При таком порядке выплаты премий руководящие и инженерно-технические работники не были заинтересованы в улучшении качественных и количественных показателей работы предприятий, в росте производительности труда, поскольку любое превышение запланированных показателей вело к перерасходу фонда заработной платы, которое, в свою очередь, негативно сказывалось на зарплатах [3; 93].

Еще одну группу проблем в сфере материального стимулирования труда работников лесной промышленности региона образуют **недостатки распределения финансовых потоков со стороны**

центральных министерств. В частности, постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 582 от 21.07.1966 «О повышении материальной заинтересованности работников предприятий лесной промышленности, расположенных в многолесных районах, в увеличении объема лесозаготовок» было предусмотрено увеличение размера премий рабочим, ИТР и служащим лесозаготовительных предприятий за перевыполнение плана. Госплан СССР должен был внести соответствующие изменения в планы по труду и себестоимости. Однако Министерство лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР по какой-то причине не предусмотрело нужного увеличения фондов заработной платы для объединения «Кареллеспром». В результате в 1966 г. на дополнительные выплаты премий фонд заработной платы был увеличен не на запланированные 4 600 тыс. руб., а всего на 2 080 тыс. руб.. В результате объединение лишилось возможности применять в лесной промышленности региона повышенные размеры премий, предусмотренные постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР [5; 18].

Парадоксом в специфике начисления заработной платы и премий в лесной промышленности Карелии было и то, что в связи с необходимостью закреплять на предприятиях кадры рабочих (текучесть здесь была велика) государство стремилось создавать льготные условия для лиц, недавно приехавших в Карелию и преимущественно занятых на вспомогательных строительных работах. При этом кадровые работники отрасли дополнительных надбавок лишались.

Постановлением Госкомитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и секретариата ВЦСПС от 03.06.1966 № 324/12 работникам строительно-монтажных управлений, занятым на строительстве лесозаготовительных предприятий в многолесных районах, была разрешена выплата надбавки «за подвижной характер работ» в размере 30 % должностного оклада или тарифной ставки присвоенного разряда. Однако это постановление не решало вопросов выплаты надбавки кадровым рабочим и инженерно-техническим работникам строительных организаций, так как надбавки лишались работники: а) проживавшие более пяти лет в одном и том же месте на предоставленной им жилой площади в домах постоянного типа; б) принятые на работу из числа местных жителей, в случаях если они имели возможность ежедневно возвращаться с места работы к месту постоянного жительства (это расстояние могло ежедневно достигать десятков километров в одну сторону. — О. К.); в) переведенные из другой местности, если этим работникам выплачены подъемные и предоставлена жилая площадь в домах постоянного типа.

В результате таких ограничений кадровые строители из числа местных жителей и проработавшие более пяти лет практически лишались надбавки, а также льгот, предусмотренных для работников леспромхозов постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 582 от 21.07.1966. В связи с этим кадровые работники строительных организаций переходили на работу в лесозаготовительные предприятия, что увеличивало и без того высокую текучесть кадров [5; 19].

Любопытно, что с точки зрения неравномерности распределения финансовых потоков в советской распределительной экономике Карельская АССР оказалась регионом, где районные коэффициенты к заработной плате работников лесной промышленности практически не применялись. Постановлением Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и Президиума ВЦСПС от 09.08.1966 № 473/п-21 была предусмотрена выплата районного коэффициента к заработной плате работников предприятий, организаций и учреждений, обслуживавших предприятия и организации лесной промышленности в южных районах Дальнего Востока, Сибири и Европейского Севера. Советом Министров КАССР и областным советом профсоюзов был подготовлен перечень лесных поселков Карелии, где должен был применяться данный коэффициент к заработной плате. Однако Госкомитет СМ СССР по вопросам труда и зарплаты и ВЦСПС отказали республиканским властям в возможности использования данного коэффициента, не разъяснив порядок его применения к зарплате работникам просвещения, здравоохранения, бытового обслуживания предприятий лесной промышленности республики [5; 20].

Важнейшим индикатором эффективности труда в региональной лесной отрасли стали **прогулы**. Значительный их процент приходился на неявки с разрешения администрации. Большие потери рабочего времени были связаны с целодневными и внутрисменными простоями; их сокращение, несмотря на все усилия администрации предприятий, шло крайне медленно. Наряду с потерями, обусловленными организационно-техническими причинами (отсутствие сырья, материалов, электроэнергии, неисправность, наладка оборудования, смена инструмента, исправление брака и т. д.), значительную часть внутрисменных потерь рабочего времени составляли потери по вине рабочих (опоздание на работу, преждевременный уход на обед и с работы и т. п.). Эти потери часто были связаны с недостатками в работе сферы обслуживания [10; 58].

Немалый ущерб лесопромышленному комплексу Карелии наносила **текучесть кадров**. Ежегодно с предприятий лесной отрасли республики увольнялось примерно такое же количество рабочих, какое принималось на работу. Из них около половины — «по собственному желанию», за прогулы и другие нарушения трудовой дисциплины. Частые увольнения сдерживали рост производительности труда, вызывали дополнительные расходы на обучение и переобучение рабочих, снижали и без того низкую трудовую дисциплину, отрицательно сказывались на производстве продукции. Показательна динамика тех лет. В 1963 г. на лесозаготовительные предприятия Карелии прибыло 26 077 человек, выбыло — 24 595. В 1964 г. прибыло 23 617 человек, выбыло — 23 457. За 9 месяцев 1965 г. прибыло 16 895 человек, выбыло — 18 297 [3; 105]. Такая почти стопроцентная текучесть рабочей силы на предприятиях отрасли формировала в людях, прибывавших на работу в лесозаготовительные предприятия республики (чаще всего из-за пределов Карелии), понимание временности их трудовой занятости, а также соответствующее равнодушное отношение к рабочему месту и результатам своего труда. Говорить о бережливом отношении к лесу как главному ресурсу региона со стороны таких временных работников явно не приходится.

Выводы. К характеристикам труда в лесной промышленности Карелии в рассматриваемый период, объясняющим его низкую эффективность, можно отнести: формализм в реализации трудовых отношений между работниками и администрацией предприятий, наличие казенной среды труда, элементы раннеиндустриального труда, высокий производственный травматизм. Данные особенности также проявились в слабой восприимчивости к положительным новшествам, в устойчивом воспроизводстве неэффективной системы труда и его материального и морального поощрения, а также в недостатках распределения финансовых потоков со стороны центральных министерств. Результатом таких особенностей стал высокий уровень прогулов и текучести в отрасли, которые в свою очередь усиливали воздействие выше приведенных негативных особенностей.

Эти особенности института труда в лесной отрасли Карелии середины 1960-х гг. явились следствием централизованного механизма администрирования трудовых отношений, который подразумевал регулирование отношений почти исключительно «сверху» при наличии слабой обратной связи «снизу». Выделенные особенности функционирования социально-трудовых отношений в лесной промышленности Карелии в середине 1960-х гг. стали той «миной замедленного действия», которая привела главную отрасль региональной экономики к тяжелому кризису в последующие десятилетия.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. П-3. Оп. 16. Д. 136.
2. НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 138.
3. НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 139.
4. НА РК. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 123.
5. НА РК. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 124.

Литература

1. Белоногов Ю. Г. Эволюция советской модели экономики 1950—1960-х годов в отечественной историографии // *Антро*. 2014. № 1 (14). С. 116—125.
2. Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. Москва, 2006.
3. Калинина О. Н. Характер взаимодействия управленческих групп в интересах развития регионов Сибири (вторая половина 1940-х — начало 1960-х годов) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология*. 2013. Т. 12, № 8. С. 161—167.
4. Кирдина С. Г. X- и Y-экономики : институциональный анализ. Москва, 2004.
5. Кулагин О. И. Проблемы трудовой мотивации работников лесной промышленности Карелии в конце 1960-х — 1970-е гг. // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2012. №1. С. 163—173.
6. Кулагин О. И. Социальный облик и трудовая мотивация рабочих лесной промышленности

- Карелии (1917—1928) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия : Общественные и гуманитарные науки. 2011. Т. 1, №7. С. 13—18.
7. Кулагин О. И. Основные проблемы реализации института редиистрибуции в советской лесной экономике середины 1960-х годов (на примере лесной промышленности Карельской АССР) // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. № 41. С. 279—300.
  8. Кулагин О. И. Роль «неофициальной экономики» в советской лесной промышленности второй половины 1960-х — начале 1970-х гг. (по материалам Карельской Автономной Советской Социалистической Республики) // Глобальный научный потенциал. 2013. № 1 (22). С. 24—27.
  9. Кулагин О. И. Скрытые социальные конфликты на предприятиях советской лесной промышленности во второй половине 1960-х гг. (по материалам Карельской АССР) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. 2013. № 3—1. С. 91—93.
  10. Поланы К. Примитивная, архаичная и современная экономика : эссе (Primitive, Archaic and Modern Economics: Essays of Karl Polanyi, 1968).
  11. Проблемы экономического и социально-экономического развития Карелии. Ленинград, 1989.
  12. Kulagin O. I. Workers in forests: Social identity and labour motivation in timber industry of Karelia in 1917—1928 // Журнал Сибирского федерального университета. 2013. № 4. С. 406—414.

REFERENCES

ARCHIVAL SOURCES

1. National Archive of Republic of Karelia (hereinafter — NA RK) [Natsional'nyy Arhiv Respubliki Kareliya], Fund P-3. Opis' 16. Delo 136.
2. NA RK. Fund P-3. Opis' 16. Delo 138.
3. NA RK. Fund P-3. Opis' 16. Delo 139.
4. NA RK. Fund P-3. Opis' 17. Delo 123.
5. NA RK. Fund P-3. Opis' 17. Delo 124.

LITERATURE

1. Belonogov U. G. Evolution of the Soviet economic model in 1950—1960 in the national historiography [Evolyutsiya sovetskoy modeli ekonomiki 1950] // *Anthro*. 2014. № 1 (14). P. 116—125.
2. Bessonova O. E. Distributing Russia's economy: evolution through transformation [Razdatochnaya ekonomika Rossii: evolyutsiya cherez transformatsiyu]. Moscow, 2006.
3. Kalinina O. The character of interaction of management teams for the development of Siberia (the second half of 1940s — beginning of 1960s) [Harakter vzaimodeystviya upravlencheskikh grupp v iteresakh razvitiya regionov Sibiri] // Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology [Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya]. 2013. V. 12, № 8. P. 161—167.
4. Kirdina S. G. X- and Y-economy: institutional analysis [X- i Y-ekonomiki: institutsional'nyi analiz]. Moscow, 2004.
5. Kulagin O. I. The problems of labour motivation of workers in timber industry of Karelia in the late of 1960s — 1970s. [Problemy trudovoy motivatsii rabotnikov lesnoy promyshlennosti Karelii v kontse 1960-kh - 1970-e gg.] // *Srednerusskiy Vestnik of Social Sciences* [Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk]. 2012. № 1. P. 163—173.
6. Kulagin O. I. Social image and labour motivation of workers in timber industry of Karelia (1917—1928) [Sotsial'nyi oblik i trudovaya motivatsiya rabochikh lesnoy promyshlennosti Karelii (1917—1928)] // Scientific notes of PetrSU. Series: Social Sciences and Humanities [Uchenye zapiski PetrGU. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki]. 2011. Vol. 1, № 7. P. 13—18.
7. Kulagin O. I. The main problems of the implementation of the institute of redistribution in the Soviet timber economy in the middle of 1960s (on the example of the timber industry of the Karelian ASSR) [Osnovnye problemy realizatsii instituta redistributsii v Sovetskoy lesnoy ekonomike serediny 1960-kh godov (na primere lesnoy promyshlennosti Karel'skoy ASSR)] // State management. Electronic Bulletin [Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik]. 2013. № 41. P. 279—300.
8. Kulagin O. I. The role of the «informal economy» in the Soviet timber industry in the second half of the 1960s — early 1970s. (Based on materials of Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic). [Rol' «neformal'noy ekonomiki» v Sovetskoy lesnoy promyshlennosti vtoroy poloviny 1960-h - nachale 1970-kh gg. (po materialam Karel'skoy Avtonomnoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki)] // Global scientific potential [Global'nyi nauchnyi potentsial]. 2013. № 1 (22). P. 24—27.

9. Kulagin O. I. Latent social conflicts in the enterprises of the Soviet timber industry in the second half of the 1960s. (Based on materials of Karelian ASSR) [Skrytye sotsial'nye konflikty na predpriyatiyakh sovetskoy lesnoy promyshlennosti vo vtoroy polovine 1960-kh gg. (Po materialam Karel'skoy ASSR) // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and Practice [Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki]. 2013. № 3—1. P. 91—93.
10. Primitive, Archaic and Modern Economics: Essays of Karl Polanyi, 1968 [Primitivnaya, Arkhaichnaya i Sovremennaya ekonomika: Esse Karla Polan'i].
11. The problems of economic and socio-economic development of the Republic of Karelia [Problemy ekonomicheskogo i social'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Kareliya]. Leningrad, 1989.
12. Kulagin O. I. Workers in forests: Social identity and labour motivation in timber industry of Karelia in 1917—1928 // *Journal of Siberian Federal University*. 2013. № 4. P. 406—414.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Коэффициент частоты травматизма (Кч) — коэффициент, выражающий количество несчастных случаев на производстве, приходящихся на 1 тыс. работников. Обычно Кч определяется за 1 год. Рассчитывается по формуле $Kч = T \cdot 1000/P$, где Т — общее число пострадавших за определенный период времени независимо от того, закончилась ли временная нетрудоспособность в этом периоде, Р — среднесписочная численность работников за этот период времени.

*

*

*

Keywords:

*

*

olkulagin@yandex.ru

Summary:

*

УДК 341.24

August 1991 as a turning-point in the finnish-russian relations

РААВОНЕН
Tapani

*Doctor of Social Science, Senior Researcher,
Political History, University of Turku,
Turku, tapaavo@utu.fi*

Ключевые слова:

Finnish-Soviet relations;
Finnish-Russian relations; Finnish
foreign policy; Treaty of Friendship
Cooperation and Mutual Assistance;
Russian revolution of 1991; Finland's
relationship to European integration

Аннотация:

The attempted coup in Moscow, August 19—21, 1991, can be seen as a turning-point in the Finnish-Soviet and Finnish-Russian relations. As a result of these events, the old Cold-War Europe was definitively left behind and the so-called New Europe entered instead to determine the mutual relations. Actually, the question is about gradual even though relatively rapid developments ranging from the perestroika in the latter half of the 1980s to about early 1992. Yet the critical days, August 19—21, 1991, were of crucial significance in this process.

The change comprised all aspects of inter-state relations: The Finnish neutrality and the Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance (FCA Pact) as foundations of the political relations were replaced by military non-alliance and independent defence as the Finnish security-policy doctrine and a new Treaty of the Foundations of Relations between Finland and the Russian Federation, respectively. The “political line” in the conduct of political relations was abolished. For economic relations, the bilateral trade regime was replaced by a multilateral one and the Finnish-Soviet Trade Treaty of 1947 and some other commercial agreements were replaced by a new trade agreement with the Russian Federation. Cultural exchange under the Finnish-Soviet Scientific-Technical Cooperation Committee was replaced by new type of neighbouring-area cooperation.

This paper is preliminary, based on public material. The Finnish foreign policy archives on the matter, once opened to scholars in a couple of years, will specify and, maybe, will revise the picture.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Structures of the Finnish-Soviet relations during the Cold-War

Finland's international position during the Cold War was largely conditioned by its relationship to the Soviet Union, based in contractual terms on the Paris Peace Treaty (1947) and the Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance, or FCA Pact (1948). From the onset of Urho Kekkonen's long-time presidency (1956—1981) the Finnish foreign-policy orientation was known as Paasikivi-Kekkonen Line. Western commentators launched in the 1960s “Finlandization” as a warning against too close relations with the Communist giant.

The most distinguished element of Paasikivi-Kekkonen Line was the Finnish neutrality, which, as distinct from the other neutral countries in Western Europe, carefully took into account the requirements of Soviet

relations. Yet the Finnish neutrality was an ambiguous concept. On one hand, it was used to stress Finland's independence from the Soviet Union [13; 186]. On the other hand, it implied Finland's special relationship to the Soviet Union by its strict impartiality with regard to the East-West disputes.

According to the Finnish view, for example, membership in the European Communities (EC) was excluded in the Finnish considerations. The provision of the FCA Pact "not to conclude any alliance or join any coalition directed against the other High Contracting Party"[1] was generally understood to cover, among other things, the EC. The FCA Pact was, however, not referred to in this connection by the Finnish foreign policy leadership but the outspoken Finnish argument was a repulsion of supranational decision-making, which was derived from neutrality [22; 79, 148, 152—153].

The Soviet Union recognized the Finnish neutrality from 1956 onwards. In the late 1960s, however, the Finnish neutrality fell into crisis. In the aftermath of the occupation of Czechoslovakia, autumn 1968, the Soviet Union refused to include a mention of neutrality in the Finnish-Soviet communiqués. President Kekkonen managed to resume this mention temporarily during his state visit in July 1970 when the FCA Pact was extended for the second time. Already in 1971, the Soviet Union returned to the negative stand. Since then, the Finnish-Soviet communiqués defined the Finnish foreign policy orientation as "*endeavour of peaceful neutrality policy*"; "peaceful" was the self-perception of the Soviet foreign policy. According to Max Jakobson, the Soviet Union strove consequently from the late 1960s up to 1978 to tie Finland to its own military system. Despite the Soviet refusal, in the Finnish foreign-policy definitions "neutrality" remained virtually unchanged. This contradiction continued until 1989 [11; 230—248, 266—278, 314—322; 12; 82—84; 30; 31; 32; 29].

A special kind of dual diplomacy was developed between Finland and the Soviet Union under President Kekkonen, and the practice was continued under President Mauno Koivisto (1982-1994). Through ordinary diplomatic channels it was conducted mainly routine affairs. Critical political questions were communicated between the Finnish President and the Soviet leadership through the "political line", maintained by the Soviet foreign intelligence service through its "resident" in Helsinki.[2] By maintaining contacts through the "KGB Man" with his direct connections to the highest Soviet leadership, the Finnish President could bypass a lot of bureaucratic rigidity and political dogmatism in the Soviet foreign relations administration.[3]

The system of Finnish-Soviet trade was unique in the world. The Most-Favoured-Nation (MFN) treatment between Finland and the Soviet Union was conspicuous, but economically important was the large-scale trade exchange.

The definition of the Finnish-Soviet MFN treatment differed from the Western practice. While normally states grant each other "unconditional" MFN treatment, in the Trade Treaty (1947) Finland and the Soviet Union granted each other "unconditional and *unlimited* (неограниченный) most-favoured-nation status in respect of all questions related to commerce and navigation between the two countries, as well as in respect of industry and other forms of economic activity in their territories" [24]. Subsequently, the unlimited nature of the MFN treatment implied, most importantly, that Finland had to grant the Soviet Union the same customs benefits than it granted to the EFTA countries in 1961 and the EC in 1973 [20; 108—111; 22; 222].

In 1945-1990, trade with the Soviet Union comprised in average 16 percent of Finland's foreign trade.[4] In the aftermath of the World War II, a bilateral trade regime with a clearing account was the general practice even among the West European countries, but by the time the Finnish-Soviet trading system became exceptional [20; 149—170]. For the Soviet Union, maintaining trade with Finland on as high level as possible was without doubt a political end in itself [18; 96—98]. For Finland, the system was economically advantageous since it enabled, as the most important benefit, equivalent exports of Finnish goods with high degree of domestic processing as Finland imported from the Soviet Union, mainly oil and other raw materials which were to be imported in any case [16; 280—281]. The Finnish business leaders, notably within the manufacturing industries, were anxious to retain the bilateral clearing system as long as possible.[5]

New relationship under *perestroika*

A new, more responsive Soviet attitude towards Finland is discernible since about 1978 when the Soviet Union relinquished attempts to tie Finland closer to its military system. In the presidential election of 1982, the Soviet Union originally favoured Ahti Karjalainen, but when it turned out that he had no possibilities, the Soviet leadership, then still under Leonid Brezhnev, accepted easily Mauno Koivisto's presidency [17; 19—20]. President Koivisto continued Kekkonen's foreign policy orientation. In 1983, the FCA Pact was extended for the third time now up to 2003.

Perestroika was received in Finland enthusiastically, as well as in the Western Europe in general. It was perceived as a positive development in which the Soviet Union dissociated itself from all that negative features with which it had been associated thus far. Finnish-Soviet relations developed, in political terms, favourably, though it lasted until October 1989 that Secretary General Mikhail Gorbachev at last could arrange time for a

Paavonen T. August 1991 as a turning-point in the Finnish-Russian relations // *Studia Humanitatis Borealis*. 2014. № 2. C. 15–24.

state visit to Finland. Gorbachev was received by the people as a liberator who resumed the Finnish independence. He, for example, accepted easily the statement of Finnish neutrality in the joint declaration, i.e. without the “endeavour of peaceful (...)” [17; 304–305]. The climax of the visit was Gorbachev’s address at Finlandia House in which he publically recognized the Finnish neutrality “without conditions” (безусловно) [38; 48]. People swarmed and cheered where ever “Gorba” and Raisa Maximovna moved, which Gorbachev also notices in his memoirs [6; 754–755].

In the circumstances of *perestroika* it was already ambiguous whether EC membership still was to be regarded as an anti-Soviet act. During his visit to Finland, November 1989, Gorbachev was asked by a journalist about his attitude if “some neutral country, say Austria,^[6] wish to join the Common Market, the European Community”. Gorbachev replied at the end of his curly answer: “(...) it is her right (это ее право) [38; 52–53].”

With regard to West European integration, Finland, however, adhered to the consolidated neutrality doctrine. It did not even consider joining the EC until in the early 1990s but adhered to the projected European Economic Space (EES) (later on renamed the European Economic Area, EEA). In its report to the Parliament, November 1988, the Finnish Government opined [5; 5]:

“Implementing Finland’s policy of neutrality requires that we keep decision making in our own hands. In our view this is not compatible with full membership in the EC. The EC is striving to create a European union which would include a common foreign policy.”

During 1989 and 1990, there were no official deliberations about changing the Finnish integration policy. The attitude towards European integration was basically unaltered in the Government Notice to the Parliament in late November 1989, [35; 5] soon after Gorbachev’s visit. The report of the Parliament’s Foreign Affairs Committee in June 1990 continued on the same guidelines [33; 10]. Paavo Väyrynen, a Centre Party politician but also a scholarly student of the Finnish foreign policy, has remarked that throughout 1990 the Prime Minister and the Foreign Minister repulsed consequently an EC membership as incompatible with neutrality while President Koivisto became more reticent in this respect [37; 90, 97–106, 115–117].

In the wake of the East European revolution, it arose in Finland demands for revoking the FCA Pact. The state leadership did not warm to these demands. In September 1990, however, “Operation Pax” was launched. Finland revised unilaterally the Paris Peace Treaty and the FCA Pact on the basis that the solution of the German question had made parts of them obsolete. For the Peace Treaty, the Government declared the military restrictions and the forbiddance of acquiring war material and civil aircraft from Germany to have lost their significance; yet Finland kept in force the commitment not to acquire atomic weapons. The Government declared that the decision “will not change the foundations of the Finnish security and defence policy”. According to President Koivisto, negotiations on the Peace Treaty would have become complicated because of the large number of signatory states whose actual relationship to the treaty was remote. Therefore, Finland only informed in advance the Soviet Union and the United Kingdom whose reactions were interpreted as approving. For the FCA Pact, President Koivisto dictated to the Government minutes a statement according to which reference to Germany as a possible aggressor had become obsolete. The President underlined that the revision concerned only this one aspect, in other respect the treaty preserved its significance. President Koivisto informed in advance President Gorbachev about his aim with regard to the FCA Pact. Gorbachev approved the idea without engaging into longer discussion. The Soviet Foreign Ministry remained somewhat discontent with the Finnish proceeding, especially the unilateral cancellation of the armament restrictions, but acquiesced to the situation after Gorbachev had approved it [17; 359–362; 3; 86–88; 14; 326; 4; 113–116].

From spring 1991 on, there were at last clear indications of change in the Finnish foreign policy view. The very concept of neutrality was under re-consideration within the Finnish state leadership even though no official pronouncements were made. For example, Pertti Paasio, Chairman of the Social Democratic Party, after having left his post as Foreign Minister, questioned the Finnish neutrality in post-Cold War Europe, arguing that there were no longer conflicting parties between which to be neutral [37; 132–143]. During spring 1991, membership in the EC became the prevalent political opinion in Finland even though the President or the Government did not proclaim any new guidelines until in the post-August situation [21; 203–204].

President Koivisto, as the leader of the Finnish foreign policy, and his Government supported Gorbachev to the end. This appeared, for example, in the attitude of official Finland towards the Baltic national movements in 1989–1991. While popular sentiments in Finland – like in the other Nordic countries – were impatiently pro-Baltic, President and Government gave preference to Soviet relations and were prepared to support the Baltic cause only to that extent as was agreed upon with Moscow [17; 306, 321–327, 390–412].

In contrast to warm political relations, the traditional bilateral trade system fell into crisis during *perestroika*. Increased independence from the state made the Soviet enterprises reluctant to deliver goods for exports to Finland in which they yielded clearing roubles, virtually Soviet roubles, while they could sell

alternatively to other countries against convertible currencies. In 1989, it was already expectable that the clearing system was coming to end. Finland tried to delay the inevitable as long as possible, but in late 1990 the Soviet Union at last announced that it will change over to convertible currencies from 1991 on [18; 47–58]. In autumn 1990, when the end of the bilateral trade became obvious, Finland initiated negotiations on a new trade agreement in which obligations were genuinely reciprocal [17; 373–375]. There were negotiations or at least discussions between Finland and the Soviet Union but these did not lead to a result at this phase.

From Finnish-Soviet to Finnish-Russian relations

The official Finnish reaction to the attempted *coup* in Moscow, August 19–21, 1991, was worded conspicuously mildly. August 19, the first day of the dramatic events, the Finnish Government declared as follows [19; 140]:

“The Finnish Government regrets that the declaration of martial law has suspended the democratic development in the Soviet Union. --- The Government wishes that normal conditions will be resumed as soon as possible in our neighbour country.”

At this stage, it was believed in Finland that the *coup* would succeed.

The immediate effect of the attempted *coup* and especially its failure was that it wiped out the cautiousness, which had marked Finland’s attitude to the Eastern neighbour thus far. The Finnish state leadership recorded that the above-mentioned statement, though with mild wording, was the first time that Finland criticized developments in the Soviet Union [17; 432, 435; 3; 90–91]. The second expression of the new mood was the attitude towards the Baltic countries. Finland recognized their independence – or officially: resumed diplomatic relations with them – in late August in the wake of the other West European countries. To be sure, this step took place after Russia had recognized them, but before the Soviet Union did it [17; 439–441; 3; 91].

State-level relations between Finland and Russia date back to June 1991 when President Koivisto, during his visit to the Soviet Union, met Boris Yeltsin, the newly-elected President of Russia. Yeltsin stressed the primacy of Russia with regard to the Soviet Union but understood, according to Koivisto, Finland’s endeavour to maintain relations primarily with Gorbachev’s administration [17; 426–435; 3; 89–90].

In the post-*coup* situation, Finland, at last, took up the renovation of the FCA Pact but abstained consequently from unilateral action. According to Jaakko Blomberg, then Head of the Political Department of the Finnish Foreign Ministry, uncertainty prevailed within the Finnish foreign relations administration, whether Finland still had to negotiate with the Soviet Union or with Russia, or with both. In early September 1991, Prime Minister Esko Aho gave an address, approved by Koivisto, as he claims [2; 74], in which he – with cautious wording and not mentioning the Treaty itself – let to understand that it was time to renovate the FCA Pact. Aho spoke about “Russia-Soviet Union” [1]. Finland moved ahead cautiously. Koivisto tells in his memoirs to have explained to the Foreign Minister Paavo Väyrynen [17; 442]:

“(…) that in Soviet and Russian relations one had to beware of falling into a situation in which we would support one group to power and thereafter we would get its suspicions that in the future we possibly could support somebody else to power in the same way.”

Some days later, Foreign Minister Väyrynen discussed the question with Andrei Kozyrev, Foreign Minister of Russia, and Boris Pankin, the Soviet Foreign Minister, who had been one of the few Soviet diplomats loyal to Gorbachev during the *coup* days. According to Blomberg, President Koivisto decided the dilemma of negotiating partner by contacting, on September 12, President Gorbachev through the political line of the Soviet embassy. As the starting point, he suggested the Soviet-German basic agreement of 1990. Six days later, there were two answers. In Moscow, Yuri Deryabin, Soviet Deputy Foreign Minister, urged President Koivisto through the Finnish ambassador to send a letter on the matter to the President Gorbachev. In Stockholm, Boris Pankin, Soviet Foreign Minister, answered to a journalist’s question that the Soviet Union was prepared to discuss the FCA Pact with Finland, if Finland wanted so. According to Deryabin, he was unaware of Koivisto’s initiative, which had been transmitted through the “party line”, but Pankin knew it. Four days later, foreign ministers Väyrynen and Pankin agreed on starting negotiations in Moscow in October [36; 115–116; 17; 442–443; 4; 194–196; 3; 92–95].

Negotiations with the Soviet Union were carried out in Moscow from October 14 to November 5, 1991. It was agreed upon with Russia that Finland will first conclude a treaty with the Soviet Union after which a corresponding treaty will be negotiated with Russia. The Soviet delegation easily accepted the Finnish draft text as the basis of negotiations. The Treaty of Good Neighbourhood and Cooperation was initialled on December 9, i.e. a day after the Belavezha Accords, establishing the Commonwealth of Independent States (CIS), was signed. According to the new treaty, Finnish-Soviet relations were to be based on the principles of the Conference for Security and Cooperation in Europe (CSCE). The parties committed themselves, among other things, to abstain from threatening with force or the use of force, not to allow their territories be used for armed aggression against each other, and not to assist an aggressor militarily if one of the parties would be attacked. According to Yuri Deryabin, Chairman of the Soviet delegation, the Soviet delegation tried to include in the preamble a mention of the significance of the FCA Pact, but the Finns resisted resolutely. He wondered the Finns' sudden "allergy" to the treaty which they still recently had praised, but the Soviet delegation gave way, and about the FCA Pact it was mentioned only that the new treaty replaces it. In view of recently increased demands of resuming the lost Karelia, the Soviet delegation, however, demanded a separate article on the integrity of the Finnish-Soviet border. The Finns first objected to, but since the Soviets were persistent Finland eventually complied to include a separate article on a "border of good neighbourhood and cooperation". On Finland's initiative the treaty included an article on Finns and Finnish-kindred peoples in the Soviet Union and, reciprocally, Russians in Finland [17; 445—447; 4; 196—201; 3; 96—101].

President Koivisto tells in his memoirs that he first aimed to travel himself to the signing ceremony, envisaged in Moscow on December 18, but then cancelled the aim. Foreign Minister Väyrynen was to travel to sign the treaty with the Soviet foreign minister Eduard Shevardnadze. Since the position of President Gorbachev was weakening from day to day, Finland still wished to be assured about the attitude of Russia. A day before the aimed signing, it turned out that Russia had adopted a categorically negative stance to the treaty, after which the Finnish and the Russian foreign ministries stated jointly that the treaty will be dropped [36; 116—117; 17; 448; 3; 97].

Negotiations with Russia were carried out from November 27, 1991, to January 14, 1992. During the negotiations, on December 30, 1991, after the Soviet Union had ceased to exist, Finland at last recognized the Russian Federation as the successor state of the Soviet Union. A day before the envisaged signature, President Yeltsin wished to postpone the proceeding to March when he aimed to visit Finland, but the Finnish state leadership regarded it as an excessive delay. Seemingly, the Finns wanted to get rid of the FCA Pact as soon as possible. As Yeltsin contented himself with the Finnish stance, the Treaty between the Republic of Finland and the Russian Federation on the Foundations of Relations [28] was signed in Helsinki on January 20, 1992, by the Prime Minister Aho and the Deputy Prime Minister Gennady Burbulis. At the same time, an Agreement on cooperation in the neighbouring areas of North-Western Russia [27] and a new Trade agreement [26] were signed as well. The ratification acts were changed in July, 1992, during President Yeltsin's visit to Helsinki [36; 117—119; 17; 447—450; 3; 102—103].

The Treaty of the Foundations of Relations was mainly a repetition of the failed Finnish-Soviet treaty. Relations were to be based on the principles of the CSCE. The Finnish-Russian border was to be a "border of good neighbourhood and cooperation". The parties committed themselves to abstain from threatening with force or the use of force, respecting each other's territorial integrity and political independence, and solving their mutual disputes exclusively through peaceful means. The parties committed themselves not to use or allow their territories be used for armed aggression against each other, and not to assist militarily an aggressor if one of the parties would be attacked. Further, the Treaty outlined areas of mutual cooperation, among them supporting the national identity of Finns and Finnish-kindred peoples in Russia and, correspondingly, those with the Russian origin living in Finland. The FCA Pact was not even mentioned in the text of the treaty, but in the signing ceremony the contracting parties only declared it as repealed. According to Koivisto, Yeltsin expressed his satisfaction to the annulment of the FCA Pact which "had been unjust for Finland" [9; 17; 447—452].

The Agreement on cooperation in the neighbouring areas covered promotion of mutual trade, economic development, environmental protection, education, etc. in the Murmansk Region, the Republic of Karelia, Saint-Petersburg and the Leningrad Region. Finland committed itself to support the cooperation financially within annual budgetary appropriations, and Russia committed itself to facilitate the implementation of projects within this cooperation. The Agreement entitled regional authorities, as well as local authorities in Finland, to conclude agreements on individual cooperation projects [10].

Negotiations on the new Trade agreement were started in autumn 1991, and the agreement was initialled on January 14, 1992. The agreement replaced the Soviet-time ones, i.e. the Trade Treaty of 1947, the Agreement on Customs Questions of 1960, the Agreement on the Finnish-Soviet economic cooperation

Paavonen T. August 1991 as a turning-point in the Finnish-Russian relations // *Studia Humanitatis Borealis*. 2014. № 2. C. 15-24.

Commission of 1967, and the last framework agreement of 1989. Starting from 1992, Finnish-Russian trade relations were to be based on the principles of the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT), to which Finland was a contracting party and whose principles Russia was adopting. The agreement anticipated that Russia will adopt market economy.

The new trade agreement was, seemingly, formulated in view of Finland's membership in the EC / European Union. According to the articles of the agreement, Finland no longer granted Russia those customs benefits which it granted within the West European free trade zone, but the Finnish-Russian trade was to be based on the principle of Most-Favoured-Nation (MFN) treatment according to GATT provisions. Note that MFN treatment, in spite of the wording, is normally the "worst" treatment between trading partners. The agreement also explicitly included reservation for economic areas, customs unions or free-trade areas, as well as preferences for developing countries and neighbour countries, as exemptions from the MFN rule. On the other hand, the agreement excluded return to the bilateral clearing basis, the benefits of which Finland had enjoyed up to 1990, while stipulating trade to be conducted between judicial and physical persons using convertible currencies, albeit it enabled countertrade between firms. A new Finnish-Russian Economic Cooperation Commission was established to replace the Soviet-time one.

In spite of the articles proper, Finland and Russia, however, agreed to continue, by and large, the thus far practices temporarily. These stipulations were placed in the correspondence, the provisions of which the parties applied to on autonomous basis, i.e. they were flexibly detachable. The parties, firstly, committed themselves not to introduce new import duties or related fees so far. Finland committed itself so continue, so far, duty-free imports from Russia as had been defined in the agreement of 1960. Exception to these two provisions formed those agricultural and fisheries products that had belonged to the sphere of free trade. Russia, for its part, committed itself to continue duty-free imports from Finland at least until it will adopt an up-to-date Customs Tariff. Free trade covered products originating in the contracting party; products originating in the CIS were paralleled with Russian products [8]. The agreement lost its significance when, in the beginning of 1995, Finland entered the European Union with its Common Trade Policy.

At the same time with the turmoil in the Finnish-Soviet and Finnish-Russian relations, Finland's relationship with the EC as well as its foreign-policy definition changed. After the attempted *coup* in Moscow, during the autumn 1991, the Finnish opinion definitively changed over to the EC membership. President Koivisto instructed the Prime Minister that the FCA Pact, still intact, could not be an obstacle to Finland's integration decisions since in that case the Soviet Union would be given a right of veto to Finland's decisions [17; 444]. The new Treaty of the Foundations of Relations then removed definitively the problem of compatibility between EC membership and Russian relations. Obviously, security-policy considerations affected the change of mind. President Koivisto explains in his memoirs this point of view being decisive when he came to the conclusion of EC membership. "But this (...) was not to be said publicly" [17; 554]. In front of the Finnish Parliament he argued that "we have voice there where decisions are made", [17; 541—542] which also became the prevalent argument in Finland. Also Max Jakobson, Finnish veteran diplomat and observer of world events, has regarded safeguarding the Western identity and strengthening the country's security as the ultimate motive of the pro-EC majority [12; 110—111]. Finland became, together with Sweden and Austria, a member of the European Union (EU), to which the EC had been transformed in autumn 1993, from the beginning of 1995.

The change in the foreign-policy definition was part of the EC/EU process and removed the problem of compatibility between EC membership and neutrality. Also, in this respect, the definite change dates to autumn 1991 [37; 132—137]. The Government Notice to Parliament in March 1992 on Finland's EC application re-defined the Finnish neutrality as follows [7, 34; 5]:

"(...) the core of Finnish neutrality can be characterized as military non-alignment and an independent defence."

The definition followed that adopted by Sweden already in 1991 [37; 117]. Soon, however, "the core of neutrality" dropped out from both the Swedish and the Finnish definition. What was left as the characterization of the Finnish foreign-policy orientation was "military non-alignment and independent defence." [37; 164—188].

With the end of the Soviet Union also the assignment of Felix Karasev in Helsinki ceased. This marked the end of the "political line" in the conduct of Finland's relations with the Eastern neighbour. From 1992 on relations with Russia were conducted through normal diplomatic channels like with other countries [17; 452—453].

From 1992 on, relations between Finland and the new Russia developed favourably. To be sure, the appointment of Yuri Deryabin, who formerly, during the Brezhnev era, under the pseudonym Yuri Komissarov had actively questioned the Finnish neutrality, as the first Russian Ambassador in Helsinki raised astonishment [4; 213–214]. Deryabin, however, served his country's new policy as faithfully as he had served the old one. He was focused on healing the consequences of former Soviet interference in Finnish internal affairs [4; 217–226; 233–234]. President Yeltsin, when visiting Finland in July 1992, also regretted the former Soviet interference in Finnish affairs [17; 568]. Both countries concluded a Partnership for Peace agreement with the NATO in 1994. Finland contributed actively to Russia's membership in the Council of Europe in 1996.

From about 1989 on, demands of resuming the lost territories, notably the lost Karelia, emerged in Finland. These demands were raised especially by representatives of Karelian evacuees and their descendants, but also by other activist groups [17; 455–458]. The new Treaty of the Foundations of Relations, when resorting to the principles of the CSCE, would have enabled border revision by mutual agreement. The resumption demands were, however, not supported by the state leadership. President Koivisto and the Government regarded that borders, confirmed in the peace treaty, were to be preserved [17; 455–458, 566].

During the 1990s, Finnish-Russian trade recovered gradually from the bottom into which it had fallen as a result of the political turmoil. Yet it lasted up to 2005 until Russia again became one of Finland's largest trading partners [25].

The future of the Finnish-Russian relations

Until recently, the Finnish-Russian relations seemed to be unproblematic. In the 1990s, it even seemed that a new era of general harmony in the East-West relations had dawned. Unlike the former Soviet Union, the New Russia did not perceive West European integration as any threat. Yet the Eastern enlargement of the NATO, from 1999 on, and the US radar-stations programme in Eastern Europe have strained East-West relations. Clash between the geopolitical interests of Russia, on one hand, and the ideological ambitions of the European Union and the geopolitical interests of the United States, on the other, from late 2013 in Ukraine have changed the situation dramatically. The controversy can also be characterized as a clash between the Eastern Partnership programme of the EU and the Eurasian Union project of Russia. The present situation can become a new turning-point also in the Finnish-Russian relations.

Finland is involved in the new conflict indirectly through the EU membership. The Finnish-Russian relations are a part of the EU-Russia relations. Finland has not been an advocate of sanctions against Russia but has participated in their implementation loyally. Finland belongs to those member countries whose economy is hurt most through curtailed exports. In principle, Finland could have blocked the decision on sanctions, since the Common Foreign and Security policy requires unanimous decision-making, but such a proceeding would have brought Finland into conflict with most of its EU partners.

If Finland joins the NATO, the Finnish-Russian relations would also become a part of the NATO-Russia relations. From the 1990s on, Finland has kept a "NATO option" open, but this has been rather of theoretical significance. Thus far, at least, advocates of NATO membership have been a clear minority in the Finnish opinion.

REFERENCES

1. Aho E. Idänsuhteet arvioitava uudelleen, Helsingin Sanomat, 4 September, 1991.
2. Aho E. Pääministeri. Helsinki, Otava, 1998.
3. Blomberg J. YVA-sopimuksen loppuvaiheet ja korvaaminen uudella sopimuksella, YVA. Aika ja sopimus (Ed. Unto Vesa). Rauhan- ja konfliktitutkimuskeskus. Tutkimuksia 81. Tampere 1998.
4. Derjabin J. Omalla nimellä. Reunamerkintöjä Juri Komissarovin kirjoihin ja omaan elämään. Helsinki: Otava, 1998.
5. Finland and Western European Integration Process. Report to Parliament by the Council of State Concerning Finland's Attitude Towards the Western European Economic Integration Process, 1 November 1988. Helsinki: Council of State, 1989.
6. Gorbatschow M. Erinnerungen. Berlin: Siedler, 1995.
7. Government Notice to Parliament on Finland's EC Membership Application. Address by Prime Minister Esko Aho in Parliament. 16th March 1992. Ulkopoliittisia lausuntoja ja asiakirjoja 1992, Ulkoasianministeriön julkaisu, Helsinki 1993.
8. HE 41. Hallituksen esitys eduskunnalle Venäjän federaation kanssa kaupasta ja taloudellisesta yhteistyöstä tehdyn sopimuksen eräiden määräysten hyväksymisestä. Valtioapäivät 1992. Asiakirjat.
9. HE 8. Hallituksen esitys eduskunnalle Venäjän federaation kanssa suhteiden perusteista tehdyn sopimuksen hyväksymisestä. Valtioapäivät 1992. Asiakirjat.
10. HE 9. Hallituksen esitys eduskunnalle Venäjän federaation kanssa yhteistyöstä Murmanskin alueella,

- Paavonen T. August 1991 as a turning-point in the Finnish-Russian relations // *Studia Humanitatis Borealis*. 2014. № 2. C. 15–24.
- Karjalan tasavallassa, Pietarissa ja Leningradin alueella tehdyn sopimuksen eräiden määräysten hyväksymisestä. Valtioapäivät 1992. Asiakirjat.
11. Jakobson M. 38. kerros. Havaintoja ja muistiinpanoja vuosilta 1965–1971. Helsinki: Otava, 1983.
  12. Jakobson M. Finland in the New Europe (foreword by George Kennan). Westport. Conn.: Praeger, 1998.
  13. Jakobson M. Vallanvaihto. Havaintoja ja muistiinpanoja vuosilta 1974–92. Helsinki: Otava, 1992.
  14. Karasev F. Naapurinpojan muistelmat. Helsinki: Otava, 1998.
  15. Kirby D. G. Finland in the Twentieth Century. London: C. Hurst, 1979. Appendix E.
  16. Kivikari U. Finland, Going Global. Transition from Plan to Market in the World Economy (Ed. Padma Desai). Cambridge-London: MIT Pr. 1997.
  17. Koivisto M. Kaksi kautta II. Historian tekijät. Helsinki. Kirjayhtymä, 1995.
  18. Laurila J. Finnish-Soviet Clearing Trade and Payment System: History and Lessons, Bank of Finland studies, A:94. Helsinki, 1995.
  19. Neuvostoliiton tilanne; hallituksen kannanotto 19.8.1991. Ulkopoliittisia lausuntoja ja asiakirjoja 1991. Ulkoasianministeriön julkaisu. Helsinki, 1992.
  20. Paavonen T. Suomalaisen protektionismin viimeinen vaihe. Suomen ulkomaankauppa- ja integraatiopolitiikka 1945–1961. Suomen Historiallinen Seura. Historiallisia Tutkimuksia, 198. Helsinki, 1998.
  21. Paavonen T. Suomi Euroopan integraatiossa: vapaakauppaliiton ulkojäsenyydestä unionin ytimeen, Suomen asialla? Yksityiset ja julkiset toimijat kansainvälisessä yhteistyössä. (Ed. Louis Clerc & Tiina Lintunen). Ajankohta 16. Poliittisen historian vuosikirja 2013. Turku: Poliittinen historia. Helsingin ja Turun yliopistot, 2013.
  22. Paavonen T. Vapaakauppaintegraation kausi. Suomen suhde Länsi-Euroopan integraatioon FINN-EFTAsta EC-vapaakauppaan, Helsinki: The Finnish Literature Society, 2008.
  23. Rentola K. Niin kylmää että polttaa. Kommunistit, Kekkonen ja Kreml 1947–1958. Helsinki: Otava, 1997.
  24. Sopimus ystävydestä, yhteistoiminnasta ja keskinäisestä avunannosta Suomen Tasavallan ja Sosialististen Neuvostotasavaltain Liiton välillä - Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой. Suomen asetuskokoelman sopimussarja 13/1948.
  25. Statistical Yearbook of Finland, Helsinki (Statistics Finland) 1992–2011.
  26. Suomen tasavallan hallituksen ja Venäjän federaation hallituksen välinen sopimus kaupasta ja taloudellisesta yhteistyöstä - Соглашение между Правительством Финляндской Республики и Правительством Российской Федерации о торговле и экономической сотрудничестве. Suomen säädöskokoelman sopimussarja 70/1992.
  27. Suomen tasavallan hallituksen ja Venäjän federaation hallituksen välinen sopimus yhteistyöstä Murmanskin alueella, Karjalan tasavallassa, Pietarissa ja Leningradin alueella - Соглашение между Правительством Финляндской Республики и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в Мурманской области, Республике Карелия, Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Suomen säädöskokoelman sopimussarja 62/1992.
  28. Suomen tasavallan ja Venäjän federaation välinen sopimus suhteiden perusteista - Договор между Финляндской Республикой и Российской Федерацией об основах отношений. Suomen säädöskokoelman sopimussarja 63/1992.
  29. Suomi J. Liennytyksen akanvirrassa. Urho Kekkonen 1972–1976. Helsinki: Otava, 1998.
  30. Suomi J. Kriisien aika. Urho Kekkonen 1956–1962, Helsinki: Otava, 1992.
  31. Suomi J. Presidentti. Urho Kekkonen 1962–1968. Helsinki: Otava, 1994.
  32. Suomi J. Taistelu puolueettomuudesta. Urho Kekkonen 1968–1972, Helsinki: Otava, 1996.
  33. Ulkoasianvaliokunnan mietintö n:o 7 valtioneuvoston selonteosta Suomen suhtautumisesta Länsi-Euroopan yhdentymiskehitykseen 1990. Valtioapäivät 1990. Asiakirjat.
  34. Valtioneuvoston tiedonanto Eduskunnalle Euroopan yhteisön jäsenyydestä. Helsinki: Valtion painatuskeskus, 1992.
  35. Valtioneuvoston tiedonanto eduskunnalle Suomen suhtautumisesta Länsi-Euroopan yhdentymiskehitykseen. Helsinki: Valtion painatuskeskus, 1989.
  36. Väyrynen P. On muutoksen aika 2. Tosiasioita ja haavekuvia tulevaisuuden Suomesta. Porvoo-Helsinki-Juva: WSOY, 1993.
  37. Väyrynen P. Suomen puolueettomuus uudessa Euroopassa. Kansallinen doktriini ympäristön murroksessa. Helsinki: Otava, 1996.
  38. Визит М. С. Горбачева в Финляндию 25–27 октября 1989 года. Документы и материалы, Москва: Политиздат, 1989. Mikhail Gorbachev's visit to Finland on 25–27 October 1989. Documents and Materials,

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] For an unofficial English translation of the FCA Pact, see: [15; Appendix E].

[2] About the structure of Soviet diplomatic representation, see: [23; 641—643].

[3] Conducting relations through the “political line” is described in the volumes Kekkonen biography by Juhani Suomi, in the memoirs of President Koivisto and in the memoirs of Soviet diplomats who served in Helsinki.

[4] 16 per cent results by any calculation method, i.e. arithmetic average or median for imports or exports. See: Official Statistics of Finland. Foreign Trade, Helsinki (Board of Customs), 1945-1990.

[5] This is a consequent argument in the minutes of the Committee on Trade Policy of the Confederation of Finnish Industries on Soviet trade up to 1989. ELKA—the Central Archives for Finnish Business Records.

[6] Actually, Austria had already applied for EC membership.

August 1991 as a turning-point in the finnish-russian relations

PAAVONEN
Tapani

*Doctor of Social Science, Senior Researcher,
Political History, University of Turku,
Turku, tapaavo@utu.fi*

Keywords:

Finnish-Soviet relations;
Finnish-Russian relations; Finnish
foreign policy; Treaty of Friendship
Cooperation and Mutual Assistance;
Russian revolution of 1991; Finland's
relationship to European integration

Summary:

The attempted coup in Moscow, August 19–21, 1991, can be seen as a turning-point in the Finnish-Soviet and Finnish-Russian relations. As a result of these events, the old Cold-War Europe was definitively left behind and the so-called New Europe entered instead to determine the mutual relations. Actually, the question is about gradual even though relatively rapid developments ranging from the perestroika in the latter half of the 1980s to about early 1992. Yet the critical days, August 19–21, 1991, were of crucial significance in this process.

The change comprised all aspects of inter-state relations: The Finnish neutrality and the Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance (FCA Pact) as foundations of the political relations were replaced by military non-alliance and independent defence as the Finnish security-policy doctrine and a new Treaty of the Foundations of Relations between Finland and the Russian Federation, respectively. The "political line" in the conduct of political relations was abolished. For economic relations, the bilateral trade regime was replaced by a multilateral one and the Finnish-Soviet Trade Treaty of 1947 and some other commercial agreements were replaced by a new trade agreement with the Russian Federation. Cultural exchange under the Finnish-Soviet Scientific-Technical Cooperation Committee was replaced by new type of neighbouring-area cooperation.

This paper is preliminary, based on public material. The Finnish foreign policy archives on the matter, once opened to scholars in a couple of years, will specify and, maybe, will revise the picture

УДК 323.213

Экспертно-аналитическая деятельность в сфере публично-государственного управления в Республике Карелия

ИНОЗЕМЦЕВА
Варвара
Анатольевна

*кандидат философских наук,
доцент кафедры зарубежной истории, политологии
и международных отношений,
Институт исторических, политических и социальных
наук
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, zeta@onego.ru*

Ключевые слова:

экспертно-аналитические сообществ
а
публично-государственное
управление
публичная политика

Аннотация:

Статья посвящена деятельности региональных экспертно-аналитических сообществ на примере Республики Карелия. Данные сообщества рассматриваются как акторы, участвующие в процессе принятия публичных решений. Отмечено, что в Карелии имеются признанные примеры выхода регионального экспертного сообщества на федеральный уровень. Однако взаимодействия по линии «региональная / муниципальная власть — экспертно-аналитические сообщества» в основном иницируются «сверху» и имеют формализованный характер. Отсутствует система коммуникаций и конвенциональных соглашений между властью и аналитиками.

В статье сделаны выводы о том, что в Республике Карелия существуют разрозненные аналитические сетевые структуры, которые в основном базируются в академических или университетских системах и действуют в русле инсайдеровской стратегии. Эти структуры или их представители по заказу властных институтов занимаются в основном экспертными оценками отдельных управленческих решений на стадии их подготовки, но не реализации и оценки результатов. Следовательно, возможно говорить о влиянии экспертно-аналитических сообществ Республики Карелия на развитие эффективности, но не на открытость власти

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

В условиях формирования институтов гражданского общества и укрепления демократических ценностей и принципов общественного управления в современной России важным фактором выступает выбор форм участия населения в принятии эффективных управленческих решений органами государственной власти и местного самоуправления. Главное условие общественного участия — прозрачность власти. Для этого власть должна удовлетворять следующим критериям: открытость, понятность, возможность влияния. Современная доктрина государственного управления в Российской Федерации основана на принципах прозрачности и открытости органов власти, государственных

инициатив и процессов, свободного доступа к государственной информации, участия граждан в принятии публично-государственных решений.

Использование процессуально-циклической метамодели в объяснении логики принятия политико-управленческих решений предполагает необходимость сосредоточиться на динамике поведения официальных лиц и органов, которые принимают политические решения, а также на факторах, которые воздействуют и обуславливают акции лиц, принимающих решения [24; 29–30]. Политологи, придерживающиеся подобного подхода, должны ответить на вопросы о ролях и функциях отдельных акторов, участвующих в принятии публичных решений, и значении факторов внешней среды, оказывающих влияние на последние [8]. Использование субъектно-институционального подхода, реализуемого в качестве методики «школы публичной политики» кафедры публичной политики ГУ-ВШЭ под руководством Н. Ю. Беляевой, позволяет анализировать влияние как на политическое развитие самих субъектов политики, так и на формирование совокупностью субъектов политики достаточно устойчивых институтов [6; 140–145].

В области публично-государственного управления значимое место занимают в качестве акторов представители экспертных и аналитических сообществ, предназначение которых в реализации функции коммуникации в процессе взаимодействия между властью и социумом, обеспечении качества государственного управления, проявляющегося в первую очередь в профессиональном, сбалансированном по интересам социальных групп решении актуальных и существенных проблем, обеспечивающих устойчивое развитие [5; 5–12].

В данной работе не представляется необходимым давать множественные определения, поскольку терминологическое прояснение понятий «аналитическое сообщество», «экспертное сообщество» остается недостаточно отрефлексировано. Эти термины используются часто как синонимичные и даже созвучные с понятиями «профессиональное сообщество» и «академическое сообщество») [10; 44–61].

Существует и несовпадение значений слова «сообщество». Этим термином принято называть типологически разные социальные группы, как образованные по признаку общности некоторых социальных (часто — юридических) характеристик относительно малых групп, которые исходно создавались через межличностные отношения, по сетевому принципу, не обязательно благодаря формально-юридическим институтам, так и квазигруппы («публика», «общественность»), складывающиеся за счет включения в общий дискурс [13; 42–44]. При этом употребление термина осуществляется как во множественном, так и в единственном числе.

В данной работе будет использоваться собирательное понятие «экспертно-аналитические сообщества». К этой категории будут отнесены те, кто постоянно и/или периодически выполняют функции информационного и аналитическо-экспертного сопровождения выработки, принятия, реализации политических решений на региональном и/или муниципальном уровне. Под сообществами будут иметься в виду социальные группы, имеющие общие признаки и обладающие различной и даже отсутствующей степенью институционализации.

В настоящее время на эмпирическом уровне изучается специфика функционирования экспертных сообществ и институтов, причем анализируется как деятельность крупнейших «фабрик мысли», так и отдельных гражданских инициатив, активизирующихся на основе экспертных оценок отдельных управленческих решений, вызывающих резонанс на локальном или региональном уровне территориальной организации социума, либо в отдельной отрасли государственного или муниципального управления [см. 2; 15; 18].

Особый интерес представляет обращение к региональной специфике экспертно-аналитической деятельности в публично-государственной политике, поскольку регионы различаются с точки зрения политических режимов, показателей развития гражданского общества, развития академической и университетской среды, что влияет на процессы становления, институционализации и самоидентификации региональных аналитических сообществ.

Экспертно-аналитическая деятельность в публично-государственной политике Республики Карелия была предметом изучения при проведении ряда исследовательских проектов различного уровня. Одним из первых был проект, реализованный Российской ассоциацией политических наук (РАПН) и С.-Петербургским гуманитарно-политологическим центром «Стратегия» (Центр «Стратегия») в 2005–2006 гг. по изучению опыта взаимодействия между политологами (обществоведами), властью и гражданскими структурами в ряде регионов России.

Республика Карелия была одним из пяти избранных для сравнительного анализа регионов. Выполнением части проекта в Республике Карелия руководила Л. В. Прохорова, к. п. н., доцент кафедры международных отношений ПетрГУ, создатель автономной некоммерческой организации «Центр

публичной политики, гражданского образования и прав человека». По итогам исследования были сделаны выводы о том, что региональное сообщество политологов довольно разрозненно, ведет свою деятельность на базе учреждений высшего профессионального образования и науки, в основном сосредоточено на факультете политических и социальных наук (ФПСН) ПетрГУ. Политологи осуществляют аналитическую деятельность (в рамках своих исследовательских тем) на различных площадках, их аналитическая активность зависит от поступающих предложений от властных структур и НКО [16; 93–100].

В 2006 г. в рамках разработки концепции муниципальной целевой программы «Петрозаводск — соуправляемая территория» была собрана и обработана информация об общественном (в том числе экспертном) участии в консультационно-координационных группах (официальные общественные советы, комиссии, рабочие группы и т. п.) на уровне Администрации города. Учитывая специфику разных сфер городского управления, был сделан вывод о привлечении представителей экспертной общественности применительно к одной трети вопросов управления городом, где лидировали такие направления, как стратегическое развитие, молодежная политика, градостроительная политика, политика в национально-культурной и культурно-исторической сфере. Перспективные возможности развития экспертно-аналитической деятельности были выявлены в таких направлениях, как социальная защита, экология, образование, гендерные вопросы, обсуждение бюджета [20; 222–226].

В 2007 г. А. С. Сухоруков, к. псих. н., председатель Правления Фонда поддержки инновационных проектов «Новое измерение», совместно с председателем Карельского научного центра РАН, чл.-корр. РАН А. Ф. Титовым и замдиректора Института экономики КарНЦ О. В. Толстогузовым разработали и провели исследование «Карелия: федеральная конкурентоспособность по качеству управления». По результатам серии проведенных экспертных интервью были сделаны выводы о сложившемся аналитическо-экспертном сопровождении таких сфер регионального управления Карелии, как образование, информатизация, финансы, культура и туризм [21; 110].

Наиболее многогранное исследование практик деятельности экспертно-аналитических сообществ Республики Карелия было осуществлено в рамках проекта «Региональные аналитические сообщества как субъекты политики: модели участия в политико-управленческих процессах», реализованного Исследовательским комитетом по публичной политике и управлению РАПН и кафедрой публичной политики НИУ-ВШЭ в 2009–2010 гг. Результаты проекта по итогам пилотного исследования в Республике Карелия представлены в сборнике «Аналитические сообщества в Республике Карелия» [3]. В формировании сборника принимали участие два карельских исследователя — А. С. Сухоруков, к. псих. н., председатель Правления Фонда поддержки инновационных проектов «Новое измерение», и О. Ч. Реут, к. т. н., член экспертного совета Центра интернет-политики МГИМО(У) МИД РФ. В рамках проекта состоялись два экспертных семинара, материалы (тезисы основных выступлений участников) одного из них представлены в вышеуказанном сборнике.

Исходя из критериев, которые используются в рамках субъектно-институционального подхода, исследователь Д. Г. Зайцев по результатам анкетирования представителей аналитических сообществ Республики Карелия следующим образом охарактеризовал особенности их развития и деятельности. По признаку идентичности это сформировавшиеся и структурированные аналитические сообщества. Аналитики ведут прикладные исследования, политический анализ осознается ими в качестве специфического вида деятельности. Карельские аналитики сохранили сильные связи с академической наукой (в том числе через КарНЦ РАН), их взаимодействие с лицами, принимающими решение, выстраивается на принципах партнерства и автономии. В качестве проблемной зоны Д. Г. Зайцевым была выделена неконсолидированность аналитических сообществ в Республике Карелия [11; 266–267]. Эту же проблему отмечал А. С. Сухоруков, объясняя ее неопределенностью механизмов возможной интеграции, отсутствием лидеров и проектов, в рамках которых могли бы объединиться специалисты разных сетевых сообществ [21; 114].

После анонса исследовательских проектов будут рассмотрены основные тенденции развития экспертно-аналитической деятельности в публично-государственной политике Республики Карелия.

По мнению А. Ю. Сунгурова, д. п. н., президента Центра «Стратегия», для успешного развития экспертного сообщества необходимо выполнение трех условий:

- 1) спрос, т. е. определенный уровень политического плюрализма, когда основные политические игроки становятся открытыми к экспертным советам и рекомендациям;
- 2) достаточно высокий уровень развития политической науки, включающей в себя и прикладные исследования, а также существование политологического сообщества, частью которого является сообщество политических экспертов, работающих не только в сфере politics, но и polity;

3) диверсифицированные источники финансирования, включая различные фонды и другие грантодающие организации [19; 73].

Существует устойчивое мнение российских аналитиков, что в Республике Карелия и г. Петрозаводске существует высокий уровень человеческого и инновационного потенциала. В ноябре 2009 г. в Петрозаводске состоялась презентация доклада «Индексы оценки состояния гражданского общества в регионах России на примере Карелии». Результаты труда представил известный исследователь проблем некоммерческого сектора и гражданского общества России В. Якимец. По мнению исследователя, по таким важным показателям развития гражданского общества, как уровень открытости общества и степень развития публичной сферы, в Карелии создан набор реально работающих механизмов взаимодействия власти, бизнеса и общественных объединений, а республика может стать в этом примером для других регионов [7].

Следует отметить и геополитические факторы. Это, прежде всего, пространственная близость к С.-Петербургу и Финляндии. Влияние академической с.-петербургской агломерации на становление экспертно-аналитических структур Петрозаводска проявилось в попытке развития сетевого сообщества с филиалом в столице Карелии. Так, в 1993 г. при участии А. Ю. Сунгурова и по инициативе председателя президиума Карельского научного центра РАН А. Ф. Титова было создано республиканское отделение С.-Петербургского гуманитарно-политологического центра «Стратегия». В его состав вошли молодые ученые Карельского научного центра (КНЦ): экономисты, историки, социологи, биологи. По мнению А. Ю. Сунгурова, эта ситуация способствовала развитию идеи о возможном активном привлечении ученых к решению проблем публичной политики, однако в целом работа Карельского филиала Центра «Стратегия» не получила развития, поскольку часть активных участников перешла на работу в Министерство экономики Карелии, другие ушли из академии и создали свои организации [4; 141–142].

С 1997 г. по инициативе мэра Петрозаводска С. Л. Катанандова начинается привлечение ученых к стратегическому планированию, что положило начало важнейшему и вышедшему в дальнейшем на федеральный уровень направлению экспертно-аналитической деятельности в регионе. Для создания «Концепции основных направлений развития Петрозаводска» был сформирован творческий коллектив, в который входили московские эксперты по территориальному развитию во главе с П. Г. Щедровицким, команда московских психологов — специалистов по созданию рефлексивно-сотворческих процессов во главе с С. Ю. Степановым и представители карельской науки во главе с председателем президиума Карельского научного центра А. Ф. Титовым и директором республиканского Института экономики А. И. Шишкиным.

В апреле 1998 г. С. Л. Катанандов был избран Председателем Правительства Республики Карелия. Согласно республиканской Конституции, новый Председатель Правительства в течение полугода после избрания должен вынести на рассмотрение депутатов Законодательного собрания Концепцию социально-экономического развития республики на предстоящие 4 года. Для решения этой задачи летом 1998 г. был создан «временный творческий коллектив», который возглавил А. И. Шишкин, а научным руководителем стал А. Ф. Титов. В состав группы входили специалисты Института экономики, декан экономического факультета ПетрГУ В. Б. Акулов, специалисты Правительства РК, московский эксперт Е. З. Кремер [22]. Таким образом, стало формироваться направление стратегического планирования в аналитической деятельности, а благодаря задаче разработки и мониторинга соответствующих документов с 1998 г. сложилась система коммуникации и практически постоянная площадка для взаимодействия экспертно-аналитических сообществ (в первую очередь экономистов) с органами власти в направлении стратегического планирования. Были подготовлены две долгосрочные Стратегии развития республики (1998—2010; 2008—2020), раз в 4 года готовятся Концепции социально-экономического развития Республики Карелия, ведется постоянный независимый мониторинг их реализации.

Подтверждением выхода на федеральный уровень в области стратегического планирования является участие в 2000—2001 гг. команды экспертов — представителей Петрозаводска и Карелии (А. Ф. Титов, А. И. Шишкин, О. В. Толстогузов, П. В. Дружинин, Е. Г. Немкович, В. А. Шлямин, В. Н. Суржиков, В. К. Соловов) в разработке петербургским Центром стратегического развития «Северо-Запад» (П. Г. Щедровицкий, Ю. А. Перелыгин и др.) «Доктрины развития Северо-Запада России».

При создании стратегических документов эпизодически использовалась практика «широкого обсуждения» через привлечение большого круга специалистов и представителей академического сообщества. Это особенно рельефно проявилось при подготовке проекта стратегического плана

развития Петрозаводска до 2010 г. в 2003—2004 гг., когда в 50 мероприятиях (в том числе специально организованных для представителей общественных организаций) приняли участие более 350 человек.

Централизация власти в начале XXI в. отразилась на взаимодействии властных структур и общества. Ситуацию в Республике Карелия можно охарактеризовать как «умеренную конкуренцию по правилам», которую можно с оговорками зачесть за институционализацию и плюрализм. Глава Республики стал назначаться. В 2009—2010 гг. сменились мэр Петрозаводска и губернатор республики, в мае 2012 г. был назначен новый Глава Республики Карелия (А. П. Худилайнен), в сентябре 2013 г. был избран новый мэр Петрозаводска (Г. И. Ширшина). Происходило изменение структуры органов власти и обновление состава членов Правительства Республики Карелия и руководителей отделов Администрации Петрозаводского городского округа.

Формирование новой губернаторской команды управленцев из так называемых варягов не демонстрирует результативности в решении основополагающих задач регионального развития. Возникли проблемы в налаживании эффективных каналов коммуникаций между Главой Республики Карелия и Законодательным собранием, усилилось «традиционное» противостояние между Главой РК и Администрацией Петрозаводска. В таких условиях руководство региона становится все менее заинтересованным в деятельности аффилированных с ними, но отчасти независимых экспертных групп.

Новой фазой привлечения властью экспертных сообществ в области стратегического планирования является создание и обсуждение «Концепции социально-экономического развития Петрозаводского городского округа до 2025 года» (Концепция), что изначально (по мнению Администрации ПГО) предполагало максимальное использование ресурсов экспертного сообщества города. В ноябре 2012 г. Администрацией ПГО было принято решение одобрить проектный подход к Концепции и создать рабочую группу по согласованию Концепции с общественностью.

Концепция социально-экономического развития Петрозаводска на период до 2025 г., основанная на проектном подходе, отличалась от аналогичных стратегических документов. В Концепции предложена «двойная» система стратегических целей и задач, сгруппированных в два стратегических направления. Первое связано с повышением эффективности использования имеющегося потенциала города (его капитализацией) и выявлением неиспользуемых ресурсов. Второе связано с созданием новых точек экономического роста (в виде локальных сервисных и производственных кластеров и инфраструктурных проектов). В Концепцию был включен проект «Петрозаводск — модельная территория развития гражданского общества и реализации общественных инициатив».

Администрацией ПГО была заявлена идеология «широкого обсуждения» проекта Концепции. Обсуждение шло в течение 2013—2014 гг. (в этот период произошла смена мэра в Петрозаводске). Налицо были отсутствие упорядоченности в организации этого процесса со стороны Администрации ПГО. Создавались рабочие группы (15 групп), привлекались специалисты из академической и университетской среды практически в разовом порядке, обсуждение инициировалось в коллегиальных структурах при Администрации ПГО и в созданном Экспертном совете при Главе Петрозаводского городского округа. Публично провозглашалась идея привлечения самых широких кругов населения Петрозаводска к обсуждению Концепции через создание специализированного ресурса в сети Интернет. В январе 2014 г. создается последняя экспертная рабочая группа по подготовке «Концепции социально-экономического развития Петрозаводского городского округа до 2025 г.», которая завершила свою работу к октябрю.

Отсутствие отлаженной системы институционализации гражданского участия в форматах экспертного общественного контроля проявилось в создании Экспертного совета при Главе Петрозаводского городского округа. Первое заседание совета в феврале 2014 г. состоялось до утверждения Постановлением Администрации ПГО состава совета и Положения об Экспертном совете (март 2014), что ставит под вопрос прозрачность механизмов и принципы формирования новой представительной структуры. И если состав совета изначально был размещен на официальном сайте Администрации ПГО, то Положение, регулирующее основы деятельности новой общественно-консультативной структуры изначально было открыто только через систему «Консультант Плюс», что создавало сложности с доступом к его содержанию и не характеризовало новую структуру общественно-консультативную структуру как открытую.

Несмотря на заявленную в Положении цель создания Экспертного совета — содействие развитию г. Петрозаводска как современного, инновационного, культурного и научного центра, первоочередная задача — «разработка стратегии развития города на долгосрочную перспективу», состав Экспертного совета слабо отражает публичную повестку дня городского сообщества [1]. Анализ обращений граждан в Администрацию ПГО за 2013 г. (согласно Отчету Главы ПГО) показывает, что тематическая структура

обозначаемых горожанами «проблемных» вопросов остается стабильной, включая проблемы архитектуры и градостроительства (31,2 %), вопросы городского хозяйства (19,6 %), эксплуатации жилого фонда (17,7 %), жилья (18,6 %) [12; 73–79]. В составе Экспертного совета фактически отсутствуют специалисты в области региональной экономической политики, городского управления, развития коммунальных систем, инфраструктуры, транспортных коммуникаций. Из 17 членов Совета 7 человек представляют сферу образования и культуры, из 6 представителей бизнес-структур двое возглавляют охранные предприятия и только 1 человек имеет прямое отношение к жилищно-коммунальному комплексу. Научное экономическое сообщество представлено одним человеком. Участие общественных организаций минимизировано до представительства председателем КРОО «Союз».

Недоумение в общественной среде вызвало избрание в качестве председателя экспертного Совета при Главе городского совета депутата регионального парламента — Законодательного собрания РК — Э. Э. Слабуновой, которая является представителем партии «Яблоко». В том, что советом руководит представитель законодательной ветви государственной власти региона, а не представитель экспертной общественности городского округа Петрозаводск, входит в определенное противоречие с логикой формирования структуры, названной согласно Положению «коллегиальным совещательным, консультативно-экспертным органом». В этом также можно видеть определенную предвзятость, зная, что Э. Э. Слабунова была соратницей мэра по предвыборной компании.

Среди вопросов, которые уже рассмотрел Экспертный совет в ходе заседаний, состоявшихся с февраля по ноябрь, кроме обсуждения критики принятия в октябре «Концепции социально-экономического развития Петрозаводского городского округа до 2025 года», значатся стратегия развития туризма, концепция экономического развития Петрозаводска. В сентябре 2014 г. во время обсуждения механизма проведения общественных слушаний в Петрозаводске эксперты приняли предложенную разработчиками из Центра публичной политики, гражданского образования и прав человека систему совершенствования процедуры слушаний.

Параллельно с созданием Экспертного совета Администрацией ПГО было инициировано создание нового информационного ресурса – сайта «Городской экспертный онлайн-совет Петрозаводского городского округа». По мнению разработчиков, онлайн-совет через использование системы краудсорсинга должен стать электронной площадкой цивилизованного диалога между властью и заинтересованными горожанами, способствовать консолидации городского сообщества в целом и экспертно-профессиональных сообществ в частности. Тестовая версия ресурса была внедрена в апреле 2014 г. Однако в настоящее время можно говорить скорее о создании некоей новой городской социальной сети с весьма небольшим количеством пользователей (немногим более 100 чел., включая представителей Администрации ПГО). Возникает вопрос об уместности использования термина «экспертный». Так, на публичное обсуждение Администрацией ПГО был вынесен документ о благоустройстве в Петрозаводске. Кроме того, с некоторой натяжкой можно назвать экспертным по своему содержанию обсуждение возможных голосований через Интернет по поводу общественных инициатив.

Данные примеры показывают, что в Петрозаводске, где проживает более трети жителей республики и сосредоточены основные ресурсы научной и общественной активности, формально можно фиксировать появление новых форм институционализации экспертных сообществ. Создание Экспертного совета при Главе ПГО и «Городского экспертного онлайн-совета» свидетельствует о формировании скорее не экспертных общественно-консультативных структур, а некоего PR-проекта, нацеленного скорее на создание положительного образа Главы ПГО и его Администрации для повышения доверия со стороны населения. Отношения муниципальная власть / экспертно-аналитические сообщества во многом носят патрон-клиентский характер. Несмотря на то что в совете представлены «весьма уважаемые в городе люди», член Общественной палаты РК в экспертном интервью высказывает сомнение о том, что этот совет может влиять на принятие решений на уровне города. Экспертный совет при Главе ПГО как постоянно действующий орган создан для обслуживания конкретного патрона — мэра г. Петрозаводска и может быть охарактеризован как ценностно-нейтральная техническая клиентилистская структура по классификации «фабрик мысли» А. Макарычева [14; 36–42].

Поскольку экспертно-аналитическая деятельность в Республике Карелия осуществляется прежде всего по «цеховому» признаку, то важно рассмотреть специфику основных аналитических структур региона. Эти структуры находятся в столице и напрямую связаны с традиционными научно-исследовательскими организациями, не зависимыми от политики и производящими

фундаментальные научные исследования, обладающие такими признаками, как академичность, долговременная актуальность, специализация, монодисциплинарность.

Ведущей аналитической структурой Республики Карелия является Петрозаводский государственный университет. ПетрГУ стал центром разработки и внедрения ИКТ-технологий, это направление экспертно-аналитической деятельности на федеральном уровне признается как конкурентоспособное. Так, Петрозаводск был включен наряду с Братском и Тольятти в федеральную целевую программу «Электронная Россия 2002—2010 гг.», в рамках которой осуществлялся проект «Электронный Петрозаводск». В настоящее время республику традиционно называют одним из ведущих регионов по рейтингу готовности к информационному обществу, по индексу использования ИКТ для развития и другим рейтингам внедрения ИКТ. По данным проекта ФОМ-Терри, реализованного в Карелии в 2010 г. Фондом «Общественное мнение», доля социально активных, освоивших современные социальные практики и технологии людей, которых ФОМ называет «людьми XXI века», в Карелии составляет 25—29 %, что выше, чем в среднем по России (15—17 %). В Петрозаводске количество таких людей выше, чем в среднем по Карелии и составляет 39% [17].

Важное место в сетях аналитических сообществ занимает самостоятельный аналитический центр — Центр бюджетного мониторинга (ЦБМ) Петрозаводского госуниверситета (директор В. А. Гуртов, д-р ф.-м. н., профессор). Сразу после создания в 2003 г. Центр включился в реализацию на территории Петрозаводска проекта «Городские жители и власти — на пути к сотрудничеству (1999—2004). Бюджет, который можно понять и можно принять» (инициатор и организатор проекта — С.-Петербургский гуманитарно-политологический центр «Стратегия»). В 2004 г. республика была признана «лучшим регионом по прозрачности бюджетного процесса». Научная специализация и основные направления деятельности ЦБМ связаны с информационно-аналитическим обеспечением на федеральном и региональном уровнях анализа и прогнозирования развития рынков труда и рынков образовательных услуг, прикладного бюджетного анализа в сферах науки и образования.

Значимое место в работе ЦБМ занимает выполнение заказов государственных структур по совершенствованию бюджетной политики. Сотрудники Центра ежегодно принимают участие в научных конференциях «Проблемы совершенствования бюджетной политики регионов и муниципалитетов». Центр бюджетного мониторинга выполняет заказы регионального Министерства финансов, федеральных министерств и ведомств, поддерживает три федеральных веб-портала: «Бюджет и межбюджетные отношения. Регионы России» (<http://openbudgetrf.ru>); «Рынок труда и рынок образовательных услуг. Регионы России» (<http://labourmarket.ru>); «Система интерактивного мониторинга трудоустройства выпускников» (<http://ismeg.ru>).

В среде архитектурно-градостроительного сообщества Республики Карелия важную роль играет доктор архитектуры, профессор ПетрГУ В. П. Орфинский. При его непосредственном участии как признанного эксперта удалось защитить от уничтожения Левашовский бульвар и два столетних деревянных дома на центральном проспекте города.

ПетрГУ является площадкой, на которой сосредоточены значительные силы карельского регионального политологического сообщества. Экспертно-аналитическая деятельность проводилась в направлениях научно-исследовательской деятельности факультета политических и социальных наук и осуществлялась на базе существовавших при факультете структур — Центра политических и социальных исследований, Центра политического анализа, Центра электоральной поддержки. После известных событий в Кондопоге в 2007 г. преподаватели кафедры провели там социологическое исследование-анализ «Состояние уровня социальной адаптации мигрантов и добровольных переселенцев из числа соотечественников, проживающих за рубежом» по проекту Министерства Республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями и Карельского ресурсного центра.

В 2008—2009 гг. преподаватели кафедры политологии ПетрГУ в качестве экспертов Петрозаводского центра электоральной поддержки МЭСП/IRENA принимали участие в проведении серии информационно-аналитических мероприятий по теме «Деятельность карельских региональных отделений политических партий и общественно-политических движений» в рамках проекта «Межрегиональная электоральная сеть поддержки» (МЭСП) при поддержке Автономной некоммерческой организации «Центр “Геликс”» (грант Комиссии европейских сообществ). В проводимых мероприятиях принимали участие депутаты Законодательного собрания РК, Петросовета, лидеры региональных отделений политических партий, представители СМИ, общественных некоммерческих организаций.

В 2008—2009 гг. был реализован и проект экспертно-правового партнерства «СОЮЗ»

«Обеспечение открытости органов государственной власти Республики Карелия и развитие демократических институтов» при поддержке Карельского ресурсного центра.

Поскольку преподаватели кафедры политологии эпизодически выступают в качестве региональных экспертов в рамках проводимых на территории Петрозаводска и республики проектов, то ФПСН становился площадкой для проведения экспертных научно-практических дискуссий в рамках таких проектов федерального уровня, как проект «Состояние и перспективы Российского федерализма: взгляд из регионов» («Горбачев-Фонд») при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кетрин Т. МакАртуров (2010); исследовательский проект «Укрепление сотрудничества между региональными властями и НКО на Северо-Западе России: анализ и оценка», проводимого Центром независимых социологических исследований при финансовой поддержке Датского института по правам человека (2011); а также международного научно-методологического семинара «Повестка дня финно-угорских народов. Глобальная и региональные повестки дня. Международное финно-угорское движение. Движение коренных народов мира» (2012). Кафедра также представлена своим региональным экспертом в исследовательском проекте «Диалог государства и гражданского общества в сфере защиты прав человека и верховенства права в России» (при поддержке АНО «Право знать: статья 26 Всеобщей декларации прав человека»).

Участие в работе общественно-консультативных структур при органах государственной власти и МСУ входит в сферу экспертной деятельности преподавателей кафедры. Так, А. Ю. Ильин, к. филос. н., уже в течение нескольких лет является членом Общественного совета при Главе РК по профилактике экстремистской деятельности и членом Общественного совета МВД по РК, а с 2014 г. — членом Экспертного совета при Главе ПГО. В 2008—2012 гг. он входил в состав Общественного совета по созданию долгосрочной муниципальной целевой программы «Петрозаводск — территория толерантности» при Администрации Петрозаводского городского округа и осуществлял экспертное сопровождение проекта Концепции региональной целевой программы «Сохранение единства народов и этнических общностей Карелии на 2012—2016 годы» («Карьяла — наш дом»). М. И. Безбородов после защиты диссертации по теме «Роль социально-политической доктрины Русской православной церкви в формировании ее отношений с государством в конце XX — начале XXI в. (на примере Республики Карелия)» стал постоянным членом комиссии по связям с религиозными объединениями при Главе Петрозаводского городского округа. Преподаватели кафедры (Е. Ю. Цумарова, Г. О. Яровой) являются членами рабочей группы по разработке «Концепции социально-экономического развития Петрозаводского городского округа до 2025 года».

На базе ФПСН осуществлялась экспертная деятельность в формате проектирования. В 2010 г. с участием преподавателей кафедры политологии, депутатов Петросовета, представителей СМИ и студентов состоялась серия открытых научно-практических проектировочных дискуссий «Петрозаводск — 2011: контуры повестки дня», во время которых формировались основные направления стратегического развития города. Весной 2014 г. исследовательской группой «Петрополисс», объединяющей студентов-политологов выпускного курса и преподавателей кафедры политологии и международных отношений, был реализован проект «Карелия в федеральной повестке дня». Его целью является проверка гипотезы о том, что в последнее время Республика Карелия существенно чаще попадает в орбиту внимания федеральных СМИ. Исследовательской группой были изучены упоминания Карелии в Интернете в 9 федеральных СМИ. По итогам проекта подготовлены рекомендации по формированию и продвижению имиджа республики, которые направлены в Администрацию Главы Республики Карелия и политикам, представляющим регион на федеральном уровне.

Значимое место в экспертно-аналитической деятельности университетского профессионального сообщества занимает Социологическая лаборатория. С февраля 2007 г. по октябрь 2014 г. лаборатория неоднократно проводила исследования по заказу республиканских структур исполнительной власти. Так, по заказам Министерства образования и по делам молодежи было выполнено 2 проекта (изучение развития патриотизма в молодежной среде); Министерства по вопросам национальной политики, связям с общественными, религиозными объединениями и средствами массовой информации — 4 проекта (проблематика межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Карелия); Министерства здравоохранения и социального развития — 2 проекта (тематика — предоставление медицинских услуг инвалидам); Министерства экономического развития — 3 проекта (изучение удовлетворенности населения качеством предоставляемых государственных и муниципальных услуг). Один проект был выполнен по заказу Администрации ПГО (исследование развития музыкального образования в городе).

Одним из самых влиятельных центров консолидации представителей экспертного сообщества

по-прежнему остается Институт экономики КарНЦ РАН, что во многом связано, безусловно, со спецификой этой академической организации. С середины 90-х гг. сотрудники осуществляют экспертно-аналитическое сопровождение стратегического планирования в республике, готовят экспертные заключения на проекты государственных программ Республики Карелия. С результатами своих исследований ученые выступают на заседаниях Общественного совета Республики Карелия и других общественно-консультативных структур (членами которых являются ведущие специалисты института). На сайте института представлены аналитические материалы, выполненные как по заказу государственных структур, так представленные во властные структуры в качестве предложений. В 2013 г. таким документом, который касался контроля за реализацией управленческого решения, была служебная записка «Предложения Института экономики КарНЦ РАН по организации независимого мониторинга реализации Концепции социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2017 года и контроля за достижением результатов и целевых показателей».

Ежегодно ведущие ученые Института экономики КарНЦ РАН участвуют в работе Общероссийского форума «Стратегическое планирование в регионах и городах России: обновление стратегий, обновление смыслов», который собирает ведущих российских и зарубежных экспертов и специалистов в области стратегического планирования, руководителей федеральных органов государственной власти, депутатов Госдумы РФ, глав субъектов РФ, руководителей региональных органов исполнительной власти и мэров российских городов. В последнее время в плане разработки проектов по стратегическому развитию республики и ее столицы развивается идея конкурса различных платформ, где в качестве одного из подходов предлагается этнокультурная платформа.

С сентября 2013 г. в Институте экономики Карельского научного центра РАН открылись регулярные практические семинары по двум основным направлениям: «Муниципальное развитие» и «Инвестиционный и предпринимательский климат региона». На новой дискуссионной площадке в работе семинаров совместно с представителями академического сообщества могут участвовать представители исполнительной и законодательной власти Республики Карелия, общественные деятели, карельские предприниматели, представители крупных внешних инвесторов, Союза промышленников и предпринимателей Карелии, Торгово-промышленной палаты Республики Карелия, Ассоциации деловых кругов Карелии, Лиги предпринимателей Карелии, общественные организации. Также возможной попыткой преодолеть разобщенность представителей экспертно-аналитических сообществ Республики Карелия и шагом к обретению действительной возможности инициативно влиять на региональные политико-управленческие процессы представляется созданный в апреле 2014 г. информационный портал «Эксперт Карелия». Этот новый информационно-аналитический ресурс создан при Институте экономики КарНЦ РАН. В его создании большую роль сыграл один из лидеров экспертного сообщества столицы республики Ю. Савельев, директор Института экономики КарНЦ РАН, доктор экономических наук.

Особую нишу в экспертно-аналитической деятельности занимает Карельский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС, до 2011 г. — Карельский филиал Северо-Западной академии государственной службы). Специфика этого института в том, что он не только готовит сотрудников государственной службы (будущих заказчиков аналитической информации), но и сам активно выступает с аналитическими комментариями, выполняет заказы органов государственной власти и ведет академические исследования, которые могут быть использованы при формировании государственной политики в республике.

Благодаря реализации Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», начались процессы интенсивного увеличения органов местного самоуправления и изменения способов их деятельности. Возникла потребность в масштабных исследовательских и образовательных программах. Соответствующий запрос со стороны региональной власти направляется представителям научно-экспертных сообществ. На базе Карельского филиала Северо-Западной академии государственной службы был создан специализированный центр поддержки процессов развития местного самоуправления «Муниципальный консалтинг» (2003—2006). Одним из направлений работы академии стала разработка и обоснование критериев организационной структуры и штатной численности органов муниципальной власти, а также методики проведения оценки муниципальных служащих. Проведено комплексное социологическое исследование по оцениванию системы местного самоуправления самими представителями МСУ республики (опросом было охвачено более 500 чел.).

По заказу Государственного комитета Республики Карелия по вопросам развития местного самоуправления была подготовлена Концепция развития муниципальной службы Республики Карелия

до 2012 г. Преподаватели Карельского филиала РАНХиГС осуществляли экспертное сопровождение подготовки «Концепции муниципальной политики в сфере национальных отношений и взаимодействие с религиозными объединениями. Петрозаводск — территория толерантности» и проекта Концепции долгосрочной целевой программы Петрозаводского городского округа по содействию развития институтов гражданского общества на 2012—2015 гг. «Петрозаводск — город общественного партнерства».

Неоднократно Карельский филиал РАНХиГС становился площадкой для проведения семинаров по проблемам развития экспертно-аналитических сообществ Республики Карелия. В октябре 2009 г. состоялся научно-практический семинар «Роль аналитического сообщества в региональной политике» (совместно с кафедрой публичной политики ГУ «Высшая школа экономики» (Москва) в рамках проекта исследовательского комитета РАПН «Публичная политика и управление». Через год в рамках научно-практической конференции «Муниципальная служба: состояние, проблемы и перспективы развития» работала секция «Экспертное сообщество в развитии местного самоуправления». В мае 2014 г. был проведен тематический семинар «Роль экспертного сообщества в развитии региона», организованный совместно с Институтом экономики Карельского научного центра РАН. Во время подобных мероприятий в формате круглого стола уже традиционно осуществляется попытка рефлексирования по конструированию образа регионального «экспертно-аналитического сообщества».

Несколько особняком среди аналитических структур находится независимый Центр политических и социальных исследований во главе с его руководителем и создателем уникального аналитического интернет-ресурса www.politica-karelia.ru А. Цыганковым, к. и. н. Именно А. Цыганкова называют первым в списке ведущих экспертов-аналитиков региона, участвующих в региональных политических процессах. Среди ведущих экспертов также фигурирует А. Сухоруков, председатель еще одной независимой структуры — Правления Фонда поддержки инновационных проектов «Новое измерение».

Как попытку консолидации сил экспертно-аналитического сообщества республики можно рассмотреть создание в 2004 г. Л. В. Прохоровой «Центра публичной политики, гражданского образования и прав человека» (Центр публичной политики). Центр сотрудничал с ПетрГУ и Карельским филиалом Северо-Западной академии государственной службы. Представители Центра публичной политики через работу в органах государственно-общественного управления территорией принимали участие в анализе различных направлений региональной политики. По мнению Ю. А. Сунгурова, после переезда Л. В. Прохоровой в С.-Петербург деятельность организации фактически прекратилась, с чем можно согласиться, имея в виду определенный отрезок времени. В деятельности Центра публичной политики в последние пять лет стала проявляться аналитическая составляющая. В 2012—2013 г. был реализован исследовательский проект «Политика идентичности Ладужской Карелии в связи с задачами социально-экономической мобилизации населения (на примере исторического административного центра территории, города Сортавала)», продолжением которого стал проект «Ладужская Карелия: актуальные вопросы территориальной идентичности, социально-экономической мобилизации населения и приграничного сотрудничества в Еврорегионе «Карелия». Во время этого проекта социологические исследования проводились в Питкярантском и Лахденпохском районах Ладужской Карелии. Целью проектов является выявление факторов сплоченности и разобщенности населения Ладужской Карелии, изучение возможностей глубокого вовлечения его в процесс развития территории, исследование способов снижения социальной напряженности и достижения социальной стабильности [23].

В 2014 г. Центром публичной политики осуществлено исследование «Институт общественных слушаний в Петрозаводском городском округе» в рамках реализации проекта «Институт общественных слушаний как инструмент реализации права человека на участие в управлении делами государства» при поддержке Общероссийского общественного движения «Гражданское достоинство». Подготовленный по итогам исследования аналитический доклад был представлен в сентябре 2014 г. на заседании Экспертного совета при Главе Администрации ПГО. Во время заседания были приняты решения о необходимости изменения системы информирования горожан об общественных слушаниях и максимального приближения слушаний к населению через проведение их в тех микрорайонах, интересы жителей которых затрагиваются на обсуждении. Кроме этого, было принято решение о создании рабочей группы по совершенствованию нормативно-правовой базы организации общественных слушаний в Петрозаводске [23]. Показательно, что в интерфейсе нового сайта администрации ПГО, тестовая версия которого была запущена 10 ноября 2014 г., присутствует блок, связанный с публичными слушаниями и информированием об их проведении, что означает учет предложений экспертов в отношении улучшения системы информирования

Обобщая в целом комплекс представленных материалов, можно сделать некоторые выводы:

1. Деятельность экспертно-аналитических сообществ в Республике Карелия является довольно разнообразной по ряду направлений и получила признание на федеральном уровне.

2. Процесс организации взаимодействия государственных и муниципальных структур с экспертными сообществами в основном инициируется сверху в русле задач, которые предписываются федеральным центром. Отсутствуют системы коммуникаций в направлении достижения конвенционального соглашения между властью и экспертно-аналитическими сообществами, что мешает обретению экспертами и аналитиками подлинной субъектности.

3. В Республике Карелия существует большое количество разрозненных экспертно-аналитических структур и сетей разного уровня. Они неконсолидированные, действуют в рамках инсайдерской стратегии, при этом практически не возникает оснований для процесса объединения и институционализации. Лидерство проявляется чаще в рамках «одного цеха».

4. Основными формами институциональной активности представителей аналитических сообществ РК является участие в работе по контракту в области создания правительственных решений, участие в работе совещательных и консультативных структур при органах государственной власти и МСУ, участие в дискуссионных формах коммуникации (выступления в СМИ, участие в обсуждениях на разнообразных экспертных площадках). Активность связана чаще с государственными заказами или получением грантов.

5. Деятельность профессионалов направлена в основном на поддержание и развитие эффективности власти, а не на декларируемую в политической риторике открытость. Открытость предполагает привлечение экспертов и аналитиков не только на стадии включения общественных проблем в официальную повестку публичной политики и принятия публично-управленческого решения для его легитимизации на основе процедур рассмотрения, обсуждения, согласования, но и выполнение функций мониторинга по выявлению успешности реализации и оценки результатов осуществления публичного решения (т. е. экспертно-аналитическое сопровождение всех стадий управленческого цикла).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О создании Экспертного совета при Главе Петрозаводского городского округа : постановление Администрации Петрозаводского городского округа от 12.03.2014 № 1182 [Электронный ресурс]. URL: www.petrozavodsk-mo.ru/files/upload/sostav.rtf, свободный (дата обращения: 14.04.2014).

2. Аналитические сообщества в публичной политике : глобальный феномен и российские практики. Москва, 2012.

3. Аналитические сообщества в Республике Карелия : сб. ст. / под ред. Ш. Ш. Какабадзе. Москва, 2011.

4. Балаян А. А. Фабрики мысли : международный и российский опыт : учебное пособие / А. А. Балаян, А. Ю. Сунгуров. Санкт-Петербург, 2014.

5. Беляева Н. Ю. Гражданская экспертиза как форма гражданского участия. Москва, 2001.

6. Беляева Н. Ю. «Фабрики мысли» и центры публичной политики как субъекты экспертного обеспечения политики / Н. Ю. Беляева, Д. Г. Зайцев // *Полития*. 2008. № 4. С. 139—152.

7. В Карелии дали оценку состояния гражданского общества [Электронный ресурс]. URL: http://gov.karelia.ru/News/2009/11/1106_14.html, свободный (дата обращения: 10.10.2014).

8. Дегтярев А. А. Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике : динамический цикл и его основные фазы [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Degtyaryov_2004_4.pdf, свободный (дата обращения 10.10.2014).

9. Зайцев Д. Г. Интеллектуальные ресурсы Республики Карелия : (по результатам анкетирования представителей аналитических сообществ) // Аналитические сообщества в Республике Карелия : сб. ст. / под ред. Ш. Ш. Какабадзе. Москва, 2011. С. 120—127.

10. Зайцев Д. Г. Обоснование «нового» исследования аналитических сообществ // Там же. С. 44—60.

11. Зайцев Д. Г. Характеристики идентичностей региональных аналитических сообществ : сравнительный анализ Саратовской области, республик Карелия и Татарстан // Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теорет. конф. (ИМЭМО РАН, 21—22 октября 2010 г.). Москва, 2011. С. 263—268.

12. Информационный бюллетень № 75 : периодическое печатное средство массовой информации органов местного самоуправления Петрозаводского городского округа. 2014. 26 февр.

13. Малинова О. Ю. Об опыте взаимодействия профессионального сообщества политологов с властью и гражданскими организациями // *Публичная политика-2006* : сб. ст. / под ред. А. Ю. Сунгурова.

Санкт-Петербург, 2006. С. 42—55.

14. Макарычев А. Проектные сети, трансфер знаний и идея «обучающегося региона» // *Pro et Contra*. 2003. Т. 8. № 2. С. 32—48.

15. Попов А. Н. Общественная экспертиза : принципы организации и условия эффективности : науч.-практ. пособие / А. Н. Попов, Н. Л. Ханашвили. Москва, 2010.

16. Прохорова Л. В. К вопросу о гражданской активности и региональном сообществе политологов в Республике Карелия // *Публичная политика-2006* : сб. ст. / под ред. А. Ю. Сунгурова. Санкт-Петербург, 2006. С. 82—100.

17. Регион новых людей : Республика Карелия [Электронный ресурс]. URL: http://bd.fom.ru/report/map/fomterri/fomterry_pressr/fomter040610_pressr, свободный (дата обращения: 10.10.2014).

18. Сунгуров А. Ю. Экспертная деятельность и экспертные сети // *Философия и культурология в современной экспертной деятельности : коллективная монография*. Санкт-Петербург, 2011. С. 98—124.

19. Сунгуров А. Ю. Экспертное сообщество, фабрики мысли и власть : опыт трех регионов // *Политические исследования : ПОЛИС*. 2014. № 3. С. 72—87.

20. Сухоруков А. С. Измерения гражданского общества // *Городской альманах*. Вып. 3. Москва, 2008. С. 222—226.

21. Сухоруков А. С. Субъектность региональных аналитических сообществ : критерии, этапы становления и условия // *Политические исследования : ПОЛИС*. 2011. № 3. С. 109—114.

22. Титов А. Ф. Предпосылки и логика разработки стратегического плана развития города Петрозаводска / А. Ф. Титов, А. С. Сухоруков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.petrozavodsk-mo.ru/petrozavodsk/gorod/strategy/articles/articles.htm?id=10203639@cmsArticle>, свободный (дата обращения: 14.10.2014).

23. Центр публичной политики, гражданского образования и прав человека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prcentre.ru/>, свободный (дата обращения: 20.04.2014).

24. Anderson J. *Public Policymaking: An Introduction*. Boston, N. Y., 2003.

REFERENCES

1. O sozdanii ekspertnogo soveta pri glave Petrozavodskogo gorodskogo okruga. Postanovlenie administratsii Petrozavodskogo gorodskogo okruga ot 12.03.2014 № 1182. [About the creation of the Expert council under the Head of Petrozavodsk city district. Regulation of Petrozavodsk city administration dated 12.03.2014 № 1182] [Electronic resource]. URL: www.petrozavodsk-mo.ru/files/upload/sostav.rtf, free access (accessed 14.04.2014).

2. Analiticheskie soobshchestva v publichnoy politike. Global'nyi fenomen i rossiyskie praktiki [Analytical communities in the public policy. Global phenomenon and the Russian practice]. M., 2012.

3. Analiticheskie soobshchestva v Respublike Kareliya [Analytical communities in the Republic of Karelia] / edited by Sh. Kakabadze. M., 2011.

4. Balayan A. A., Sungurov A. U. *Fabriki mysli : mezhdunarodny i rossiyskiy opyt: ucheb. posobie*. [Think tanks: international and Russian practice: ed. book]. SPb., 2014.

5. Belyaeva N. Y. *Grazhdanskaya ekspertiza kak forma grazhdanskogo uchastiya* [Civil expertise as a form of civic participation]. M., 2001.

6. Belyaeva N. Y., Zaitsev D. G. «Fabriki mysli» i tsentry publichnoy politiki [«Think Tanks» and public policy centers as policy expert maintenance subjects] // *Politia*. 2008. № 4. P. 139—152.

7. V Karelii dali otsenku sostoyaniya grazhdanskogo obshchestva [Civil society in Karelia was assessed]. [Electronic resource]. URL: http://gov.karelia.ru/News/2009/11/1106_14.html, free access. (accessed 10.10.2014).

8. Degtyarev A. A. *Protsess prinyatiya i osushchestvleniya resheniy v gosudarstvennoy politike : dinamicheskiy tsykl i ego osnovnyye fazy* [The process of decision making and decision implementation in the public policy of the state: the dynamic cycle and its main phases]. [Electronic resource]. URL: http://gov.karelia.ru/News/2009/11/1106_14.html, free access. (accessed 10.10.2014).

9. Zaitsev D. G. *Intellektual'nye resursy Respubliki Kareliya (po rezul'tatam anketirovaniya predstaviteley analiticheskikh soobshchestv* [Intellectual resources of the Republic of Karelia (based on surveys' results of analytical communities representatives)] // *Analiticheskie soobshchestva v Respublike Kareliya* [Analytical communities in the Republic of Karelia] / edited by Sh. Kakabadze. M., 2011. P. 120—127.

10. Zaitsev D. G. *Obosnovanie «novogo» issledovaniya analiticheskikh soobshchestv* [New rationale in researching analytical communities] // *Analiticheskie soobshchestva v Respublike Kareliya* [Analytical

communities in the Republic of Karelia] / edited by Sh. Kakabadze. M., 2011. P. 44–60.

11. Zaitsev D. G. Kharakteristika identichnostey regional'nykh analiticheskikh soobshchestv : sravnitel'nyi analiz Saratovskoy oblasti, respublik Kareliya i Tatarstan [Characterizing identities of regional analytical communities: comparative analysis of Saratovskaya oblast, Republic of Karelia and Republic of Tatarstan] // *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza. Sbornik statey po itogam Vserossiyskoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii (MEMO RAN, 21–22 oktyabrya 2010 g.)* [Identity as a political analysis subject. Proceedings of the All-Russian scientific-theoretical conference] (MEMO RAS, 21–22 October 2010). M., 2011. P. 263–268.

12. Informatsionnyi byulleten' № 75. [News-bulletin № 75]. 26 February 2014. Periodical media of local government of Petrozavodsk city district.

13. Malinova O. Y. Ob opyte vzaimodeystviya professional'nogo soobshchestva politologov s vlast'yu i grazhdanskimi organizatsiyami [On interaction experience between professional association of political scientists and civil organizations] // *Publichnaya politika* [Public Policy-2006. Collection of scientific articles] / edited by A. U. Sungurov. SPb., 2006. P. 42–55.

14. Makarychev A. Proektnye seti, transfer znaniy i ideya «obuchayushchego regiona» [Project networks, transfer of knowledge and the idea of «self-learning region»] // *Pro et Contra*. 2003. Vol. 8. № 2. P. 32–48.

15. Popov A. N., Hanashvili N. L. Obshchestvennaya ekspertiza: prinzipy organizatsii i usloviya effektivnosti. [Public evaluation: organization principles and efficiency conditions]. M., 2010.

16. Prokhorova L. V. K voprosu o grazhdanskoy aktivnosti i regional'nom soobshchestve politologov v Respublike Kareliya [To the issue of civil activity and regional association of political scientists in the Republic of Karelia] // *Publichnaya politika* [Public Policy-2006. Collection of scientific articles] / Edited by A. U. Sungurov. SPb., 2006. P. 82–100.

17. Region novykh lyudey: Respublika Kareliya «New peoples» region: Republic of Karelia [Electronic resource]. URL: http://bd.fom.ru/report/map/fomterri/fomterry_pressr/fomter040610_pressr, free access. (accessed: 10 October 2014).

18. Sungurov A. Y. Ekspertnaya deyatel'nost' i ekspertnye seti [Expertise activities and expertise nets] // *Filosofiya i kul'turologiya v sovremennoy ekspertnoy deyatel'nosti* [Philosophy and culturology in contemporary expertise activities: Multi-author book]. SPb., 2011. P. 98–124.

19. Sungurov A. Y. Ekspertnoe soobshchestvo, fabriki mysli i vlast' : opyt trekh regionov [Expert community, think tanks and authorities: 3 regions perspectives] // *Politicheskie issledovaniya* [Political studies: POLIS]. 2014. № 3. P. 72–87.

20. Sukhorukov A. S. Izmereniya grazhdanskogo obshchestva [Civil society dimensions]. *Gorodskoy al'manakh* [City almanac]. Vol. 3. M., 2008. P. 222–226.

21. Sukhorukov A. S. Sub'ektnost' regional'nykh analiticheskikh soobshchestv : kriterii, etapy stanovleniya i usloviya [Regional analytical communities subjectivity : criteria, formation and conditions] // *Politicheskie issledovaniya* [Political studies: POLIS]. 2011. № 3. P. 109–114.

22. Titov A. F., Sukhorukov A. S. Predposylki i logika razrabotki strategicheskogo plana razvitiya goroda Petrozavodsk [Prerequisites and logics in working out strategic plan for Petrozavodsk development]. [Electronic resource]. URL: <http://www.petrozavodsk-mo.ru/petrozavodsk/gorod/strategy/articles/articles.htm?id=10203639@cmsArticle>, free access. (accessed: 14.10.2014).

23. Chentr publichnoy politiki [Center for public policy, civil education and human rights]. [Electronic resource]. URL: <http://www.ppcentre.ru/>, free access. (accessed 14.10.2014).

24. Anderson J. *Public Policymaking: An Introduction*. Boston, N. Y., 2003.

*

*

*

*

zema@onego.ru

Keywords:

*

Summary:

*

УДК 327

Побратимство как инструмент социокультурного и экономического развития городов: сравнение «континентальной» и «морской» школ

ЯРОВОЙ
Глеб
Олегович

*кандидат политических наук,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, gleb.yarovoy@mail.ru*

ПОДОЛЬСКИЙ
Марк
Александрович

*студент 4-го курса,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, damiurrr@gmail.com*

Ключевые слова:
побратимство
дипломатия городов
развитие территории
мягкая сила

Аннотация:

В статье рассматривается категория «побратимство городов». Основная задача статьи: показать, что побратимство городов — это заслуживающий внимания инструмент влияния на социокультурное и экономическое развитие городской среды, которые могут и должны использоваться муниципальными властями и другими акторами. Для этого проводится анализ и систематизация научных работ, исследующих феномен побратимства городов. На основе изучения теории и практики побратимства авторы приходят к выводу о том, что отечественная наука не сформировала четкого представления о приоритетах побратимских взаимоотношений, однако сходится на общих принципах понимания феномена. Авторы условно делят представления о побратимстве городов в мире на «континентальную», традиционную европейскую школу и «морскую» школу нового типа, которая обосновывает экономическую выгоду побратимства.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Побратимское движение — относительно новое явление в системе международных отношений. Свое активное развитие оно получило после окончания Второй мировой войны. В 50-х гг. XX в., по инициативе американского президента Д. Эйзенхауэра, правительство США начало работу по вовлечению муниципальных властей и простых граждан в различные международные проекты, в том числе в подготовку и проведение «мостов дружбы» с городами других стран. Эта деятельность муниципалитетов, общественных неправительственных организаций и простых американцев стала основой и активизировала побратимские связи между городами США и других государств.

В настоящее время в условиях глобализации все большее значение приобретает сотрудничество

городов, заявляющих о себе как о влиятельных участниках международных отношений. Побратимское движение является первоочередным механизмом дипломатии городов¹, установивших между собой тесные дружеские связи с целью развития взаимовыгодного и эффективного сотрудничества в области политики, экономики, культуры, образования и здравоохранения. Породненные города функционируют в интересах становления и укрепления мира, безопасности, толерантности между странами и народами в частности. Сегодня во всем мире наблюдается интенсивное развитие побратимского движения. Так, количество членов международной ассоциации «Породненные города», действующей только на территории постсоветского пространства, достигает 315 городов-участников².

Побратимское движение включает в себя города из разных государств, официально установившие между собой дружеские связи для тесного сотрудничества в области культуры, науки, медицины, экономики, политики, экологии и др. Кроме того, они обмениваются опытом с целью решения насущных проблем, стоящих перед городскими властями, организациями и простыми гражданами. Уникальной характеристикой побратимского движения также является его социальная направленность и открытость. Граждане городов разных государств, вне зависимости от их пола, возраста, профессии, социального статуса, религии, ощущают себя неотъемлемой частью мирового сообщества и активно развивают сотрудничество на гражданском уровне. Они проявляют толерантность и уважение к культурным различиям, ценностям и традициям других городов [5].

Задача данной публикации — частично заполнить терминологический пробел, существующий в отечественной науке по тематике побратимства городов путем анализа иностранных и отечественных научных трудов, дающих оценку побратимству как институту территориального развития и описывающих эффект, произведенный в результате побратимских связей.

В процессе ускорения глобализации и трансформации мирового порядка увеличилось количество и роль акторов международных отношений. Наряду с другими «нетрадиционными» акторами города-побратимы становятся участниками международного сотрудничества на субнациональном уровне, которое зачастую обозначается термином «парадипломатия» (о парадипломатии см. подробнее: [8]). Движение городов-побратимов активно развивается как в качественном, так и в количественном плане. Многолетняя взаимовыгодная совместная работа в рамках побратимского движения, совместные экономические, социальные и культурные проекты служат реальному развитию городов, вносят новые импульсы в деятельность муниципальных образований. Побратимство, являясь значимой составляющей сотрудничества субгосударственных акторов, играет все более заметную роль в решении вопросов глобальной интеграции.

В условиях ограниченного объема данной статьи представляется возможным дать лишь общее представление об изучаемой проблеме, проанализировав базовые научные публикации, посвященные побратимству городов, и, выявив общность и различия в понимании проблем и перспектив, сгруппировать междисциплинарные научные работы по такому принципу, который будет удобен для использования в дальнейшем научном поиске.

Эволюция научного знания о побратимстве городов как инструменте социокультурного и экономического развития

Вопрос о необходимости «осмысления прямого и косвенного влияния побратимства на создание транснациональных объединений единомышленников» в исследовательскую повестку дня общественных наук внес Вильбур Зелинский в статье «Мировое побратимство: города-побратимы в географической и исторической перспективах» [18], опубликованной еще в 1991 г. До этого времени единственной заметной работой, посвященной феномену побратимства в Европе, оставалась книга немецкого автора Томаса Грюнерта «Долгосрочные эффекты побратимства» [12], посвященная эволюции данного явления в послевоенной Европе.

С тех пор в мировой науке, как отечественной, так и западной, существенного прогресса в этом направлении достигнуто не было. В 2003 г. немецкая исследовательница Мартина Вейретер, подводя итог развития побратимства в Европе, утверждала, что «роль побратимства в улучшении международного сотрудничества исследована недостаточно» [17]. Указанная статья также ограничивается описанием истории развития побратимского движения с участием немецких городов, раскрывает социальные, миротворческие корни побратимства, но не пытается анализировать текущее положение дел, не дает объяснения проблемам и не затрагивает перспектив развития побратимского движения.

В американской академической традиции распространены исследования «городов-близнецов» (twin-cities), однако это явление не имеет прямого отношения к заявленной проблематике. Американские

города-близнецы, такие как, например, Миннеаполис и Сент-Пол, являются, по сути, сросшейся и потому единой городской агломерацией. В Европе подобные примеры также существуют, в том числе и в трансграничном контексте — это Хапаранда (Швеция) и Торнио (Финляндия), Нарва (Эстония) и Ивангород (Россия). Первая попытка осмысления европейских трансграничных городов-близнецов была предпринята российскими исследователями Александром Сергуниным и Анатолием Анищенко в статье «Города-близнецы». Новая форма приграничного сотрудничества в Балтийском регионе?» [1].

Немногочисленные современные исследования побратимства подчеркивают возможность использования потенциала данного явления для территориального развития в широком смысле. Побратимские связи могут использоваться для получения информации, обмена опытом, идеями и знаниями, могут влиять на систему управления и стать основой создания «обучающихся сообществ» [13], способствовать экономическому развитию.

Исследование, проведенное группой турецких ученых во второй половине 2000-х гг., показывает, что европейские города-побратимы воспринимают побратимство в первую очередь как часть культурных обменов, во вторую — как экономические связи, в третью — как поддержание исторических связей. Экономические и культурные связи стали для большинства городов и основанием для выбора города-побратима [9].

Особое внимание к экономическим аспектам побратимства характерно для авторов Австралии и Океании. Так, австралийский ученый Кевин О’Туле размышляет об особом типе побратимских отношений, сложившихся в регионе, в основе которых, в силу исторических причин, лежит не столько культурное, сколько экономическое сотрудничество [14]. А его новозеландские коллеги напрямую заявляют, что побратимство оказывает прямое влияние на экономическое развитие [11].

Таким образом, немногочисленные исследования демонстрируют, что побратимство становится чем-то большим, чем просто отношения дружбы. Побратимское сотрудничество посредством инструментов народной дипломатии и культурных обменов способствует усилению взаимопонимания и доверия. Это, в свою очередь, приводит к созданию и укреплению экономических связей. Вместе с тем такие выводы сделаны на основании изучения сотрудничества городов-побратимов Северной и Западной Европы, а также Австралии и Океании.

Побратимские связи российских городов, восприятие побратимства локальными сообществами России, проблемы и факторы успеха побратимского сотрудничества с участием российских городов в рамках данных исследований не изучались. Существующие отечественные научные публикации ограничиваются лишь изучением истории побратимства или описанием современных побратимских связей, их достижений и проблем, применительно к конкретным городам ([2], [3], [4], [5], [6], [7]).

Таким образом, в отечественной науке до сих пор не проводились комплексные (междисциплинарные) исследования, направленные на изучение побратимства как инструмента развития местных сообществ. Не определены социально-культурные, экономические и политические факторы, способствующие и/или препятствующие развитию побратимских связей муниципалитетов, не осуществлялись попытки создания оптимальной модели побратимских связей. Предлагаемая статья призвана частично устранить данный пробел; она, вероятно, не даст всеобъемлющих ответов, однако подведет нас к пониманию ряда значимых вопросов.

Континентальная (Европейская) школа изучения побратимства: фокус на социокультурных аспектах взаимодействия

Европейские исследователи, пожалуй, уделяют наиболее пристальное внимание феномену побратимства и его возможностям в развитии международных связей. Мы отметим наиболее характерные особенности европейского подхода к изучению вопроса принципов побратимства, опустив исторические и статистические исследования.

Джин Барет, один из основоположников Совета европейских муниципалитетов и регионов, определил побратимство следующим образом: «Побратимство — это тесное сотрудничество двух местных сообществ с целью решения проблем и развития все более и более тесных связей между ними»³. Таким образом, он обозначил главные ценности, которые заложены в побратимском движении: сотрудничество, дружба и взаимопонимание между народами Европы.

Сотрудничество городов-побратимов отличается от других видов взаимосвязей городов. По своей сути, побратимские связи — это нерегламентированная свободная система, которую города стремятся сформировать самостоятельно, не интегрируясь в нее [9]. Согласно исследованиям, направленным на определение понимания и восприятия института побратимства в Европе, 91 % городов рассматривают его как часть культурного обмена, 84 % — как значимый фактор развития экономических взаимосвязей,

57 % — в качестве катализатора расширения исторических связей. Кроме того, 83 % европейских городов уже активно сотрудничали в сфере культуры с нынешними городами-побратимами в прошлом, 59 % были исторически связаны и взаимодействовали в сфере экономики, а 8 % городов отметили, что развивали отношения во всех трех вышеперечисленных сферах [9].

В. Зелинский в своей работе отмечает непосредственную взаимосвязь между количеством и качеством побратимства и уровнем внешнего и внутреннего социально-экономического развития партнерских субъектов. В то же время, как отмечает автор, нельзя не учитывать роль исторических и культурных взаимоотношений, международной политики и других аспектов, не лежащих в сфере ответственности муниципалитетов. Иными словами, побратимство — это инструмент в первую очередь *укрепления* взаимосвязей, а не налаживания их. Также В. Зелинский отмечает способность побратимства служить средством продвижения тех или иных идей и проектов за рубежом, т. е. побратимские связи способны оказывать воздействие на межгосударственную политику посредством инструментов парадипломатии, или городской дипломатии.

Кроме того, отмечаются и возможности побратимства в сфере публичной дипломатии, или мягкой силы. Правительство одного государства через общественные организации и отдельных индивидов способно оказывать непосредственное влияние на общественность другого государства, которая, в свою очередь, воздействует на собственное правительство. Сотрудничество на транснациональном уровне способствует изменению отношения одних государств к другим, увеличению их восприимчивости, учитывая тот факт, что коммуникации граждан (личные или с помощью электронных устройств), путешествия, транснациональный транспорт могут трансформировать точки зрения и восприятие действительности элитами и неэлитами в рамках национальных сообществ.

В побратимских отношениях, по словам Зелинского, отсутствует четко регламентированная схема взаимодействия. Каждая пара породненных городов может постоянно экспериментировать, чтобы в итоге осознать, какая сфера сотрудничества наиболее полно отвечает их целям, интересам и ресурсам [18].

«Еврогорода и города-побратимы» — исследование, проведенное группой турецких ученых, как уже было сказано выше, — демонстрирует заинтересованность европейских городов в культурном обмене, затем в получении экономической выгоды и, наконец, в поддержке исторических связей; именно эти три фактора являются определяющими в выборе города-побратима. Немаловажен и тот факт, отмеченный исследователями, что процесс взаимоотношений между городами-побратимами серьезно зависит от происходящих в глобальном мире процессов и отображает их в полной мере. Турецкие ученые отмечают, что взаимосвязи между городами, уже имеющими общее прошлое, устанавливаются прочнее и легче, нежели при отсутствии таковой [9].

Автор концепции сетевого сотрудничества городов (*city network paradigm*) Роберта Капелло утверждает, что участие в побратимских сетях способно создать экономический «эффект масштаба» за счет появления дополнительных вариантов сотрудничества и, соответственно, синергетического эффекта, однако подчеркивает, что эффект от сотрудничества городов не ограничивается исключительно экономикой [9].

Таким образом, можно выделить следующие тезисы, характерные для европейских исследователей феномена побратимства:

- побратимство наиболее эффективно при наличии уже существующих интергородских связей;
- побратимство развивает как социокультурные, так и экономические связи;
- социокультурные связи тем не менее развиваются лучше экономических в контексте побратимства;
- побратимство городов — один из действенных инструментов как парадипломатии, так и «мягкой силы».

«Морская» школа: побратимство как экономическая стратегия

В отличие от европейских и части американских исследователей, ученые таких стран, как Австралия, Новая Зеландия, Китай и т. д., ставят на первый план экономический аспект побратимских связей городов. Это, в свою очередь, влияет на поведение муниципальных властей в данной сфере. Так, например, весьма прямолинейно по данному вопросу высказалась Федерация канадских муниципалитетов в 1988 г.: «Сотрудничество между гражданами городов не должно упускать возможности приобретения экономических выгод».

Китай посредством установления дружественных отношений с другими городами беспристрастно стремился к расширению возможностей в сфере бизнеса. Китайские муниципалитеты проводили переговоры и торговые сделки, выставки сельскохозяйственных культур и культурных реликвий в США. Объем выгоды от каждой сделки составлял около 10 млн долларов США [18].

Новозеландский исследователь Б. Кросс выдвигает интегрированный подход к побратимскому движению, которое должно «стремиться достичь баланса в культурном, экономическом и социальном развитии городов и привести к ощутимым результатам в этих сферах» [11]. В целом, исследователи и местные власти Новой Зеландии уделяют большое внимание развитию экономических связей в рамках побратимства, которые приносят реальную выгоду. Власти Новой Зеландии провели обзор и посетили организации по всей стране, чтобы установить, какие экономические выгоды приносит побратимское движение.

Опросы отчетливо показывают, что на микроэкономическом уровне эти связи приносят выгоды, которые оказывают положительное воздействие на местную экономику [15]. Они включают установление тесных контактов в сфере бизнеса, обеспечение выхода на рынок и расширение производственного ассортимента, рост репутации и конкурентоспособности фирм и компаний за рубежом, снижение издержек, развитие туризма и способствуют обмену знаниями и технологиями, а также совместным исследованиям. В целом за последние годы роль института побратимства в развитии сотрудничества в сфере бизнеса в Новой Зеландии возросла. Безусловно, отношения с породненными городами в Новой Зеландии до сих пор традиционно затрагивают культурную и образовательную сферу, но приобретение экономических выгод занимает первоочередную позицию. Согласно проведенному в Новой Зеландии исследованию, экономическую выгоду, в первую очередь, приносят обменные программы в сфере образования, затем сфера туризма, обмен знаниями и бизнес.

Города в рамках побратимского движения способны сформировать региональные и национальные стратегические экономические цели и максимизировать эффективность от роста масштаба производства. Примером получения экономических выгод в рамках междугороднего сотрудничества может служить крупнейший новозеландский город Окленд. 24 млн долларов — прямая выгода от сотрудничества с китайским городом-побратимом Гуаньчжоу в сфере обменных образовательных программ. А обмен научными исследованиями и технологиями с австралийским городом Брисбеном позволяет Окленду модернизировать свою транспортную и компьютерную систему [15].

Таким образом, можно выделить следующий подход, выработанный исследователями:

- сотрудничество городов в области экономического развития способно минимизировать риски и повысить шанс на успех экономических программ путем повышения осведомленности об экономической ситуации в городах-партнерах, установления контактов между бизнес-элитами побратимов;
- образовательные и обменные программы повышают уровень знаний молодых людей, знакомят с социальной средой, повышают интерес к инвестициям и, пользуясь вновь сформированным пулом специалистов, создают оптимальные условия и ресурсы для их реализации.

Выше мы рассмотрели два подхода, наиболее распространенные в мировой науке, условно назвав их «континентальным», который характерен для Европы и особенностью которого является пристальное внимание к социокультурным взаимодействиям между городами, и «морским», характерным преимущественно для стран тихоокеанского региона, поставившим акцент на экономическую выгоду от взаимодействия между городами.

Необходимо отметить тот факт, что научные труды, подвергшиеся исследованию, имели непосредственное влияние на фактическое концептуальное устройство побратимских связей между городами. Так, методологические журналы по устройству побратимских взаимоотношений, целевой аудиторией которых являются служащие муниципальных образований, в своей сути повторяют постулаты, выведенные учеными. Так, например, в методическом издании по вопросам международных отношений, опубликованном международным бюро местных властей (*local government international bureau*), в пункте «В чем интерес местных властей?» побратимство описывается как двигатель социальных преобразований, направленных в первую очередь на повышение мобильности и лабильности молодежи.

Несмотря на некоторые разногласия в выборе основного, концептуального направления развития, оба направления сходятся на том, что побратимство городов — это инструмент повышения уровня жизни резидентов обеих сторон через проведение социальных программ, повышение уровня

мобильности, разрушение стереотипов, проведение бизнес-проектов и т. д.

Не стоит думать, что два этих направления противопоставлены друг другу. Напротив, никто не отказывает побратимству в возможностях как экономического развития (для одной стороны), так и социального и культурного взаимодействия (для другой). Из этого следует, что при грамотном управленческом подходе вполне возможна разработка гармоничной программы экономического и социального развития.

К сожалению, в России междисциплинарные работы на эту тему отсутствуют, и отечественные муниципальные власти выступают скорее как объект, нежели как субъект побратимства. Это вызвано в первую очередь тем, что в России отсутствуют скоординированные программы и методики выбора города-побратима и принципов дальнейшей работы с ним.

Побратимство городов — один из потенциальных инструментов налаживания социальных, экономических и парадипломатических отношений, потребность в установлении которых сегодня весьма очевидна. Представляется, что продолжение исследований в данной сфере должно способствовать не только научному осмыслению, но и разработке концептуальных и практических рекомендаций, доступных для представителей местных властей.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анищенко А. Г. «Города-близнецы» : новая форма приграничного сотрудничества в Балтийском регионе? / А. Г. Анищенко, А. А. Сергунин // *Балтийский регион*. 2012. № 1. С. 27—38.
2. Белова А. В. Приграничное и трансграничное сотрудничество полусредних городов Калининградской области в Балтийском регионе // *Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта*. 2009. № 3. С. 116—125.
3. Вавулинская Л. И. Побратимские связи городов СССР и Финляндии в 1960—1980-е гг. как фактор формирования новых форм сотрудничества на региональном уровне (на примере Петрозаводска и Варкауса) // *Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов*. Петрозаводск, 2008. Вып. 1. С. 65—76.
4. Евменова О. Н. Взаимодействие с городами-побратимами на территории Среднего Поволжья (в аспекте местного самоуправления) // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. 2011. № 4. С. 98—101.
5. Колева З. И. Побратимство как культурно-социальная практика, влияющая на формирование социального пространства города // *Вестник Самарского государственного университета*. 2012. № 8. Ч. 1. С. 50—54.
6. Литошенко Д. А. Почему угасли побратимские связи городов Дальнегорска и Кацунумы // *Россия и АТР*. 2004. № 4. С. 55—61.
7. Максимов В. Б. Международные контакты городов СССР как часть внешней политики правительства // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 2. С. 96—102.
8. Яровой Г. О. Парадипломатическая деятельность как инструмент регионального развития : к постановке вопроса // *Studia Humanitatis Borealis*. 2013. № 1. С. 28—41.
9. Baycan-Levent T. Success Conditions for Urban Networks : Eurocities and Sister Cities / T. Baycan-Levent, A. Gülümser Akgün, S. Kundak // *European planning studies*. 2010. Vol. 18, № 8. P. 1187–1206.
10. Capella R. The City Network Paradigm : Measuring Urban Network Externalities // *Urban Studies*. 2000. № 37. P. 1925—1945.
11. Cross B. Sister Cities and Economic Development: A New Zealand Perspective // *Transylvanian Review of Administrative Sciences*. 2010. № 30. P. 104—117.
12. Grunert T. Langzeitwirkungen von Stadte-Partnerschaften. Kehl am Rhein, 1981.
13. Le Galés P. *European Cities: Social Conflicts and Governance*. Oxford, 2002
14. O'Toole K. *Sister Cities in Australia: A Survey Report*. Victoria, 1999; O'Toole K. Kohusaika and internationalization : Australia and Japanese sister city type relationships // *Australian Journal of International Affairs*. 2001. Vol. 55, № 3. P. 403—419.
15. Smith J. *The Economic Benefits of Sister City Relationships* / J. Smith, J. Ballingall. Wellington, 2003 [Electronic resource]. URL: <https://nzier.org.nz/publication/economic-benefits-of-sister-city-relationships>.
16. Pluijm R., van der. *City Diplomacy : The expanding Role of Cities in International Politics* / R. Pluijm, van der, Melissen J. [Electronic resource]. URL: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20070400_cdsp_paper_pluijm.pdf
17. Weyreter M. Germany and the town twinning movement // *Contemporary Review*. 2003, Vol. 281, № 1644. P. 37—43
18. Zelinsky W. *The twinning of the World : Sister Cities in Geographical and Historical Perspectives* // *Annals*

of the Association of American Geographers. 1991. Vol. 81, № 1. P. 1—31.

REFERENCES

1. Anishchenko A. G. «Twin Cities» : A new form of cross-border cooperation in the Baltic region? [«Goroda-bliznetsy» : Novaya forma prigranichnogo sotrudnichestva v Baltiyskom regione?] / A. G. Anishchenko, A. A. Sergunin // *Baltic region [Baltiiskii region]*. 2012. № 1. S. 27—38.
2. Belova A. V. Cross-border and cross-border cooperation of semi-medium towns of the Kaliningrad region in the Baltic region [Prigranichnoe i transgranichnoe sotrudnichestvo polusrednikh gorodov Kaliningradskoy oblasti v Baltiyskom regione] // *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant [Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta]*. 2009. № 3. S. 116—125.
3. Vavulinskaya L. I. Twinning relations cities of the USSR and Finland in the period of 1960s — 1980s as a factor in the formation of new forms of cooperation on the regional level (for example, Petrozavodsk and Varkaus) [Pobratimskie svyazi gorodov SSSR i Finlyandii v 1960—1980-e gg. kak faktor formirovaniya novykh form sotrudnichestva na regional'nom urovne (na primere Petrozavodska i Varkausa)] // *The boundaries and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions [Granitsy i kontaktnye zony v istorii i kul'ture Karelii i sopredel'nykh regionov]*. Petrozavodsk, 2008. Issue 1. S. 65—76.
4. Evmenova O. N. Interaction with sister-cities in Middle Volga region (in the context of local self-government) [Vzaimodeystvie s gorodami-pobratimami na territorii Srednego Povolzh'ya (v aspekte mestnogo samoupravleniya)] // *Science Vector of Tolyatti State University [Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta]*. 2011. № 4. S. 98—101.
5. Koleva Z. I. Twinning as a cultural and social practices, influence the formation of the social space of the city [Pobratimstvo kak kul'turno-sotsial'naya praktika, vliyayushchaya na formirovanie sotsial'nogo prostranstva goroda] // *Bulletin of Samara State University [Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta]*. 2012. № 8. Ch. 1. S. 50—54.
6. Litoshenko D. A. Why Dalnegorsk and Katsunumy towns' twin relations extinguished [Pochemu ugasli pobratimskie svyazi gorodov Dal'negorska i Katsunumy] // *Russia and the Asia Pacific region [Rossiya i ATR]*. 2004. № 4. S. 55—61.
7. Maksimov V. B. International contacts of Soviet cities as a part of the government's foreign policy [Mezhdunarodnye kontakty gorodov SSSR kak chast' vneshney politiki pravitel'stva] // *Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International relations [Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya]*. 2012. № 2. S. 96—102.
8. Yarovoy G. Revisiting paradiplomacy as a tool for regional development [Paradiplomaticheskaya deyatel'nost kak instrument regional'nogo razvitiya: k postanovke voprosa] // *Studia Humanitatis Borealis*. 2013. № 1. S. 28—41.
9. Baycan-Levent T. Success Conditions for Urban Networks : Eurocities and Sister Cities / T. Baycan-Levent, A. Gülümser Akgün, S. Kundak // *European planning studies*. 2010. Vol. 18. № 8. P. 1187–1206.
10. Capella R. The City Network Paradigm: Measuring Urban Network Externalities // *Urban Studies*. 2000. № 37. P. 1925—1945.
11. Cross B. Sister Cities and Economic Development : A New Zealand Perspective // *Transylvanian Review of Administrative Sciences*. 2010. № 30. P. 104—117.
12. Grunert T. Langzeitwirkungen von Städte-Partnerschaften. Kehl am Rhein, 1981.
13. Le Galés P. *European Cities : Social Conflicts and Governance*. Oxford, 2002.
14. O'Toole K. Kohusaika and internationalisation: Australia and Japanese sister city type relationships // *Australian Journal of International Affairs*. 2001. Vol. 55, № 3. P. 403—419.
15. Smith J. *The Economic Benefits of Sister City Relationships* / J. Smith, J. Ballingall. Wellington, 2003 [Electronic resource]. URL: <https://nzier.org.nz/publication/economic-benefits-of-sister-city-relationships>.
16. Pluijm R., van der. *City Diplomacy : The expanding Role of Cities in International Politics* / R. Pluijm, van der, J. Melissen [Electronic resource]. URL: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20070400_cdsp_paper_pluijm.pdf.
17. Weyreter M. Germany and the town twinning movement // *Contemporary Review*. 2003. Vol. 281, № 1644. P. 37—43
18. Zelinsky W. The twinning of the World: Sister Cities in Geographical and Historical Perspectives // *Annals of the Association of American Geographers*. 1991. Vol. 81, № 1. P. 1—31.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Термин «дипломатия городов» используется в современной науке о международных отношениях

Яровой Г. О. , Подольский М. А. Побратимство как инструмент социокультурного и экономического развития городов: сравнение «континентальной» и «морской» школ // *Studia Humanitatis Borealis*. 2014. № 2. С. 38-45.

наряду с термином «парадипломатия». См., например: [15].

2 См. подробнее на сайте организации «Породненные города МАПГ» (<http://goroda-pobratimy.ru>).

3 Подобная оценка, в частности, содержится на европейском электронном ресурсе, посвященном побратимству «European twinning» (<http://int.twinning.org>).

*

*

*

*

*

Keywords:

*

*

gleb.yarovoy@mail.ru

*

damiurrr@gmail.com

Summary:

*

УДК 316.356.2

Трансграничные семейные отношения русских женщин-иммигранток в Северной Карелии и Республике Карелия (Перевод с фин. яз. Ю. М. Килин)

**ПЁЛЛЯНЕН
Пирьо**

*доктор социологических наук,
Университет Восточной Финляндии,
Карельский институт,
Финляндия, pirjo.pollanen@uef.fi*

Ключевые слова:

трансграничные семьи
трансграничная забота
русские женщины-иммигрантки в
Финляндии

Аннотация:

В статье, написанной на основе моей докторской диссертации [9], анализируются семейные отношения и забота живущих в Финляндии русских женщин-иммигранток. Анализируемый исследовательский материал включает в себя 16 интервью с женщинами, живущими в провинции Северная Карелия и состоявшими/состоящими в браке с финскими мужчинами. В статье рассматривается то, каким образом трансграничность влияет на материнство жен-иммигранток, брак и межпоколенную заботу. Широко используемое в статье ключевое понятие «забота» (“hoiva”) включает в себя повседневное внутрисемейное взаимодействие всех членов семьи и заботу друг о друге. Русскоязычные иммигранты являются самой многочисленной группой иммигрантов в Финляндии. Для русской иммиграции в Финляндии характерен также гендерный феномен — следствие вступления в брак русских женщин и финских мужчин.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Географически исследование охватывает провинцию Северная Карелия, находящуюся на периферии страны, что позволяет социологам по-особому взглянуть на проблемы иммиграции. Эта территория считается периферийной как за рубежом, так и в Финляндии. Социологические исследования позволяют выявить некоторые феномены, типичные именно для периферийных территорий. Одним из них является негативное отношение местных жителей к иностранцам, что, как было отмечено в более ранних исследованиях, является характерным для сельской местности и районов с высоким уровнем безработицы [7]. Северную Карелию от других провинций отличают как ее периферийное положение, так и высокий уровень безработицы, уже давно заметно превышающий средний уровень по стране. В удаленных от центра провинции коммунах велика доля долговременно безработных. Проблему так и не удалось решить, несмотря на попытки сделать это [14]. Отличительной особенностью периферийной территории являются также большие расстояния, представляющие собой вызов человеку в его повседневной жизни.

Северная Карелия является также пограничной провинцией, на территории которой находится один из крупнейших в Финляндии пунктов пересечения границы Ниирала—Вяртсиля, дающий

возможность рутинным образом пересекать государственную границу. Жители приграничной местности, например, совершают покупки по обе стороны границы. Также в случае с иммигрантами граница играет свою роль. Существующая уже несколько десятилетий трансграничная повседневность, в которой люди живут по обе стороны границы (Северная Карелия и Республика Карелия) сформировала облик иммигрантов Северной Карелии. Типичным иммигрантом здесь является русская женщина, состоявшая или состоящая в браке с финским мужчиной. Со своей стороны финский супруг русской женщины-иммигрантки обычно связан с Россией работой или часто пересекает границу и совершает поездки в Россию [1].

В этой статье рассматривается то, как живущие в Финляндии русские женщины-иммигрантки воспринимают свои семейные отношения и семейную заботу, как они организуют внутрисемейную заботу в условиях трансграничной повседневности. В статье освещается и то, каким образом в этих семьях заботятся друг о друге, как забота организуется для членов семьи, живущих в России и

Финляндии, как проявляются межпоколенные отношения русских женщин. Анализируемый исследовательский материал включает в себя 16 интервью с женщинами, живущими в провинции Северная Карелия и состоявшими/состоящими в браке с финскими мужчинами [2]. В статье используются методы этнографических социальных исследований [1]. Мое исследование представляет собой социально-политический анализ семейных отношений и заботы в семьях русскоязычных женщин-иммигранток на основе их интервью [3].

Трансграничная и межпоколенная забота на приграничных территориях Финляндии и России

В европейской интеграции и глобализации подчеркивается бессмысленность и невидимость межгосударственных границ. В политической риторике и публичных выступлениях мир предстает все более единым, он становится ареной свободного движения любого вида. Мир, или, по крайней мере, Европа, тем не менее, долгое время был разделен надвое. Например, движение внутри Европейского союза действительно можно считать свободным, а границы не имеют практического значения (т.н. пространство свободы и безграничности). Но в то же время Европейский союз усилил охрану своих внешних границ и контроль за их пересечением. Так, например, восточная граница Финляндии, граница между Финляндией и Россией, являющаяся и международной границей между ЕС и РФ, не является открытой и невидимой для повседневно пересекающих ее людей. Каждый рутинно пересекающий границу человек, живущий на приграничной территории, ощущает физическое и конкретное значение границы. Для гражданина бывшего СССР или РФ пересечение границы означает постоянную зависимость от паспортов и виз. Для граждан ЕС граница становится «видимой» уже при подаче заявления на визу. Для получения многократной визы, дающей возможность рутинного повседневного пребывания в России, заявитель должен входить в категорию предпринимателей (“bisnksen tekijä”). Оформляя визу, гражданин Финляндии сталкивается с тем фактом, что государственная граница не является открытой и свободно пересекаемой. Для путешествующего с ним и родившегося в СССР человека, со своей стороны, граница всегда означала неопределенность и потенциальные проблемы. Такому человеку необходимо постоянно помнить о сумочке, в которой он хранит паспорт. Человек, имеющий двойное гражданство и пересекающий границу с финским гражданином, может, предъявив соответствующий паспорт, обосновать свое право пересечь границу из России в Финляндию как финский гражданин, и из Финляндии в Россию как российский гражданин.

Трансграничный контекст определяет специфику семейных отношений и заботы [16]. По мнению М. Цехнер, к специфическим проблемам неформальной трансграничной заботы относятся отличающиеся друг от друга социально-политические системы двух государств, а также проблемы, связанные с расстояниями и перемещениями людей [16]. Собранный мною исследовательский материал дает возможность рассмотреть трансграничную заботу как конкретную физическую повседневную рутину и как организационную ответственность. Граница, практика ее пересечения и конвенции, определяют то, каким образом русскими женщинами-иммигрантками повседневно осуществляется забота [3]. Постоянное рутинное пересечение границы как с целями заботы, так и с другими намерениями (например, покупка бензина в России), является повседневной реальностью для многих моих информантов.

В трансграничном контексте осуществление заботы как повседневной и физической работы или как организационной ответственности реализуется иначе, чем в каждом отдельно взятом государстве. Одним из видов заботы в каждом из государств является физическая забота, когда нуждающегося в уходе человека моют, одевают, готовят пищу и кормят. Как отмечает М. Цехнер, [15; 83] именно такой индивидуальный уход привязан к месту, где он осуществляется и требует одновременного пребывания

в одном месте лица, осуществляющего уход, и человека, нуждающегося в нем. Кроме того, что забота в этом случае означает физическую работу, в ней есть и элемент организации, поскольку в конечном счете, вопрос заключается в ответственности за другого или других. Размышляя о трансграничной заботе, М. Цехнер приходит к выводу, что поддержание отношений, материальная и эмоциональная помощь возможны и в случае, когда ухаживающий человек проживает на некотором расстоянии от нуждающегося в уходе. Помощь же в одевании и мытье, а также уборка помещений могут производиться только в месте проживания человека, нуждающегося в заботе. М. Цехнер следующим образом описывает такую дистанционную заботу: «В транснациональных семьях расстояние множеством способов определяет то, как осуществляется забота. Большие расстояния и межгосударственные границы увеличивают расходы, поскольку на поездки уходит много времени и денег. Пограничные формальности затрудняют поездки, хотя ситуация стала проще после введения в 1997 г. безвизового режима пересечения границы между Эстонией и Финляндией. Большие расстояния ослабляют интенсивность заботы. Они не дают возможности осуществлять уход каждодневно [15; 88]».

Для реализации трансграничной заботы граница и ее пересечение устанавливают свои условия. В трансграничной заботе, требующей физического присутствия заботящегося лица, особенно значимы требования к уходу, предъявляемые особенностями организма человека, и непредсказуемость, связанная с уходом. Потребности, пожелания и состояние человека, за которым осуществляется уход, ежедневно меняются, что затрудняет планирование [12, 13]. Уход включает в себя рутинные действия, и в этом смысле его невозможно осуществлять «в запас», он необходим ежедневно или еженедельно, поскольку потребности имеют постоянный характер. В ситуации трансграничной заботы человек, осуществляющий уход, возможно планировал осуществить его в России в выходные дни, однако состояние реципиента помощи за неделю может измениться, например, вследствие его болезни. Граница затрудняет реакцию на неожиданные изменения положения, так как, например, время, необходимое для пересечения финляндско-российской границы, постоянно меняется [3, 4]. С другой стороны, в случаях, когда трансграничные семьи в Финляндии нуждаются в помощи русских бабушек для ухода за детьми, их приезд в этот момент может быть затруднен отсутствием финской визы.

Интервьюированные мной русские женщины, живущие в Финляндии, живут в промежуточном состоянии между двумя государствами и двумя системами: в постсоциалистической России и Финляндии-ЕС. Их повседневная жизнь включает в себя заботу по обе стороны границы и ее осуществление требует регулярного пересечения границы. Большая часть интервьюированных женщин приехала на постоянное место жительства в Финляндию из северо-западных регионов Российской Федерации и т.н. «соседних территорий» (*lähialueet*). У многих из них в России остались один из родителей или кто-то из близких родственников, которые жили или живут в РФ в то время, когда интервьюированная женщина жила в Финляндии. Для осуществления заботы это означает, что информанты, с одной стороны, должны были заботиться о живущих в России родственниках, находясь в Финляндии, с другой стороны, у них для этого не было ресурсов, поскольку их родители не проживали в Финляндии.

Забота включает в себя сложные отношения взаимности и ответственности, которые являются главными вопросами в контексте семейной заботы. Например, ответственность взрослых детей за своих стареющих родителей сохраняется и в ситуации, когда повседневность становится трансграничной и реализуется по обе стороны границы. М. Цехнер даже утверждает, что в трансграничных семьях различные виды ответственности могут входить в противоречие друг с другом в тех случаях, когда речь идет о потребности в заботе членов семей (а также об ответственности и обязанностях), живущих близко и на большом расстоянии [15; 84].

Трансграничную заботу иногда характеризуют как дистанционную. М. Цехнер приходит к выводу, что сам характер дистанционной заботы скрывает то, что пересечение государственной границы в контексте заботы ставит перед ней вызовы, связанные не только с преодолением пространства. В трансграничной заботе сталкиваются друг с другом две различные традиции в организации помощи и две социально-политические системы. В трансграничной заботе к связи между местами назначения добавляются институциональные структуры (например, законы и политика, регулирующие иммиграцию и двухсторонние отношения), которые, согласно М. Цехнер, тесно связаны с заботой. Например, то, как относятся на работе к работнице-иммигрантке, которая уезжает посередине рабочей недели для ухода за своей больной матерью в другую страну, связано с социально-политической системой новой родины.

Конкретность границы и ее пересечения проявляется и в том, как русские женщины-иммигранты оказывают материальную поддержку своим родственникам в России. Перевод денег в Россию с банковского счета вызывает трудности и, например, российские пенсии нельзя перечислять на счета в

финских банках в случае, если родственник иммигрантки живет в Финляндии. Передача денежных средств, таким образом, всегда осуществляется в связи с поездкой, и деньги необходимо перевозить или наличными, или снимать в банкоматах. В том способе, которым русские женщины-иммигрантки доставляют в Россию наличные денежные средства, проявляется местные особенности (трансграничность) транснациональности и ее материальность. В то время как живущие далеко от своей родины иммигранты в основном отправляют в Россию денежные переводы, для живущих в Финляндии русскоязычных женщин-иммигранток типичным способом оказания помощи своим родственникам на родине является доставка им в ходе поездки товаров, например, лекарств и обуви.

Тема наличия границы и ее близости эксплицитно присутствует в интервью, как возможность повседневности, так и неопределенная необходимость. Интервьюируемая рассказывает о том, как после переезда в Финляндию близость границы дает возможность поддерживать хорошие тесные отношения с живущими в России родственниками, потому что их разделяет расстояние всего в несколько километров. Она также описывает трансграничную повседневность, в которой живут и многие другие русские жены Северной Карелии, рассказывая, кроме прочего, о том, как родственники перевозят ее через границу:

«П: Как насчет твоих родственников, что ты о них думаешь, насколько они важны для тебя?»

И: Ну, у меня в России, в Вяртсиля, живут мать и тетя и дочь тети, моя двоюродная сестра, конечно, они приезжают. Парень у сестры очень хороший, если ему звоню и прошу, он всегда все делает и приезжает за мной, если у меня нет okazji в Россию, и все такое. Еще брат живет в Латвии, он у меня хороший, очень хороший. Не курит, не пьет, разве что иногда немного. Жене помогает во всем, я могу сказать, что есть такие мужья.

П: Хорошие мужья.

< - - >

И: Вот почему мне не было грустно и все такое, не было грустно, потому что шесть лет, первые шесть лет я жила в Вяртсиля (Новый Вяртсиля, Uusi Värtsilä. — Прим. перевод.) на финской стороне, небольшое расстояние до дома».

Из того же интервью стало ясно, что поскольку речь идет о границе между Финляндией и Россией, т.е. о контролируемой границе, этот фактор необходимо учитывать, планируя повседневные трансграничные дела. В цитате ниже женщина описывает неопределенность, которую граница привнесла в ее жизнь, когда она только что переехала в Финляндию:

«П: И как давно ты живешь в Финляндии?»

И: Ну, тринадцать лет прошло как мне поставили штамп в паспорт, что я уехала насовсем, потому что тогда был Советский Союз. Я не жила в России. Я приехала из СССР. Я приехала, была беременная, тогда у меня все было готово, тогда я была еще на российской стороне, и потом приехал муж, чтобы забрать, предупредил за неделю, вдруг закроют границу или что-нибудь случится».

Сказал, что будут трудности, если ребенок родится в России. Надо было позаботиться о приглашении, всех бумагах, обо всем.

П: Снова?

И: Да, потому что за неделю до этого, четвертого июня, я приехала из России в Финляндию. И тогда мне поставили штамп, что теперь я совсем уезжаю из СССР, потому что тогда был совсем другой закон, чем сейчас. Теперь можно быть гражданином России и гражданином Финляндии и не обязательно выезжать из квартиры, может быть новая квартира и.... Но тогда, тогда было так, что когда вышла замуж и у меня был внутренний паспорт в России и еще зарубежный паспорт, если хочу ехать за границу, и тогда, когда вышла замуж, тогда у меня был такой паспорт, когда я уезжала из Советского Союза, совсем другой паспорт, другого образца и в него тогда поставили штамп, что я насовсем уезжаю.

П: Из Советского Союза?

И: Ну, уже тринадцать лет прошло. Потому что до этого у меня был другой образец, другой паспорт. И я была у зубного врача и в родильном доме и все такое, когда была беременной, и так как до Вяртсиля небольшое расстояние, да, и у врача в России я не была, потому что муж жил в Вяртсиля».

Пересечение границы становилось повседневной повторяющейся действительностью, когда в России заправляли автомобили, ездили в гости к родственникам, а из России привозили большой ассортимент товаров. Часть женщин пересекала границу несколько раз в год, для других эти поездки становились еженедельными мимолетными визитами «на границе», но типичная частота пересечения границы этими женщинами находится между этими значениями, становясь, например, ежемесячной рутинной. Часть женщин разделяет функции поездок в Россию и пересечения границы. Одно дело отправиться «на границу» заправлять автомобиль, другое — посещать родственников в

Санкт-Петербурге или в Петрозаводске (т.е. в России). Интервьюируемая рассказывает о пересечении границы:

«П: И как часто Вы бываете в России?»

И: Ну, это зависит от того, куда мы едем, если заправлять машину, то бываем раз в две недели, это как быстрый....

П: Визит?

И: Визит, да, но бывают более долгие визиты примерно раз в полгода.

П: Да, все же довольно часто.

И: Ну, достаточно.

П: Хотелось бы бывать на родине почаще?

И: Поначалу да, очень хотелось, но со временем желание уменьшается.

П: То есть привыкаешь каким-то образом быть здесь?

И: Да.

Русская женщина как мать в Финляндии

Интервьюируемые охотно и многословно общаются на темы материнства. Большая часть моих информантов хотела разделить или была в состоянии различать и описывать финскую и русскую семейную культуру. С другой стороны, многие считали, что не имеет смысла говорить только об одной и единой финской или русской семейной культуре. Такие информанты полагают, что в организации и осуществлении заботы проблема заключается не в культурных различиях, а скорее во внутреннем порядке, характерном для каждой отдельной семьи. То есть практические способы действий зависят в большей степени от людей, а не от целостных культурных систем.

Проанализировав материнскую заботу информантов я разделила их на три группы в зависимости от отношения к материнству:

- информанты-матерналисты, живущие в повседневной материнской заботе;
- информанты, повседневно живущие в рамках модели заботы нуклеарной семьи;
- информанты, решающие задачи заботы в промежуточном состоянии.

В этой классификации материнская забота занимает центральное положение, но в ней присутствуют и брачные отношения. В рамках этой классификации частью брачных отношений являются материнство и материнская забота. Взгляд на брачные отношения формируется, таким образом, посредством материнства. Вторая группа трудно определяема. Среди входящих в нее информантов есть внутренние различия в том, как организуется и осуществляется забота: некоторые нуклеарные семьи являются довольно патриархальными, в других идеал разделенного старшинства реализуется весьма просто. Основным является то, что в семьях этого типа забота организуется внутри нуклеарной семьи.

В основе этой классификации предложенный Р. Няткин метод рассматривать различные способы реализации материнства через рассказы матерей [8; 192–211]. Мое собственное разделение типов материнской заботы на матерналистскую, семейную и промежуточную является результатом анализа, классификации и теоретического осмысления полевого материала. Некоторые информанты не входят исключительно в одну из этих групп, т.е. во многих случаях особенности реализации заботы интервьюируемыми не позволяют относить их к одной группе. Ниже представлены примеры каждой из групп, которые являются как бы описаниями одного человека. Однако ни один из этих примеров не имеет отношения к отдельно взятому информанту, представляя собой мой собственный конструкт из данных разных информантов, включенных в данную группу. То есть, для каждого примера использовались особенности многих информантов, и часть их присутствует больше, чем в одном примере. Эти описания в данном случае являются фиктивными, и не указывают на отдельных информантов.

Первая группа: матерналистская материнская забота

Теоретически матерналистская материнская забота определяется как ситуация, в которой жизнь женщины-матери прежде всего подчинена своему ребенку. В этой модели заботы благополучие матери и ребенка является как бы совместным проектом, в рамках которого их индивидуальные цели и желания не принимаются во внимание и не разделяются. Р. Няткин приходит к выводу, что в матерналистской модели домом ребенка является благополучие его матери [8; 197]. Упрощая можно утверждать, что организация заботы в русской семейной культуре может быть определена как типично матерналистская (материнская) или даже грандматерналистская (забота бабушки). Заботу в русской семейной культуре можно также охарактеризовать как расширенную материнскую заботу, в которой матери в уходе за детьми помогают ее родители, прежде всего бабушки [см. напр. 2, 10].

В собранном мною материале матерналистская модель заботы явно уступает другим типам по количественным показателям. Типичным представителем этого типа заботы является женщина, много раз вступавшая в брачные отношения, муж которой не является отцом ее ребенка или детей. Для представителей этой группы также типично домашнее насилие в прежнем или в настоящем браке. Для имевших этот опыт женщин центральное место в их жизни занимал ребенок или дети.

Пример:

Анна переехала в Финляндию из СССР после крушения советской системы. У нее имеются дети и от бывшего русского и от финского мужа. Сейчас Анна состоит в браке с финским мужчиной, с которым у нее нет общих детей. Она подвергалась домашнему насилию и некоторое время находилась в финском убежище для женщин, скрываясь от своего бывшего финского мужа. Нынешний ее брак благополучный, и Анна очень довольна своим нынешним финским супругом, предоставляющим ей возможность осуществлять матерналистскую заботу. Тем не менее, Анна считает брак с финским мужем главным образом инструментом и практическим способом осуществления ею материнской заботы. Практические соображения сохраняют этот брак и, возможно, нынешний финский муж не последний ее (финский) партнер. Дети и их благополучие являются стержнем жизни для Анны.

Вторая группа: Забота в нуклеарной семье: к «идеалу» разделенного старшинства

Вторая группа, которую я называю здесь группой нуклеарной семьи, реализующей разделенное старшинство, очень напоминает семейную модель Р. Няткин. Особенностью этой модели является то, что дом для ребенка формируется благодаря хорошим отношениям между супругами [8; 197]. Этот семейной модели включает в себя единство семьи и ценность отношений между супругами. Р. Няткин приходит к выводу, что собранные ею рассказы женщин из семей данного типа дают основания для вывода о тесной связи между материнством и отношениями между полами [8; 200].

В своей классификации я подразумеваю под семейной заботой и заботой разделенного старшинства идеальную ситуацию, в которой оба родителя участвуют в этой деятельности. Разделенное старшинство является более типичным продуктом финской семейной культуры, чем форма старшинства, характерная для русской семейной культуры. В идеале в разделенном старшинстве межпоколенность утрачивает свое значение, и центральное место в нем занимает идеология нуклеарной семьи. Семья и забота организуются внутри нуклеарной семьи, а не межпоколенно. Члены нуклеарной семьи заботятся друг о друге. В этом случае формой семьи является не большая, а нуклеарная семья. В данной модели возрастает также значение супружеских отношений. К этой группе обычно относятся семьи, в которых жены рассказывают об участии их финских мужей в заботе о детях. Женщины рассказывают о разделении ответственности по воспитанию и заботе о детях между родителями.

Пример:

Вера и Микко познакомились через общего друга. Они состоят в браке почти 10 лет. Микко на несколько лет старше Веры. У них два общих ребенка, и ни у одного из них нет детей от прежних браков. Микко работает, Вера также какое-то время работала в Северной Карелии, но после рождения детей она много времени тратит на посещение курсов и поиск работы на рынке труда этой провинции. В повседневной жизни центральное место для обоих родителей занимают дети, и Вера рассказывает, что они оба участвуют в их воспитании и заботе. Фактически, единственными проблемами, которые в их семье решаются по принципу гендерного разделения и по старшинству, являются кормление грудью и наказание расшалившихся детей. Вера считает, что Микко, прежде всего, должен отвечать за наказание детей.

Вера, Микко и дети живут вместе в нуклеарной семье. Со своими родителями оба они поддерживают хорошие отношения, правда, отец Микко уже умер. Иногда Веру раздражает то, что от бабушек и дедушек нет конкретной помощи в повседневном уходе за детьми, потому что ее родители живут в России, а мать Микко находится в преклонном возрасте. Тем не менее, Вера довольна тем, как организуются повседневные дела, особенно тем, что Микко берет на себя ответственность как отец и глава семьи. Она, например, подчеркивает то, что Микко много играет с детьми, что, по ее мнению, очень хорошо.

Третья группа: Промежуточное состояние — супружеские отношения важны, забота — второстепенное дело

Если следовать классификации Р. Няткин [8], женщины, осуществляющие промежуточную заботу, приблизительно соответствуют матерям-индивидуалистам. Согласно ее определению, относящиеся к

этой группе женщины стремятся всеми способами к индивидуализации. Супруги, например, могут не поддерживать отношения с родственниками, женщина с ребенком может отдаляться от мужа или даже от мужа и детей [8; 198]. Кроме того, индивидуализм может означать подчеркивание индивидуализма всех членов семьи [11]. По полученным мною данным, индивидуализм означает, прежде всего, возможность для женщины сосредоточиться на супружеских отношениях, отказавшись и от идеала расширенной семьи, характерной для «русской культуры», и от идеологии нуклеарной семьи, характерной для «финской культуры». Или проблема заключается в переходе от расширенной к нуклеарной семье? Может быть, проблема заключается в объединении финской и русской семейных культур, в том, что в образованном этими двумя моделями семьи промежуточном состоянии и находится идеал счастливой семейной жизни русской женщины-иммигрантки, ее постоянное промежуточное состояние [6]?

Промежуточная забота в собранных мною материалах является преобладающей формой заботы. Промежуточное состояние как форма заботы является типичной именно в трансграничном контексте. Большая часть моих информантов по практикуемым ими способам и организации заботы относятся к промежуточной группе. Интервьюированные не относятся полностью ни к материалистской, ни к модели разделенного старшинства, их повседневная организация заботы занимает промежуточное положение между этими двумя моделями.

В модели промежуточной заботы женщина подчеркивает значение супружеских отношений. Женщины рассказывают о том центральном положении, которое в их жизни занимает финский супруг. В этой модели подчеркивается важность супружеских отношений и второстепенность заботы. Интервьюированные мною женщины много рассказывали о значении для них финского супруга и о ценности для них нынешних супружеских отношений. Хотя женщины и отводили супругам особое место, все они полагали, что при необходимости определить степень важности, они поставили бы детей перед супругами.

Отношение женщин из промежуточной (третья группа) или семейной (вторая группа) к супружеским отношениям и семье можно проиллюстрировать тем, как они относятся к своей сексуальной жизни. Ставящие на первое место разделенное старшинство считают супружеские отношения важными, но особенно подчеркивают значение хороших супружеских отношений как основы разделенного старшинства. Размышляя о своей сексуальной жизни, они считают, что интересы ребенка важнее, чем их сексуальные желания, например, ребенок имеет право спать рядом с матерью. В повседневной жизни женщин из промежуточной группы интересы ребенка тоже важны, но отношения между супругами занимают центральное место. Говоря о своей сексуальной жизни, женщины из этой группы выделяли значение отношений между взрослыми и секса, например, тем, что дети должны не входить в супружескую спальню с закрытой дверью.

Пример:

Таня замужем за финским мужчиной немного старше, чем она, и у них нет общих детей. У обоих супругов есть дети от предыдущих браков. Повседневные воспитание и забота о детях для Тани отошли на второй план, так как ее дочь уже почти взрослая. Ее дочь и финский супруг кое-как ладят с собой, но отношения между ними не особенно теплые. Таня подчеркивает открывающиеся перед дочерью возможности, в том числе, языковую подготовку в школе. Можно сказать, что одной из главных причин переезда Тани в Финляндию было обеспечение лучшего будущего для дочери. Для Тани лучшее будущее ее ребенка означает хорошие возможности обучения и, например, разнообразные возможности для увлечений.

Супруг для Тани важен. Она подчеркивает значение совместно проводимого времени и привычку делать всегда все вместе. Таня много рассказывает о совместных поездках с мужем, хотя и дети тоже ездят с ними. Супруг очень важен для Тани в каждодневной жизни, но в ответ на вопрос, как она поступит при необходимости сделать выбор между супругом и дочерью, отвечает, что выбрала бы дочь, полагая, что любая мать наверняка ответит так же.

Несмотря на то, что описанная выше классификация является грубой упрощенной схемой того, как интервьюированные русские женщины соотносят материнскую заботу и супружеские отношения, на ее основе можно структурировать отношение информантов к материнской заботе. Все мои информанты могут быть отнесены к выделенным мною группам, правда, в некоторых случаях не к одной из них, но каждого информанта можно охарактеризовать с помощью этой классификации.

Близость границы делает возможными повседневные поездки

В данной статье я представила схему повседневной заботы русских женщин-иммигранток с точки

зрения науки, изучающей семью, по обе стороны границы, в Северной Карелии и Республике Карелия. В качестве вывода можно сказать, что Северная Карелия как место иммиграции для женщин весьма значима с позиции обыденной жизни как в позитивном (близость границы, близкое расстояние до родственников в России), так и в негативном смысле. Негативная сторона, прежде всего, связана с трудоустройством женщин. Лишь в редких случаях русскоязычные женщины-иммигрантки имеют прочное положение на рынке труда Северной Карелии. Многие женщины живут на задворках рынка труда без постоянной работы. Непрочное положение женщин-иммигрантов на рынке труда, со своей стороны, во многих отношениях влияет на возможность осуществления и организации ими заботы. С другой стороны, слабые позиции женщин на рынке труда предоставляют им возможность как безработным уделять больше времени для заботы о членах семьи. Хотя время как ресурс у них есть, недостаток средств, кроме прочего, влияет на то, какую материальную помощь женщины могут оказывать живущим в России родственникам.

Результаты данного исследования однозначно показывают то, что живущие в Северной Карелии русские женщины-иммигрантки поддерживают тесные семейные отношения с родственниками в России. Женщины оказывают живущим в России родственникам как материальную помощь, так и осуществляют физическую заботу. Северная Карелия как провинция, в которой близко находится пункт пересечения границы Ниирала—Вяртсиля, формирует для русских женщин активную повседневную трансграничную среду, в которой живущие по обе стороны границы члены семьи находятся в постоянном взаимодействии друг с другом.

Для организации заботы финляндско-российская граница создает известные проблемы, поскольку ее пересечение всегда непредсказуемо и требует получения виз. Сама природа заботы также предполагает непредсказуемость, которая в этом смысле плохо соответствует тому, как пересекается граница. Таким образом, результаты исследования показывают, что живущие в Финляндии русские женщины-иммигранты не несут всей полноты ответственности за своих нуждающихся в помощи родственников, скорее их роль заключается в оказании дополнительной поддержки.

В повседневности живущих в Финляндии русских женщин-иммигранток забота носит межпоколенный и иногда гендерный характер. Забота осуществляется на основе межпоколенной взаимности. Изучение заботы с такой точки зрения выявляет в финском подходе к этой проблеме, в котором существует лишь один тип семьи иммигрантов, нуклеарный, его

упрощенность и дискриминационность. Из моего исследования можно сделать вывод, что русские семьи женщин-иммигранток, взаимная забота и относящиеся к ней обязанности и выгоды выводят семью за ее нуклеарные пределы. В случае, если живущая в Финляндии жена-иммигрантка могла бы через воссоединение семьи привезти сюда на постоянное место жительства своих родителей, от этого во многих случаях была бы польза для иногда испытываемого женщинами дефицита помощи, потому что бабушки могут помогать в уходе за детьми и, например, в согласовании семейных задач и работы.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Atkinson P., Hammersley M. *Ethnography and Participant Observation* // Norman K. Denzin ja Yvonna S. Lincoln (toim.) *Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks: SAGE Publications, 1994. P. 248—261.
2. Castrén A-M. *Perhe ja työ Helsingissä ja Pietarissa. Elämänpiirit ja yhteiskunta sosiaalisissa verkostoissa. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 803*. Helsinki: SKS, 2001.
3. Davydova O., Pöllänen P. *Gender on the Finnish-Russian Border: National, Ethnosexual and Bodily Perspective* // Virkkunen J., Uimonen P., Davydova O. (toim.). *Ethnosexual Processes. Realities, Stereotypes and Narratives*. Aleksanteri Series 6/2010. Helsinki: Kikimora Publications, 2010. P. 18—35.
4. Davydova O., Pöllänen P. *Border Crossing from the Ethnosexual perspective: A Case study of the Finnish - Russian Border*. *Eurasia Border Review* 2:1, 2011. P. 73—87.
5. Honkasalo M.-L. *Reikä sydämessä*. Tampere: Vastapaino, 2008.
6. Irigaray L. *Sukupuolieron etiikka*. (Suomentanut Pia Sivenius.) Tampere: Gaudeamus, 1996.
7. Jaakkola M. *Suomalaisten suhtautuminen maahanmuuttajiin vuosina 1987—2003*. Työpoliittinen tutkimus 286. Helsinki: Työministeriö, 2005.
8. Nätkin R. *Kamppailu suomalaisesta äitiydestä*. Tampere: Gaudeamus, 1997.

9. Pöllänen P. Hoivan rajat — venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva. Väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja D57/2013. Helsinki: Väestöliitto, 2013.
10. Rotkirch A. "Hökkelit suuren joen rannalla" — äidit ja tyttäret Venäjällä // Roos J.P., Rotkirch F. (toim.). *Vanhemmat ja lapset. Sukupolvien sosiologiaa*. Tampere: Gaudeamus, 1997. S. 241—263.
11. Saarinen A. Rinnakkain ja vastakkain — naistoimijana ja —tutkijana Luoteis-Venäjällä // Kulmala M., Saarinen A. (toim.). *Naistutkijana Venäjän kentillä. Aleksanteri-sarja 5/2010*. Helsinki: Kikumora Publications, 2010. S. 38—65.
12. Tedre S. Hoivan sanattomat sopimukset. Tutkimus vanhusten kotipalvelun työntekijöiden työstä. Joensuu: Joensuun yliopiston yhteiskuntatieteellisiä julkaisuja n:o 40. 1999.
13. Tedre S. Hoiva ja vanhuus. Teoksessa Marjatta Marin & Sinikka Hakonen (toim.) *Seniори- ja vanhustyö arjen kulttuurissa*. Juva: PS-kustannus, 2003. S. 57—71.
14. Varis S. Pitkäaikaistyöttömänä maaseudulla. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja N:o 144. Joensuun yliopisto. 2005.
15. Zechner M. (2006) Hoivan paikat transnationaalisissa perheissä // Martikainen T. (toim.). *Yllirajainen kulttuuri. Etnisyys Suomessa 2000-luvulla. Tietolipas 212*. Helsinki: SKS, 2006. S. 83—103.
16. Zechner M. Informaali hoiva sosiaalipoliittisessa kontekstissa. *Acta Universitatis Tamperensis 1543*. Tampere: Tampere University Press, 2010.

REFERENCES

1. Atkinson P., Hammersley M. *Ethnography and Participant Observation* // Norman K. Denzin ja Yvonna S. Lincoln (toim.) *Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks: SAGE Publications, 1994. P. 248—261.
2. Castrén A-M. Perhe ja työ Helsingissä ja Pietarissa. *Elämänpiirit ja yhteiskunta sosiaalisissa verkostoissa*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 803. Helsinki: SKS, 2001.
3. Davydova O., Pöllänen P. Gender on the Finnish-Russian Border: National, Ethnosexual and Bodily Perspective // Virkkunen J., Uimonen P., Davydova O. (toim.). *Ethnosexual Processes. Realities, Stereotypes and Narratives. Aleksanteri Series 6/2010*. Helsinki: Kikumora Publications, 2010. P. 18—35.
4. Davydova O., Pöllänen P. Border Crossing from the Ethnosexual perspective: A Case study of the Finnish – Russian Border. *Eurasia Border Review 2:1*, 2011. P. 73—87.
5. Honkasalo M.-L. *Reikä sydämessä*. Tampere: Vastapaino, 2008.
6. Irigaray L. *Sukupuolieron etiikka*. (Suomentanut Pia Sivenius.) Tampere: Gaudeamus, 1996.
7. Jaakkola M. *Suomalaisten suhtautuminen maahanmuuttajiin vuosina 1987—2003. Työpoliittinen tutkimus 286*. Helsinki: Työministeriö, 2005.
8. Nätkin R. *Kamppailu suomalaisesta äitiydestä*. Tampere: Gaudeamus, 1997.
9. Pöllänen P. Hoivan rajat — venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva. Väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja D57/2013. Helsinki: Väestöliitto, 2013.
10. Rotkirch A. "Hökkelit suuren joen rannalla" — äidit ja tyttäret Venäjällä // Roos J.P., Rotkirch F. (toim.). *Vanhemmat ja lapset. Sukupolvien sosiologiaa*. Tampere: Gaudeamus, 1997. S. 241—263.
11. Saarinen A. Rinnakkain ja vastakkain — naistoimijana ja —tutkijana Luoteis-Venäjällä // Kulmala M., Saarinen A. (toim.). *Naistutkijana Venäjän kentillä. Aleksanteri-sarja 5/2010*. Helsinki: Kikumora Publications, 2010. S. 38—65.
12. Tedre S. Hoivan sanattomat sopimukset. Tutkimus vanhusten kotipalvelun työntekijöiden työstä. Joensuu: Joensuun yliopiston yhteiskuntatieteellisiä julkaisuja n:o 40. 1999.
13. Tedre S. Hoiva ja vanhuus. Teoksessa Marjatta Marin & Sinikka Hakonen (toim.) *Seniори- ja vanhustyö arjen kulttuurissa*. Juva: PS-kustannus, 2003. S. 57—71.
14. Varis S. Pitkäaikaistyöttömänä maaseudulla. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja N:o 144. Joensuun yliopisto. 2005.
15. Zechner M. (2006) Hoivan paikat transnationaalisissa perheissä // Martikainen T. (toim.). *Yllirajainen kulttuuri. Etnisyys Suomessa 2000-luvulla. Tietolipas 212*. Helsinki: SKS, 2006. S. 83—103.
16. Zechner M. Informaali hoiva sosiaalipoliittisessa kontekstissa. *Acta Universitatis Tamperensis 1543*. Tampere: Tampere University Press, 2010.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Большая часть интервьюированных мною русских женщин родом из Республики Карелия. Самая русская коммуна Финляндии — пограничная коммуна Тохмаярви провинции Северная Финляндия.

Для почти трех процентов населения Тохмаярви русский язык является родным. В коммуне Тохмаярви насчитывается до 200 таких человек, из которых более 65% женщин. Рост численности населения на этой территории зависит от количества иммигрантов. Механический прирост населения в провинции составляет до 400 человек в год, что объясняется ростом иммиграции.

[2] Я интервьюировала живущих в Северной Карелии русских женщин-иммигранток, который состояли или были прежде в браке с финскими мужчинами. Интервью были взяты мною в разных частях Северной Карелии 31.1.2003—17.11.2004. Продолжительность интервью варьировалась от получаса до более чем двух часов. Возраст интервьюируемых во время проведения интервью составлял от 23 до 50 лет. За исключением двух интервьюируемых у всех остальных имелось по меньшей мере по одному ребенку. У части интервьюируемых был ребенок или дети от предыдущего брака с русскими мужчинами, у части — совместные дети с финскими отцами или дети этих отцов от предыдущих браков, и у многих были дети от браков и с русскими, и с финскими супругами. Интервьюируемые на момент проведения интервью жили в Финляндии от 1 года до 14 лет. Большая часть женщин переехала в Финляндию в последующий после распада СССР т.н. период смуты. Интервью брались на финском языке.

[3] В данном случае этнография означает, прежде всего, метод исследования, характеризующий природу знания. Центральным является этнографический подход, используя который я как исследователь, являюсь частью изучаемого проблемного поля, одновременно стремясь к постоянному анализу переживаемого и замеченного мною [5; 41]. Цитируя М.-Л. Хонкасало [5; 40], считаю, что как исследователь я являюсь частью профессионального сообщества, сети культурного значения, создаваемой мною и изучаемыми, вместе с тем я стремлюсь к пониманию и интерпретации увиденного и пережитого. Проблема заключается в способе созерцать и структурировать мир и принимать то, что в производстве этнографического знания всегда присутствует точка зрения исследователя. Жизненный опыт русских женщин-иммигранток интересовал меня в том виде, как он был ими изложен и как я его понял. Считаю центральным в этнографии понимание того, что, изучая одно и то же явление, исследователь иногда бывает вынужден менять точку зрения, как в процессе сбора материала, так и в его интерпретации. Кроме того, важно осознание того, что результаты моих исследований рождались во взаимодействии между мною и информантами [11].

*

*

*

*

pirjo.pollanen@uef.fi

УДК 398.21

Вепские народные сказки: о некоторых особенностях сюжетного состава и публикациях

ЛЫЗЛОВА
Анастасия
Сергеевна

*кандидат филологических наук,
Институт языка, литературы и истории Карельского
научного центра РАН,
Петрозаводск, alyzlova@rambler.ru*

Ключевые слова:

вепские сказки
сборники вепских сказок
Архив КарНЦ РАН
разновидности сказок
сюжетные типы

Аннотация:

Статья посвящена вепским народным сказкам, в сборе которых большую роль сыграли сотрудники ИЯЛИ КарНЦ РАН. В течение 50 лет XX в. (1930—1980-е гг.) они записали от вепсов почти 250 сказочных произведений на их родном языке. Часть архивных материалов была опубликована в ряде изданий, подготовленных учеными Карелии (М. И. Зайцевой, М. И. Муллонен, Н. Ф. Онегиной, О. Ю. Жуковой), а также Ленинградской области (Е. В. Скородумовым). В работе содержится краткая характеристика этих публикаций. Имеющиеся материалы показывают, что вепская сказочная традиция разнообразна по своему сюжетному составу и вписывается в рамки общемирового сказочного фольклора. В то же время наблюдаются некоторые особенности, касающиеся большего или меньшего распространения у вепсов отдельных разновидностей сказочного жанра, функционирования тех или иных сюжетных типов и мотивов и их контаминаций. Эта специфика также рассматривается в статье.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Вепсы принадлежат к числу коренных малочисленных народов Северо-Запада России. В прошлом они были обширно расселены в так называемом Межозерье — пространстве между тремя крупнейшими озерами: Онежским, Ладожским и Белым. В настоящее время вепсы проживают достаточно разобщенно на территории Бокситогорского и Подпорожского районов Ленинградской области, Бабаевского и отчасти Вытегорского районов Вологодской области и Прионежского района Республики Карелия.

Различная информация об этом народе, его языке и фольклоре сосредоточена на специальном интернет-ресурсе «Корпус вепского языка», работу по созданию которого ведет группа исследователей во главе с доктором филологических наук Н. Г. Зайцевой [4].

Научное «открытие» вепсов связано с именем петербургского академика А. М. Шёгрена (1794—1855), которому во время экспедиции 1824—1827 гг. удалось зафиксировать не только материалы лингвистического характера, но и фольклорные произведения (одну песню и одну сказку). В дальнейшем сбор устного народного творчества вепсов вели ученые из Финляндии, России и Эстонии. Подробная характеристика собирания и изучения вепского фольклора в середине XIX — второй половине XX столетия представлена в работе эстонской исследовательницы М. Йоалайд [5; 122—132].

Устное народное творчество получило у вепсов широкое развитие. Чрезвычайно распространены были сказки, которые, как отмечал С. А. Макарьев в 1935 г., принадлежали у этого народа к числу любимых жанров [11; 53]. Записи вепских сказок сосредоточены в архивах Карелии, Финляндии и Эстонии. Часть из них была опубликована в различных изданиях. Особенно в этом преуспели финские

ученые, издавшие на протяжении полутора столетий более 250 вепских сказок. В конце 1970-х гг. в архивах Эстонии хранилось 450 вепских сказочных текстов, свыше 300 из них были к тому времени опубликованы [5; 123]. Наконец, значительную роль в собирании, изучении и публикации сказочного фольклора вепсов сыграли сотрудники созданного в 1931 г. Карельского научно-исследовательского института (КНИИ), преобразованного позднее в Карельский научно-исследовательский институт культуры (КНИИК) — в настоящее время Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН).

Предлагаемое исследование основано на материалах, хранящихся в фольклорных фондах Научного архива КарНЦ РАН (НА КарНЦ РАН) и опубликованных в нескольких изданиях.

Уже в 30-е гг. состоялся целый ряд экспедиций сотрудников названного научного учреждения в вепские поселения Карелии и Ленинградской области. Примечательно, что в условиях двуязычия записи сказок в то время производились и на вепском языке, и на русском. Причем в количественном отношении фиксация на русском языке превалировала. Наибольшее количество сказок, свыше 50 текстов, удалось записать в 1936 г. в д. Вонозеро Оятского района Ленинградской области от 73-летнего вепса Ф. С. Смирнова (1863—1938) [см. о нем подробно: 9].

Практически все его тексты были рассказаны и записаны на русском языке; лишь семь из них представляют собой короткие сказки-анекдоты на вепском языке, содержащие нецензурные выражения. Собранные от Смирнова сказки составили содержание коллекции № 115 русского фонда НА КарНЦ РАН. Такого количества сказок в дальнейшем не удалось записать ни от одного вепса. Об этом свидетельствует сводная «Опись текстов вепских сказок из коллекций Архива КарНЦ РАН» — она представлена в сборнике, подготовленном сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН Н. Ф. Онегиной и М. И. Зайцевой в 1996 г., о котором пойдет речь чуть позже. Вместе с тем репертуар Ф. С. Смирнова не учтен в указанной Описи. Обусловлено данное обстоятельство лишь тем, что записи были сделаны на русском языке.

На основе полученных материалов собиратель Г. Е. Власьев позднее подготовил к печати сборник «Вепские сказки», который вышел в свет в 1941 г. [3]. В издании опубликовано 39 сказок из репертуара Ф. С. Смирнова. По справедливому мнению многих исследователей, материал, включенный в данное фольклорное собрание, имеет мало общего с вепским устным народным творчеством. Действительно, многие сказки, записанные от Ф. С. Смирнова, по своему происхождению восходят к русской лубочной литературе и к авторским произведениям [см. подробно об этом сборнике: 10]. Между тем Ф. С. Смирнов принадлежит к числу уникальных носителей фольклорной традиции, и им по праву можно гордиться всему вепскому народу, ведь в его репертуаре было свыше 50 текстов.

Общее количество сказок, записанных в 1930-е гг. на вепском языке и представленных в НА КарНЦ РАН, составляет всего 38 единиц. Ведь фиксация фольклорных материалов осуществлялась в то время от руки.

Гораздо больше вепских сказок, более 90 текстов, было собрано в 1940—1960-е гг., когда на помощь собирателям пришла магнитофонная техника. В записи материалов этих лет значительную роль сыграли языковеды. Часть сказок из лингвистического фонда (26) была опубликована в сборнике «Образцы вепской речи», подготовленном сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен и изданном в 1969 г. Здесь все тексты представлены на языке оригинала с переводом на русский язык [6]. В это издание вошли лишь материалы, записанные от вепсов Ленинградской и Вологодской области.

Самое большое количество вепских сказок было собрано Н. Ф. Онегиной в 1980—1981 гг. Свыше 70 записанных ею текстов пополнили фольклорные фонды НА КарНЦ РАН. Последние записи сказок, выявленные в архиве, были сделаны З. И. Строгальщиковой в 1983 г. (около 40 текстов).

Общее число сказок, зафиксированных на вепском языке сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН в период с середины 1930-х до середины 1980-х гг. (т. е. в течение 50 лет), не идет в сравнение с финскими и эстонскими архивами. Тем не менее оно составляет почти 250 единиц.

В 1996 г. появился долгожданный сборник «Вепские народные сказки», подготовленный к печати сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН Н. Ф. Онегиной и М. И. Зайцевой [2]. В нем опубликовано 55 текстов, расположенных по региональному принципу: 1. Прионежье Карелии (22 сказки); 2. Ленинградская область (19 сказок); 3. Вологодская область (14 сказок). Сказки изданы на вепском и русском языках. К несомненным достоинствам издания относится обширный научный аппарат, включающий вступительную статью, примечания к текстам, различные указатели и опись вепских сказок из коллекций архива, где учтены записи 1937—1981 гг. Наиболее ценным, как нам представляется, является «общий сюжетно-географический указатель, в котором систематизированы не только

соответствующие материалы архива Карельского научного центра РАН, но и изданные в нашей стране и за рубежом (в Финляндии. — А. Л.) вепские сказки» [2; 4].

В 2011 г. небольшой сборник вепских сказок составила и издала О. Ю. Жукова, преподаватель ПетрГУ, сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН [17]. В нем опубликованы 11 текстов, относящихся к традиционным сюжетам, представленным в вепской сказочной традиции. Книга тоже двуязычна. Она рассчитана, прежде всего, на детскую аудиторию и содержит иллюстрации А. Трифановой. Кроме того, сборник опубликован на финском и венгерском языках.

Наконец, необходимо отметить, что при работе над данным исследованием, посвященным вепской сказочной традиции, удалось обнаружить еще один сборник вепских сказок [15]. Его выпустило в свет издательство «Детская литература» в 1939 г. тиражом 25 тыс. экземпляров. Составитель сборника — научный сотрудник Архива Ленинградской области Е. В. Скородумов, который в 1928—1929 гг. участвовал в нескольких экспедициях к южным вепсам (Радогощинский сельсовет) и занимался там исследованием сельского хозяйства, лесозаготовительной деятельности и льноводства [см. об этом: 7; 66]. По всей видимости, тогда же ему удалось записать несколько сказок. В сборнике опубликованы всего шесть текстов на русском языке и краткое предисловие составителя, в котором, в частности, сообщается: «Севернее Ленинграда, между Ладожским, Онежским и Белым озерами, по верховьям рек Паши и Ояти живет небольшая народность вепсы. Дети учатся там в школах на своем родном вепском языке. С давних времен в этом лесном краю рассказывается много сказок и поется много песен. Сказки, напечатанные в этой книжке, записаны Е. Скородумовым у вепсов несколько лет тому назад» [15; 4]. Эти тексты также были привлечены для данного исследования, несмотря на то, что они не являются достоянием НА КарНЦ РАН.

Итак, в общей сложности, в нашем распоряжении оказываются почти 250 вепских сказок. Такое количество вполне репрезентативно для изучения вепской сказочной традиции, в которой представлены все разновидности сказочного жанра. К сожалению, в сказковедении не существует единого мнения по поводу классификации сказок. Традиционным является деление сказок на три большие группы: волшебные, о животных и бытовые. Имеется более детальная классификация, представленная в указателях сказочных сюжетов: I. Сказки о животных, II. Собственно сказки, включающие четыре раздела: А. Волшебные сказки, В. Легендарные сказки, С. Новеллистические сказки, D. Сказки об одураченном черте (великане), III. Анекдоты, к которым примыкают небылицы, кумулятивные (цепные) и докучные сказки (см., например: [1], [16], [18]). В последнем существующем на сегодняшний день указателе, составленном Г.-Й. Утером по системе Аарне — Томпсона, сказки делятся на: *Animal Tales*, *Tales of Magic*, *Religious Tales*, *Tales of Stupid Orge*, *Anecdotes and Jokes*, *Formula Tales* [19]. Нумерация сюжетных типов, предложенная в этих указателях, в большинстве случаев совпадает, отличия касаются только названий, поэтому мы при изложении материала считаем возможным ориентироваться на СУС.

Согласно общему сюжетно-географическому указателю, составленному Н. Ф. Онегиной, в сказочном фольклоре вепсов представлены свыше 250 сюжетных типов всех жанровых разновидностей. Из них наибольшее количество относится к числу сказок-анекдотов и примыкающих к ним кумулятивных, докучных сказок и небылиц (89 сюжетных типов), чуть меньше распространены волшебные сказки (76), еще меньше сказок о животных (34), новеллистических (24) и сказок об одураченном черте (26), практически не представлены сказки легендарного типа, имеющие христианское содержание (5). Статистическая характеристика использования тех или иных сюжетных типов во всех сказочных разновидностях у вепсов дана во вступительной статье Н. Ф. Онегиной «Вепсы и их сказки» к сборнику 1996 г. [2; 9—11].

Наиболее популярными среди волшебных сказок являются тексты, объединяющие целую группу сюжетных типов, зафиксированную в указателях под номером 480 с различными буквенными обозначениями и символами. Все эти сюжетные типы имеют общее заглавие — Мачеха и падчерица, но каждому из них можно дать свое, условное, наименование: «Пряха у проруби», «Морозко», «Игра в жмурки с медведем». К этой же группе составителями указателя отнесен сюжет 480А* Сестра отправляет спасать брата («Гуси-лебеди»), который встречается и в вепском фольклоре. К распространенным сюжетным типам, представленным у вепсов несколькими записанными вариантами, относятся также 510А Золушка, 707 Чудесные дети, 706 Безручка, 409 Мать-рысь (птица), 403 Подмененная невеста (жена).

В отмеченных сюжетных типах центральным оказывается семейный конфликт, в основе их лежат сложные взаимоотношения между «своими» и «чужими» членами семьи. Все эти сказки являются так называемыми женскими, в них главным персонажем, претерпевающим различные испытания,

оказывается девочка / девушка. Вообще в вепской сказочной традиции (как, впрочем, и в карельской) преобладают волшебные сказки, в которых ведущая роль отводится именно женским персонажам. В этом состоит их отличие, например, от русской традиции, где главенствующее положение занимают сказочные произведения о приключениях и испытаниях мужских персонажей. Подобные сказки, безусловно, встречаются и в вепской традиции, но они представлены в меньшем количестве. Среди них выделяется группа текстов о конфликте богача и бедняка, встречающемся в нескольких вариантах сказок разных сюжетных типов: 715 Петух и жерновцы, 563 и 564 Чудесные дары, где первый отнимает у второго диковинные предметы, но в конце концов возвращает их истинному владельцу. Менее популярны в вепской среде сказки змееборческого типа (300₁ Победитель змея; 301А, В Три подземных царства) и повествования о добывании невесты или диковинок (530 «Сивко-Бурко»; 531 Конек-горбунок; 551 Молодильные яблоки), которые обусловлены влиянием соседствующей русской фольклорной традиции.

Как уже отмечалось выше, наибольшее распространение у вепсов получили сказки-анекдоты. В них речь идет о шутках, хитрых и умных людях, о дураках, о попах, о глупых, ленивых, упрямых и неверных женах. Подобные тексты составляют значительную часть содержания упоминаемых выше изданий. У. С. Конкка в своей кандидатской диссертации, посвященной карельской сатирической сказке, опубликованной в виде монографии в 1965 г., отметила, что, «по наблюдениям исследователей бытовой сказки и собирателей, интерес к волшебной сказке значительно уступает той популярности, которой пользуется бытовая и в особенности сатирическая сказка в XX в. Волшебная сказка давно уже воцарилась в детской аудитории (этим отчасти объясняется значительное число ее в записях). Сатирическая же сказка, раскрывающая сложные, труднодоступные детскому восприятию социальные взаимоотношения людей, по-прежнему остается сказкой для взрослых» [7; 10]. Эти же выводы вполне применимы и к вепской сказочной традиции, где широко представлены сказки-анекдоты.

К группе анекдотов примыкают небылицы, представленные у вепсов 12 сюжетными типами. Они напоминают истории, рассказанные бароном Мюнхгаузенем. Примером подобного текста может служить сказка о журавлях (1881 Журавли на веревке), в которой речь идет о том, как мужик ловит журавлей, наносящих вред его хозяйству, с помощью вина. Протрезвев, журавли улетают, унося с собой мужика; он падает в болото и идет в деревню за лопатой, чтобы себя спасти [6; 18–19], [17; 34–35].

К числу небылиц отнесен составителями указателя и сюжетный тип 1960 G Горох до неба, достаточно широко распространенный в вепской сказочной традиции. Его краткое содержание сводится к следующему: «старики находят горошину, сажают ее, она вырастает до неба и дает огромный урожай (старик сажает старуху в мешок, лезет по стеблю горошины на небо; мешок падает, старуха разбивается» [16; 379]. С этим сюжетным типом сближается в некоторой степени другой, зафиксированный в указателе под номером 218В* Небесная избушка: «человек (старик) влезает на небо по стеблю горошины или поднимается на небо на пне, попадает в небесную избушку, укрывается от чудесных коз; жена (старуха) следует за ним, разбивается или выдает себя козам, или благополучно возвращается на землю» [16; 87]. Последний сюжетный тип, кстати, принадлежит к числу сказок о животных. В обоих этих сюжетных типах имеются два важных элемента: 1) горох, по стеблю которого можно добраться до неба и 2) старуха, падающая сверху и разбивающаяся насмерть. Коротко остановимся на каждом из них.

Мотив вырастания гороха до огромных размеров встречается в нескольких вепских сказках: «Жили они (брат и сестра. — А. Л.), жили, кончилась у них еда. Однажды нашли они горошинку. Катали, катали ее и уронили в подполье. Горошина проросла, выросла до пола, они в полу дыру прорубили. Рос, рос росток и вырос до потолка. Они в потолке дыру прорубили. Вырос он до крыши и там нашел дырочку и растет дальше вверх» [2; 163]; «Девушка пошла в амбар, поднялась в засек. Копалась-копалась там и нашла горошинку. Принесла в избу и разрешила пополам: хотела одну половинку брату отдать, а другую сама съесть. Да как-то уронила свою половинку горошинки на пол, а она — в паз да в подполье и провалилась. Пошла в подполье, а там из этой горошинки вырос стебель до полу. Не успели дыру прорубить, как горошинка сразу до потолка выросла. И в потолке прорубили дырочку. Горошинка росла-росла и выше потолка выросла» [15; 30–31]. Его продолжением становится волшебнo-сказочный сюжет 327А Брат и сестра у ведьмы.

Примечательно, что в сборнике Е. Скородумова представлен текст, в котором повествование не заканчивается, когда дети обманном путем сжигают Бабу-ягу, далее действие развивается по сюжету 450 Братец и сестрица: попробовав сало, появившееся после сгоревшей в печке старухи, мальчик превращается в барашка, и девушка впоследствии ищет способы избавления «от такой напасти» [15; 30–35].

Таким образом, мотив, который по какой-то причине в указателе причислен к разряду небылиц, в вепской традиции вступает в контаминации с волшебными сюжетами и никоим образом не нарушает этого волшебного повествования, а, напротив, лишь усиливает его.

Второй мотив — падение старухи, разбивающейся насмерть, — также представлен в ряде вепских сказок. В таких текстах функционирует однако не горох, а репа, которую старик высаживает на крыше бани или избушки; старуха погибает, когда отправляется рвать выросшую репу: «Встали они и отправились репу снимать. Старик залез на крышу по углу дома, а старуху на веревке поднял. Сняли они репу, выдергали и стали спускаться с крыши. Старик спускался, а старуха схватилась за его спину. Руки у нее ослабли, старуха на землю и упала, убилась насмерть» [17; 25]; «Ну, и посеяли они репу на крыше бани. Старушка поставила к бане борону и по бороне поднялась на крышу, нарвала ростков, стала спускаться, борона грохнулась, старушка упала, живот разорвала: кишки вывалились, ну, и старушка возле бани умерла» [2; 159].

Дальнейшее развитие событий может идти следующим образом: старик отправляется на поиски плакальщицы для старухи, приводит в дом зверей, они съедают старуху (сюжетный тип 37 Лиса-плачя (нянька)) [2; 113–114], [17; 24–29]. В некоторых случаях повествование не заканчивается на этом, а дополняется рассказом о том, как звери съедают лошадь старика, пока тот ищет замену сломавшейся оглобле у саней (сюжетный тип 158 Звери в саях у лисы (старушки)) [2; 157–160]. Оба сюжетных типа относятся к группе сказок о животных и демонстрируют взаимоотношения человека и зверей, которые, во-первых, обманывают старика, а во-вторых, съедают старуху.

По своей структуре данные сказки относятся к кумулятивным (цепным) образованиям, строятся на повторении эпизодов. Многие подобные тексты причислены в указателе к числу сказок о животных. Таков, к примеру, сюжетный тип 20А Звери в яме, к которому относится вепсская сказка «Небо упало» [15; 7–12], [17; 10–17]. В ней речь идет о том, как рядом с курицей рассыпается поленница из дров. Решив, что это небо упало, курица бросается наутек, встречает петуха, кота, лису, зайца, волка, медведя, которые узнают о произошедшем событии, и все вместе они бегут до тех пор, пока не падают в яму; в яме решают, кого следует съесть первым; в результате все выбираются из ямы, кроме медведя.

Попутно отметим, что в вепской сказочной традиции встречаются достаточно редкие сюжетные типы сказок о животных, представленные единичными записями в фольклоре других народов. К примеру, таковыми являются сказки «Заяц пошел к волку в гости» (36 Лис и волчиха (заяц и лиса)) [6; 17–18], «Медведь и лиса» (условно 280 Состязание муравья с вороном (вороной и др.)) [2; 51–52], [17; 22–23].

Что касается текстов с цепной структурой, то, по мнению В. Я. Проппа, их нужно считать особой разновидностью рассматриваемого фольклорного жанра [14; 328]. Часть кумулятивных сказок отнесена в указателе к анекдотам, как, например, сюжетный тип 2028 Глиняный Иванушка (Пыхтелка), который представлен несколькими записями на вепском языке [2; 105–108, 163–165], [6; 156–158], [17; 4–7.]. Эти сказки построены на целом ряде пожираний, осуществляемых человеком, сделанным из глины, до того момента, пока не появляется баран / козел, способный расколоть его рогами.

Вариант кумулятивной сказки в стихотворной форме представлен в сборнике Е. Скородумова:

Кому что

Бежала я, бежала на речку,
Попалась мне собачка навстречу.
Я от собаки во двор,
А во дворе — конь.
Конь мне — сена,
Я сено — овце,
Овца мне — шерсти,
Шерсть я — хозяйке,
Хозяйка мне — теста,
Тесто я — свинке,
Свинка мне — щетинки,
Щетинку я — сапожнику,
Сапожник мне — сапожки,
Сапожки я — дровосеку,
Дровосек мне — дровишек,
Дровишки я — в баню,
Баня мне — горячий камень,

Камень я — в море,
Море мне — соли,
Соль я — деду,
Дед мне — овса,
Овес я — курам,
Куры мне — яйца,
Яйца я в печку,
Из печки достала
Да и съела.
[15; 5–6]

Данный текст принадлежит к числу переходных образований между сказкой и песней. Подобные произведения были, к примеру, распространены в русской традиции, где «их именовали “сказочками”» [12; 127]. В этом случае можно согласиться с фольклористом А. И. Никифоровым, который отмечает, что «мы имеем дело здесь с особым жанром или песенной сказки, или вообще песни (стиха) на тему о сказке» [13; 180].

В вепском сказочном фольклоре встречаются и тексты новеллистического содержания, повествующие о перевоспитании ленивой жены мужем (901 В* Исправление ленивой), об испытании верности жены (882 А Спор о верности жены). Кроме того, как уже отмечалось, представлены в рассматриваемой традиции и сказки об одураченном черте. В этих сюжетных типах вместо черта функционируют и другие, эквивалентные ему, персонажи, которых обманывает герой: леший, медведь. Так, в одной из сказок повествуется о совместной работе человека (в данном случае солдата) и лешего (1052 Переноска дерева): хитрый работник садится на верхушку дерева, и леший таскает все деревья [17; 40–43].

Итак, вепсская сказочная традиция характеризуется разнообразием сюжетного состава, который при этом вписывается в рамки общемирового сказочного фольклора. Примечательно, что волшебные сказки и сказки-анекдоты представлены у вепсов практически одинаковым количеством; большое распространение получили также кумулятивные конструкции. В деле собирания и публикации вепских сказок значительную роль сыграли не только финские и эстонские исследователи, но и ученые Карелии и Ленинградской области. Несмотря на то что на страницах изданий, выпущенных в свет в 1939, 1969, 1996 и 2011 гг., представлена лишь часть текстов (около 100), а основное количество собранных у вепсов фольклорно-сказочных материалов до сих пор находится в архиве, вепсская сказочная традиция, безусловно, заслуживает более пристального к себе внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АА — Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Ленинград, 1929. 118 с.
2. Вепские народные сказки : сборник / сост.: Н. Ф. Онегина и М. И. Зайцева. Петрозаводск, 1996. 261 с.
3. Вепские сказки / запись текстов, коммент. и примеч. Г. Е. Власьева. Петрозаводск, 1941. 260 с.
4. Вепский корпус [Электронный ресурс]. URL: <http://vepsian.krc.karelia.ru>, свободный.
5. Йоалайд М. О собирании и изучении вепского фольклора // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979. С. 122–132.
6. Зайцева М. И. Образцы вепской речи / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Ленинград, 1969. 296 с.
7. Конкка У. С. Карельская сатирическая сказка. Москва ; Ленинград, 1965. 152 с.
8. Королькова Л. В. Исследователи и собиратели материалов по традиционной культуре вепсов : А. В. Фомин-Светляк, Н. С. Розов, Е. В. Скородумов (1920–1930-е гг.) // Рябининские чтения — 2007 : материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 64–67.
9. Лызлова А. С. Вепский сказочник Ф. С. Смирнов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 6 (100). С. 65–69.
10. Лызлова А. С. Редкие издания в личном архиве Р. П. Лонины : сборник «Вепские сказки» // Вепсы и их культурное наследие: связь времен (памяти Р. П. Лонины) : материалы Первой межрегиональной краевед. конф. «Лонинские чтения», с. Шелтозеро, 22 сент. 2010 г. Петрозаводск, 2011. С. 100–107.
11. Макарьев С. А. Вепский фольклор // НА КарНЦ РАН. Ф. 26. Оп. 1. Ед. хр. 15. 294 л. 1935 г.
12. Набокова И. И. Поэзия пестования Водлозерского края // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 116–129.
13. Никифоров А. И. Русская докучная сказка // Никифоров А. И. Сказка и сказочник. Москва, 2008. С. 122–186.

14. Пропп В. Я. Русская сказка. Москва, 2005. 384 с.
15. Скородумов Е. Вепские сказки. Москва ; Ленинград, 1939. 36 с.
16. СУС — Сравнительный указатель сюжетов : восточнославянская сказка / [Л. Г. Барг и др.] ; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Ленинград, 1979. 438 с.
17. «Iče kulin, Iče nägin» : Vepsläižed sarnad = «Сам слышал, сам видел» : вепские сказки / сост. О. Жукова. Петрозаводск, 2011. 44 с.
18. AT — The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography Antti Aarne`s «Verzeichnis der Märchentypen» / Translated and Enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1961. FFC. # 184.
19. ATU — The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson by Hans-Jorg Uther. 3 vols. Helsinki, 2004. 619 p., 536 p., 285 p.

REFERENCES

1. AA—Andreev N. P. The Index of Folklore tales by Antti Aarne [Ukazatel' skazochnykh cyuzhetov po sisteme Aarne]. Leningrad: State Russian Geographical Society, 1929. 118p.
2. Vepsianfolk tales: Collection [Vepsskiye narodnye skazki: Sbornik]/ Compiled by: N. F. Onegin and M. I. Zaitseva. Petrozavodsk: Karelia, 1996. 261p.
3. Vepsiantales [Vepsskiye skazki]/ Records, introductory article and comments by G. E. Vlas'ev. Petrozavodsk: State Publishing House of the Karelian-Finnish SSR, 1941. 260p.
4. Vepsian corpus [Korpus vepsskogo jazyka] [Electronic resource]. URL: <http://vepsian.krc.karelia.ru>
5. Yoalayd M. On the collecting and study of folklore of the Veps [O sobirani i izuchenii vepsskogo fol'klora] // On the history of the small nationalities of the European North of the USSR [K istorii malykh narodnostey Evropeyskogo Severa SSSR]. Petrozavodsk, 1979. P. 122—132.
6. Zaitseva M. I., Mullonen M. I. Samples of Vepsian speech [Obraztsy vepsskoy rechi]. Leningrad: Science, 1969. 296p.
7. Konkka U. S. The Karelians satirical tale [Karel'skaya satiricheskaya skazka]. Moscow, Leningrad: Science, 1965. 152p.
8. Korol'kova L. V. Researchers and gatherers of the Vepsian traditional culture: A. V. Fomin-Svetlyak, N. S. Rozov, E. V. Skorodumov (1920—1930) [Issledovateli i sobirатели materialov po traditsionnoy kul'ture vepsov: A. V. Fomin-Svetlyak, N. S. Rozov, E. V. Skorodumov (1920—1930)] // Ryabinin's Reading—2007 (Proceedings of the Vth conference for the Study of folk Culture of the Russian North) [Ryabininskie chteniya — 2007 (Materialy V nauchnoy konferentsii po izucheniyu narodnoy kul'tury Russkogo Severa)]. Petrozavodsk, 2007. P. 64—67.
9. Lyzlova A. S. The Vepsiantale teller F. S. Smirnov [Vepsskiy skazochnik F. S. Smirnov] // Proceedings of Petrozavodsk State University [Uchyonye zapiski Petrozavodskogo Gosudarstvennogo Universiteta]. Number 6(100). May, 2009. P. 65—69.
10. Lyzlova A. S. Rare editions from personal archive by R. P. Lonin: the «Vepsian tales» [Redkie izdaniya v lichnom archive R. P. Lonina: sbornik «Vepsskie skazki»] // Vepsians and their cultural heritage: the connection to time (by memory of R. P. Lonin). Proceedings of the First Interregional Studies Conference «Lonin's reading» [Vepsy i ikh kul'turnoe nasledie: svyaz' vremen (pamyati R. P. Lonina). Materialy pervoy mezhregional'noy kraevedcheskoy konferentsii «Loninskie chteniya», s. Sheltozero, 22 sentyabrya 2010 goda]. Petrozavodsk, 2011. P. 100—107.
11. Makar'ev S. A. The Vepsian folklore [Vepsskiy vol'klor] // SA Kar RC RAS [NA Kar NTS RAN]. F. 26. Op. 1. # 15. 294 p. 1935.
12. Nabokoval. I. The Poetry of Nurturing in Vodlozero region [Poeziya pestovaniya Vodlozerskogo kraya] // Kizhi's Journal [Kizhskiy vestnik]. Vol. 12. Petrozavodsk, 2009. P. 116—129.
13. Nikiforov A. I. The Russian tire sometele [Russkaya dokuchnaya skazka] // Nikiforov A. I. The Tale and tale teller [Skazka i skazochnik]. Moscow: OGI, 2008. P. 122—186.
14. Propp V. Ya. The Russian fairy tale [Russkaya skazka]. Moscow: Labyrinth, 2005. 384p.
15. Skorodumov E. Vepsiantales [Vepsskiye skazki]. Moscow, Leningrad: Publishing of Children's Literature, 1939. 36 p.
16. SUS — The Comparative Index of Types: Slavic tale [Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov: Vostochnoslavjanskaya skazka] / [L. Bahrag G. et al.] USSR Academy of Sciences, Institute of Ethnography named N. Maclay. Leningrad: Science, 1979. 438p.
17. «Iče kulin, Iče nägin». Vepsläižed sarnad = «Himself heard, himself saw». Vepsiantales [«Sam slyshal, sam videl». Vepsskiye skazki] / Compiled by O. Zhukova. Petrozavodsk: VERSO, 2011. 44 p.
18. AT — The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography Antti Aarne`s «Verzeichnis der Märchentypen» / Translated and Enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1961. FFC. # 184.
19. ATU — The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson by Hans-Jorg Uther. 3 vols. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004. 619 p., 536 p., 285 p.

*

*

*

Keywords:

*

*

alyzlova@rambler.ru

Summary:

*

УДК 821.113.6

Современное шведское платоноведение

РОМАНОВСКАЯ
Ирина
Валерьевна

*преподаватель кафедры скандинавской филологии,
Петрозаводский государственный университет,
филологический факультет,
Петрозаводск, romanovskaia.irina@gmail.com*

Ключевые слова:

Творчество А. Платонова
Швеция
симпозиум в университете
Сёдертёрна
исследования и интерпретации (К.
Э. Линдстен
Л. Щеквист
Т. Лане
П. А. Бодин
И. Сандомирская
Г. Страндберг
К. Ингдаль и др.)

Аннотация:

В статье представлен теоретический обзор современных научных подходов к изучению творчества А. Платонова в Швеции. Автор стремится проследить процесс становления платоноведческой школы в Швеции, определить состав ее участников, главные векторы научных исследований. Знакомство шведских читателей с творчеством художника-философа состоялось в 1929 г. с момента первого перевода на шведский язык повести «Происхождение мастера». Сегодня, спустя 80 лет, можно говорить о существовании в Швеции сложившейся, самостоятельной и интенсивно развивающейся платоноведческой школы, насчитывающей свыше 15 исследователей-славистов, чье внимание приковано к «литературной вселенной» Платонова. В статье рассмотрены оригинальные интерпретации творчества Платонова П. А. Бодини, Л. Щеквист, Т. Лане, К. Ингдаль, И. Сандомирской, К. Э. Линдстен, С. Йонссон и др. Дан обзор международного научного симпозиума по проблемам рецепции творчества А. Платонова в Швеции (февраль 2014), который собрал крупнейших платоноведов скандинавской страны. Симпозиум стал точкой концептуального осмысления прозы А. Платонова, обобщения исследовательских концепций, обмена опытом.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Творчество русского писателя XX в. Андрея Платонова — прозаика, киносценариста, драматурга, поэта, философа, человека сложной судьбы — представляет собой одну из вершин мировой литературы. На рубеже XX—XXI вв. к писателю обращено пристальное внимание исследователей со всего мира: Германии, Франции, Англии, Голландии, Швеции. В его произведениях мы видим и революционную историю XX в., и прогностический взгляд в будущее, и онтологическое понимание жизни. Широкий диапазон мнений о русском писателе представлен в метафорической форме литературным критиком, бывшим редактором шведской ежедневной газеты «Свенска Дагбладет» С. Йонссоном: «Кто такой Андрей Платонов? Старая бутылочная почта из прошлого или космическая ракета из будущего?» [8].

Шведское литературоведение с момента первых прижизненных изданий писателя в СССР моментально давало отклик на произведения А. Платонова.

Его имя впервые прозвучало в Швеции в 1929 г., когда на шведский язык была переведена повесть «Происхождение мастера», часть запрещенного в Советском Союзе романа «Чевенгур». Она была издана в сборнике «14 советских писателей», собравшем новинки современной русской советской литературы. Шведский перевод стал одной из первых публикаций А. Платонова за рубежом. В СССР повесть была опубликована в 1928 г., а у шведского читателя появилась спустя год. Именно с 1929 г.

начинается вхождение А. Платонова в шведское литературное пространство. Художник-философ, чье творчество находилось долгое время под запретом в Советском Союзе, заставил говорить о себе в Швеции в 1930-е, 1940-е, 1970-е гг. Краткие характеристики творчества писателя в контексте русской советской литературы приходятся именно на эти годы.

В 1978 г. в Швеции появился перевод романа «Чевенгур», который в СССР по-прежнему был запрещен. Перевод был выполнен Свенном Вальмарком.

В XXI в. переводчица К. Э. Линдстен совместно с издательством «Эрзац» подготовили к печати и опубликовали повести и романы А. Платонова «Котлован» (2007), «Счастливая Москва» (2008), «Джан» (2009). В настоящее время готовится перевод романа «Чевенгур» на шведский язык, издание планируется на осень 2014 г.

Современное шведское платоноведение развивается весьма интенсивно. Начиная с XXI в. в Швеции говорят о существовании понятия «литературная вселенная» А. Платонова [15] (термин введен Я. Карлссоном). Термин-метафора характеризует семантическую парадигму, созданную автором и героями его произведений, невообразимо огромный мир смыслов, связанных с творчеством писателя.

Многообразие исследовательских подходов [1] к творчеству русского писателя привело к созданию крупнейшего исследовательского центра в Швеции — кафедры славянских языков Стокгольмского университета. Данная кафедра специализируется на русской литературе и проблемах русского языка и культуры в целом. В состав научно-исследовательского центра из числа тех, кто обращается к проблематике и поэтике прозы А. Платонова, входят П. А. Бодин, Л. Щеквист, Т. Лане, К. Ингдаль и др.

Руководитель кафедры профессор П. А. Бодин активно занимается исследованием русской и польской литературы. Многие его работы определяют литературу через культурную и духовную составляющие. Его диссертация, защита которой состоялась в 1976 г., была посвящена русскому модернизму и его отношению к христианской традиции. В исследовании представлена эволюция творчества Б. Пастернака и О. Мандельштама в контексте культурного, духовного развития страны. По мнению исследователя, в прозе А. Платонова также отражены и самобытность, и менталитет русского народа [13].

Научная работа К. Ингдаль, профессора Стокгольмского университета, посвящена, прежде всего, изучению русской литературы 1920-х гг. Она причисляет А. Платонова к представителям русского модернизма, который, в отличие от другого его представителя — Ю. Олеши, обратил на себя внимание особым типом «утопического мышления». К. Ингдаль обращается к понятию утопии, анализирует религиозные предпосылки его возникновения, оперирует понятием гностического контекста [12].

Т. Лане, другой крупнейший исследователь русского модернизма в Швеции, защитив диссертацию по романтическим и модернистским традициям в творчестве М. Цветаевой, с 2010 г. активно принимает участие в проекте по изучению прозы А. Платонова, название которого — «Описать беспочвенное. Платонов и русская революция» [14]. «Его проза — зеркальное отражение общества после революции, на котором есть печать “беспочвенности”, термина, освещенного как с позиции М. Хайдеггера, так и русской дискуссии вокруг “почвенности” в сознании славянофилов» [14]. Суть данного проекта изложена в статье «Беспочвенность как основа», в которой Т. Лане определяет близость мировоззрения А. Платонова с философскими идеями М. Хайдеггера. Исследовательница пишет: «Следуя радикальным авангардным представлениям о революции, А. Платонов воспринимает ее как разрыв с прошлым. Тогда-то он и начинает подходить к экзистенциальному переживанию постреволюционного времени» [5]. «Революция» и «экзистенция» — две чрезвычайно важные для творчества Платонова величины, характеризующие его отношение к жизни.

Еще одна представительница кафедры славянских языков Стокгольмского университета Л. Щеквист — регулярный участник международных конференций по проблемам творчества А. Платонова. Она принимала участие как в российских платоноведческих семинарах и конференциях, так и в зарубежных. В качестве предмета исследования она выделила роман «Чевенгур» А. Платонова. Ей принадлежат статьи «История создания и публикации романа А. Платонова “Чевенгур” (на материале архивных источников)», «К вопросу об антропоморфности нарратора в романе А. Платонова “Чевенгур”», «Эстетика Андрея Платонова: проблема читателя» и др.

В феврале 2013 г. в Швеции состоялся крупный научный симпозиум, посвященный творчеству художника-философа А. Платонова. Организатором его выступил Университет Сёдертёрна (Södertörns högskola). Симпозиум был проведен при содействии Королевского драматического театра (Dramaten), ведущих профессоров университетов Сёдертёрна и Линчёпинга. Участие в форуме приняли крупнейшие платоноведы страны, литературоведы-слависты, переводчики Швеции, чье внимание обращено к творчеству русского писателя, среди них Т. Лане, К. Э. Линдстен, И. Сандомирская, С. Йонссон,

Г. Страндберг, М. Флорин, М. Шубак. Чрезвычайно насыщенная программа симпозиума позволила охватить широкий диапазон вопросов: от стилистических и языковых особенностей произведений А. Платонова до исследования философско-мировоззренческого контекста его творчества [11].

На симпозиуме были вынесены на обсуждение следующие доклады: К. Э. Линдстен «Как говорить по-платоновски на шведском языке?»; И. Сандомирская «Бесконечный мир и необратимый человек: общая и частная экономия в “Счастливой Москве” А. Платонова»; С. Йонссон «Утопия подчиненных». Андрей Платонов и инстинктивный коммунизм»; Г. Страндберг «Отчуждение как утопия»; М. Флорин «О “Котловане”»; Т. Лане «Душа внутри челюсти. О “Джане”»; М. Шубак «Размышление о Платонове» [11].

Крупные международные научные мероприятия, в центре внимания которых находится творчество А. Платонова, проводились во многих зарубежных странах: в Великобритании (в Оксфордском университете, 2000 г), Германии (в Мюнхенском университете, 2008), Бельгии (в Гентском университете, 2011), США (в Колумбийском университете, 2011) и др. Шведский международный симпозиум 2014 г. собрал платоноведов скандинавской страны и еще раз подтвердил колоссальный интерес к русской литературе и художественному миру А. Платонова.

Переводчица К. Э. Линдстен представила на симпозиуме доклад «Как это: говорить по-платоновски на шведском языке». А. Платонов принадлежит к числу тех авторов, у которых самобытность и оригинальность языка занимают более важное место в произведении, чем сюжетное и композиционное строение текста. «Сакральность» языка, смелого, образного, не поддающегося копированию, вытесняет на второй план другие уровни художественной структуры произведения. Еще И. Бродский отмечал: «Платонов сам подчинил себя языку эпохи, увидев в нем такие бездны, заглянув в которые однажды, он уже более не мог скользить по литературной поверхности, занимаясь хитросплетениями сюжета, типографскими изысками и стилистическими кружевами» [2].

Классик русского перевода В. Голышев в открытой лекции «Язык в тупике» называет следующие языковые особенности платоновской прозы: «колоссальное количество бюрократизмов и канцелярского языка», «корявость и нескладность», вызванная расставанием со сложившейся традицией [ii], «раздвоенность», «система сжатий и спрямлений» и в то же время «избыточность» фразы [3]. Все это лишь подтверждает мнение И. Бродского о том, что язык Платонова — это «язык смыслового тупика» [3]. Язык платоновской прозы находится на максимальном семантическом сдвиге, представляя собой «соединение несоединимого». Переводить русскую прозу на иностранные языки чрезвычайно сложно. «Чтобы переводить на шведский язык, требуется мужество», — говорит К. Э. Линдстен о своей профессии [10]. Переводчица обращается к различным жанрам литературы. Она блестяще адаптировала к шведским реалиям произведения М. Бахтина («Писатель и герой в эстетической деятельности»), С. Алексиевич («У войны не женское лицо»), Ф. Достоевского («Зимние заметки о летних впечатлениях»), Н. Перумова («Одиночество мага») и т. д. Любимым автором был и остается Андрей Платонов.

В газете «Свенска Дагбладет» К. Э. Линдстен признается: «...переводить Платонова — это что-то фантастическое. Он пишет о российской действительности 30-х гг. ... в романной форме. Без оправданий и приукрашиваний. Он использует собственный модернистский язык. И юмор. Без иронии он описывает действительность такой абсурдной, какой она была на самом деле.... Когда ты смеешься, то это смех не облегчения. Ты переносишься в эпицентр того, что вызывает страх и ужас» [10].

Интерес к русскому языку и русской литературе возник у К. Э. Линдстен еще в детстве, когда отец читал ей вслух русские сказки, а книги манили своими таинственными буквами. Карьера переводчицы началась в 1970-е гг., сейчас она активно сотрудничает с издательством «Эрзац» («Ersatz») в Стокгольме, которое специализируется на русской и немецкой литературе, и издательским домом «Дедал» («Daidalos») в Гётеборге [10].

Т. Лане в своем докладе центральное внимание уделила анализу художественного произведения «Джан», проблеме «души». Буквальный перевод доклада — «Душа внутри челюсти. О “Джане”» [11].

«Рабский труд, измождение, эксплуатация никогда не занимают одну лишь физическую силу, одни руки, нет — и весь разум и сердце также, и душа выедается первой, затем опадает и тело, и тогда человек прячется в смерть, уходит в землю, как в крепость и убежище, не поняв, что жил с пустыми жилами, отвлеченный и отученный от своего житейского интереса, с головой, которая привыкла лишь верить, видеть сны и воображать недействительное» [7; 474]. В условиях бессмысленного труда, ведущего к мнимой и утопической новой жизни, умирает душа. Душа находится на пути к исчезновению. «Душа занемела от жизни» [7; 482], — пишет А. Платонов. Поиск души, смысла жизни пытается осуществить главный герой повести «Джан» Назар Чагатаев.

Другой вектор прочтения творчества Андрея Платонова представлен в докладе «Утопия

подчиненных”. Андрей Платонов и инстинктивный коммунизм» С. Йонссона, профессора этнических исследований Линчёпингского университета. Его внимание обращено к изучению теоретических и практических предпосылок возникновения «коллективных идентичностей».

В «Чевенгуре» А. Платонова говорится о необходимости «душевного коммунизма», под которым понимается строительство «общепролетарского дома», где нет ни сильных, ни слабых, ни угнетающих, ни угнетенных. «Обитель равенства» строится не по приказу политического руководства, а исходя из собственных убеждений. Вера в лучшее будущее, где не будет места несчастьям и горю, вдохновляет людей на изнурительную работу. Идея необходимости «душевного коммунизма» встречается не только в «Чевенгуре», но и в «Усомнившемся Макаре», «Сокровенном человеке», «Джане» и других произведениях А. Платонова.

Назар Чагатаев в повести «Джан» спрашивает: «Осталась ли в народе хоть небольшая душа, чтобы, действуя вместе с ней, можно совершить общее счастье?» [7; 507]. И тут же чувствует «боль своей печали, что его народу не нужен коммунизм, — ему нужно забвение...» [7; 507].

Коммунизм Платонова, призванный «удовлетворить сокровенные чаяния души», С. Йонссон назвал «инстинктивным коммунизмом» [11]. Утопическая реальность зависит от тех душевных усилий, которые вкладывают чевенгурцы в ее создание. То, что объединяет «инстинктивный» (определение С. Йонссона) и «душевный» (определение А. Платонова) коммунизм, — это стихийность, интуитивность и, как следствие, иррациональность самого процесса. «Из платоновского мира доносится необычайно утопическая энергия, высвобожденная в советские 1920—1930-е годы. Именно поэтому партийная диктатура отторгала “ересь” Платонова. Он знал о народной душе намного больше, чем Сталин» [9], — писал С. Йонссон.

Исследовательский интерес Г. Страндберга, аспиранта Университета Седертёрна, связан с философским направлением — феноменологией. На симпозиуме он представил доклад «Отчуждение как утопия». Отчуждение в философско-социальном контексте творчества Платонова, считает исследователь, проявляется в том, что автор и его герои чувствуют себя сторонними наблюдателями, которые не в силах справиться с мучительно трудными историческими переменами в СССР. Взгляд Платонова на действительность продиктован строительством новой жизни, созданием коммунистического общества во благо народа. Отчуждение же Платонова вызвано не тем, что ему не интересно происходящее вокруг него, напротив, он всячески возвращается к реальной жизни, апеллирует к фактам действительности. Его «отчуждение» вызвано несогласием с теми средствами и способами, которые использует руководство страны.

И. Сандомирская, профессор Центра балтийских и восточноевропейских исследований Университета Седертёрна, филолог, критик, писательница, получившая в 2013 г. премию Андрея Белого за книгу «Блокада в слове: очерки критической теории и биополитики языка», активно изучает языковое пространство советской культуры [6]. В книге «Блокада в слове...» она обращается к сталинскому периоду истории СССР, где язык произведений, начиная от писем, заканчивая романами, находится под идеологическим контролем и вбирает в себя ужас и страх террора. И. Сандомирская обращается к творчеству А. Платонова в контексте сталинской биополитики. Она отмечает, что язык А. Платонова сформирован и менее поддается отчуждению, в отличие от языковых парадигм Н. Заболоцкого, А. Ахматовой, М. Бахтина и др. «Блокада в слове» выражается в отсутствии возможности выражать собственные мысли в СССР. Писатели активно обращаются к иносказаниям, другим средствам выражения мысли, часто при этом копируя чужую литературную манеру.

На симпозиуме доклад И. Сандомирской был посвящен другой теме — «Бесконечному миру и необратимому человеку: общая и частная экономия в “Счастливой Москве”» [11]. На аспект «экономии» в данном романе автор обратила внимание еще на научной конференции в Мюнхене в 2008 г. [4], определив важность экономии с позиции поддержания «вещества существования» в мире. Тема энтропии, взаимоотношений «Человека и общества» и «Человека и Вселенной», идея «духовно-энергетического преобразования человека» была рассмотрена ранее в работах Х. Гюнтера и К. Баршта [1]. И. Сандомирская также прослеживает идею космизма и энтропии в творчестве Платонова. По мнению исследовательницы, частная экономия трансформируется в общую экономию только потому, что «“безысходность” и “сиротство” платоновского человека — это тот излишек “энергии” и жизни, который индивид сбрасывает, отдавая свое другому (человеку, животному, растению, машине), освобождая себя тем самым от подавляющего избытка и поддерживая баланс “вещества существования” в мире».

Количество литературоведов-славистов, переводчиков, критиков, чье внимание приковано к творчеству русского писателя XX в. А. Платонову, разнообразие и неординарность их исследований

позволяют говорить о сложившейся и интенсивно развивающейся платоноведческой школе в Скандинавии.

Современному состоянию платоноведения в Швеции, ее активному развитию способствовала и блистательная работа переводчиков: в 1929 г. Й. Ривкин и Д. Бриkk переводят на шведский язык повесть «Происхождение мастера», в 1978 г. появляется оригинальная версия романа «Чевенгур» (переводчик С. Вальмарк), в начале XXI в. публикуются переводы К. Э. Линдстен, в планах которой перевод «всего Платонова».

Интерес научного сообщества к художественному миру А. Платонова и активная публикация его творческого наследия позволяют говорить о «платоновском мире» в Швеции.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Баршт К. Немецкий взгляд на Платонова и платоноведение [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2013/1/b29-pr.html>, свободный. Загл. с экрана.
2. Бродский И. Послесловие к «Котловану» А. Платонова [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt_with-big-pictures.html, свободный. Загл. с экрана.
3. Как читать «Котлован»? : Виктор Голышев о самой страшной книге, написанной в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.colta.ru/articles/specials/959>, свободный. Загл. с экрана.
4. Кукуй И. Научная конференция «По обе стороны от утопии: Андрей Платонов — автор между всех стульев» (Мюнхен, 9—11 октября 2008 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/ku31.html>, свободный. Загл. с экрана.
5. Лане Т. Беспочвенность как основа [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/la12.html>, свободный. Загл. с экрана.
6. Ларионов Д. Ирина Сандомирская : блокада явилась мощнейшим биополитическим полигоном для испытания технологий власти. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/1823>, свободный. Загл. с экрана.
7. Платонов А. П. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1 : Рассказы, 1921—1934. Повести. Москва, 1978. С. 429—541.
8. Andrej Platonov [Electronic resource]. URL: http://www.ersatz.se/forf_platonov.htm.
9. Andrej Platonov. Djan. [Electronic resource]. URL: http://www.ersatz.se/bok_platonov3.htm.
10. Leonardz J. Det krävs mod för att översätta [Electronic resource]. URL: http://www.svd.se/kultur/det-kravs-mod-for-att-oversatta_8331052.svd.
11. Platonov : Revolution och Existens [Electronic resource]. URL: http://webappl.web.sh.se/p3/ext/content.nsf/aget?openagent&key=13_february_2014_platonov_revolution_och_existens_1390475150448.
12. Slaviska Institutionen. Professor Kazimiera Ingdahl [Electronic resource]. URL: <http://www.slav.su.se/forskning/forskningsomr%C3%A5den/polonistik/kazimiera-ingdahl/professor-kazimiera-ingdahl-1.37148>.
13. Slaviska Institutionen. Professor Per-Arne Bodin [Electronic resource]. URL: <http://www.slav.su.se/forskning/forskningsomr%C3%A5den/rusistik/per-arne-bodin/professor-per-arne-bodin-1.37176>.
14. Slaviska Institutionen. Fil dr Tora Lane [Electronic resource]. URL: <http://www.slav.su.se/forskning/forskningsomr%C3%A5den/rusistik/tora-lane/fil-dr-tora-lane-1.37170>.
15. Stockholms stadsbibliotek [Electronic resource]. URL: <https://biblioteket.stockholm.se/titel/318310>.

REFERENCES

1. Barsht K. German view on Platonov and Platonov's studies [Nemetzkiy vzglyad na Platonova i platonovedenie]. Available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/2013/1/b29-pr.html> (accessed 20 may 2014).
2. Brodskiy I. Afterword to «The Foundation Pit» by A. Platonov [Posleslovie k «Kotlovanu» A. Platonova]. Available at: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt_with-big-pictures.html (accessed 14 may 2014).
3. How to read «The Foundation Pit? Victor Golishev about the most terrible book, written in Russia [Kak chitat` «Kotlovan»? Viktor Golyshev o samoy strashnoy knige, napisannoy v Rossii]. Available at: <http://www.colta.ru/articles/specials/959> (accessed 27 may 2014).
4. Kukuy I. Scientific conference «On both sides from a utopia: Andrei Platonov – the author between all

- chairs» (Munich, Oktober, 9-11 2008) [Nauchnaya konferentsiya «Po obe storony ot utopii: Andrey Platonov – avtor mezhdu vseh stul`ev» (Myunkhen, 9—11 oktyabrya 2008 g.)]. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/ku31.html>(accessed 20 may 2014).
5. Lane T. Groundlessness as a basis [Bespochvennost` kak osnova]. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/la12.html>(accessed 09 may 2014).
  6. Larionov D. Irina Sandomirskaya: blockade was a powerful biopolitical testing ground for technologies of power [Irina Sandomirskaya: blokada yavilas` moshchneyshim biopoliticheskim poligonov dlya ispytaniya tekhnologiy vlasti]. Available at: <http://www.colta.ru/articles/literature/1823>(accessed 16 may 2014).
  7. Platonov A. P. Chosen works [Izbrannye proizvedeniya. V 2-kh tomakh.] T. 1. Rasskazy 1921—1934. Povesti. M., «Khudozh. lit.», 1978. P. 429—541.
  8. Andrey Platonov. Available at: http://www.ersatz.se/forf_platonov.htm(accessed 20 may 2014).
  9. Andrej Platonov. Djan. Available at: http://www.ersatz.se/bok_platonov3.htm(accessed 16 may 2014).
  10. Leonard J. Det krävs mod för att översätta. Available at: http://www.svd.se/kultur/det-kravs-mod-for-att-oversatta_8331052.svd(accessed 17 may 2014).
  11. Platonov: Revolution och Existens. Available at: http://webappl.web.sh.se/p3/ext/content.nsf/aget?openagent&key=13_february_2014_platonov_revolution_och_existens_1390475150448(accessed 21 may 2014).
  12. Slaviska Institutionen. Professor Kazimiera Ingdahl Available at: <http://www.slav.su.se/forskning/forskningssomr%C3%A5den/polonistik/kazimiera-ingdahl/professor-kazimiera-ingdahl-1.37148>(accessed 21 may 2014).
  13. Slaviska Institutionen. Professor Per-Arne Bodin. Available at: <http://www.slav.su.se/forskning/forskningssomr%C3%A5den/rusistik/per-arne-bodin/professor-per-arne-bodin-1.37176>(accessed 21 may 2014).
  14. Slaviska Institutionen. Fil dr Tora Lane. Available at: <http://www.slav.su.se/forskning/forskningssomr%C3%A5den/rusistik/tora-lane/fil-dr-tora-lane-1.37170>(accessed 21 may 2014).
  15. Stockholms stadsbibliotek. Available at: <https://biblioteket.stockholm.se/titel/318310>(accessed 10 may 2014).

ПРИМЕЧАНИЯ

[i] В платоновской прозе сосуществуют политический, лирический, утопический, сатирический, бытийный и другие пласты.

[ii] «Он расстался со... всеми нормами, установлениями приличной русской прозы, с одной стороны. А иногда даже с грамматикой расставался. Но расстался таким сильным образом, что это оказалось живым, а не мертвым, не экспериментом, а довольно сильным высказыванием» [3].

*

*

*

Keywords:

*

*

romanovskaia.irina@gmail.com

Summary:

*

УДК 784.71 + 323.174

«Высоко на сопках твоих стою»: конструирование смыслов в гимнах Карелии и КФССР

ФИЛАТОВА
Дина
Алексеевна

*магистр истории искусств,
слушатель,
Европейский университет, факультет истории
искусств,
Санкт-Петербург, dfilatova@eu.spb.ru*

Ключевые слова:
государственный гимн
Республика Карелия
КФССР

Аннотация:

В статье анализируются семантика и прагматика государственного гимна Республики Карелия и процесс его принятия. Гимн Карелии содержит в основе народную песню, обращаясь, таким образом, к абстрактному прошлому. Текст гимна содержит мало специфических черт, отличающих Карелию от других регионов. В то же время в нем не обозначаются взаимоотношения республики с Российской Федерацией. Саморепрезентация республик относительно России — частый мотив в текстах гимнов национальных республик Российской Федерации. Обычно он касается, с одной стороны, попытки позиционировать себя как самостоятельное государство. С другой — подчеркнуть свою принадлежность к Федерации в качестве ее части. Анализируются также критерии выбора гимна Карело-Финской ССР, который должен был подчеркивать самобытность «карело-финского народа», несмотря на акцент на неразрывность судьбы КФССР и СССР. Опыт КФССР никак не был воспринят при принятии гимна Республики Карелия. Музыка гимна основывается на песне «Karjalan kunnaila», средняя часть символа полностью воспроизводит народную песню. Государственный гимн Карелии не обладает мобилизационным потенциалом.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

С начала 1990-х гг. у регионов России появилась возможность выразить себя в публичном пространстве с помощью государственной символики. Особенно это было важно для республик. На внешней сцене — чтобы занять свою нишу среди других субъектов Федерации и обозначить позицию, условно говоря, государства внутри государства. А на внутренней — чтобы укрепить эту позицию в умах населения республики и зафиксировать отношение к наделенной этими символами власти как к государственной. Соответственно, первыми в процессы создания символики (и наиболее активно) вступили национальные республики.

В каждом конкретном случае предполагалось сознательное конструирование смыслов, что нашло отражение как в музыке, так и наиболее отчетливо в текстах гимнов национальных республик. Новоявленные музыкально-поэтические символы должны были формировать у слушателей ощущение и осознание общности с людьми, которые также могут распознать «метки», закладываемые в тексты гимнов: будь то особенности географического положения региона, его истории, упоминание

национальных героев и т. д. В то же время они становились для творческой интеллигенции региона поводом воплотить свои представления об образе республики и должны были отражать понимание политическими элитами и представителями власти этого образа.

Гимн Карелии — на данный момент единственный гимн среди музыкальных символов российских национальных республик, в основе которого лежит народная песня. Несмотря на кажущуюся логичность и предсказуемость такого решения, в российских республиках этой возможностью воспользовались всего лишь два раза — в гимне Карелии и Тывы (причем в Тыве подобный гимн существовал только до 2011 г., затем был принят новый). Отчасти это можно объяснить тем, что вопрос этнической принадлежности населения республик не так прост, чтобы определить, какая именно народная песня должна стать символом региона.

Также важно понимать, к какому именно прошлому обращаются создатели гимнов. В одном случае это попытка заглянуть «вглубь веков» через использование народной (или считающейся народной) мелодии. Обычно сложно определить, когда именно возникает эта мелодия, поэтому республика словно протягивает свою историю в обратном направлении до неизвестного момента, до неких «корней». Это заметно и в том, что в текстах гимнов некоторых республик нет обращения в будущее или оно ограничивается одним пожеланием процветания.

Другой случай, когда при создании гимна в качестве его музыкальной основы выбирается песня признанного республиканского композитора, написанная в советский период, когда собственно и начинается развиваться профессиональная композиторская школа во многих регионах. Например, в Республике Коми в качестве мелодии гимна принята песня коми поэта и композитора В. А. Савина «Варыш поз» («Соколиное гнездо»), написанная в 1923 г.

Государственный гимн Республики Карелия был принят 6 апреля 1993 г. Законом Республики Карелия № XII-16.495 «О тексте Государственного гимна Республики Карелия» и утвержден в Конституции региона (Ст. 14: Государственным гимном Республики Карелия является «Гимн Республики Карелия» композитора А. Белобородова, авторы текста — А. Мишин и А. Костин).

Итак, музыкальная тема принадлежит карельскому композитору Александру Белобородову, который с 1989 г. по нынешний день занимает пост председателя Союза композиторов Карелии, является профессором Петрозаводской консерватории, где преподает с середины 1980-х гг.

Обновление государственной символики произошло одновременно с изменением наименования и статуса республики (из КАССР в Республику Карелия). В этот момент, в ноябре 1991 г., вышли соответствующие постановления об изменении государственной символики (надо добавить, что гимна у КАССР не существовало, он был «не положен» по статусу региона). С февраля по апрель 1992 г. проводились конкурсы на создание символики, гимн был принят в апреле 1993 г.

В конкурсе на гимн участвовало около десятка поэтов и композиторов. В частности, было предложено взять материал из нового перевода «Калевалы» (Армаса Мишина и Эйно Киуру) и положить на музыку Бориса Напреева [13; 21]. Однако ни одна из присланных работ не удовлетворяла конкурсную комиссию. В итоге, по сообщению пресс-центра Законодательного собрания республики, было решено обратиться в Союз композиторов и Союз писателей Карелии, предложив для работы фрагмент из балета «Сампо» Гельмера Синисало и народную песню «На сопках Карелии». Предполагалось, что в первом случае будет необходимо сделать переложение музыки для хора и оркестра, написать слова гимна, а во втором — обработать мелодию песни для оркестра и перевести текст на русский язык [17].

Секретарь конкурсной комиссии отмечает, что в первоначальном варианте песня «На сопках Карелии» не прошла на конкурсе [11], но мелодия, предложенная Александром Белобородовым, была принята, и под нее позже был написан русский текст (который затем перевели на финский язык).

Презентация нового гимна (тогда еще проекта, поскольку это произошло до принятия) состоялась в конце марта в Национальном театре Республики Карелия [18].

В конце 2001 г. текст гимна на финском языке упразднили [3], связав это с тем, что официальным языком Карелии является только русский, и гимн, таким образом, нарушает Конституцию республики [12]. По сей день Карелия остается единственной из национальных республик, не придавшей языку титульного населения статуса государственного в республиканской Конституции. Пока финский вариант был официальным, он практически не исполнялся. До этого времени, в течение 90-х гг., иногда обсуждался вопрос создания карельского текста гимна. Был осуществлен перевод существующего текста на ливвиковский диалект карельского языка поэтом Александром Волковым, а Армасом Мишиным был подготовлен свой вариант [15], но они так и не были рассмотрены законодательными органами республики, хотя при принятии русского и финского текстов на сессии Верховного Совета вариант Мишина на карельском языке прозвучал [14].

На протяжении всего времени существования гимна основным был русский текст, написанный на музыку Белобородова. Обратимся к подробному его рассмотрению:

Край родной — Карелия!
Древняя мудрая земля.
Братских племен одна семья,
Карелия!

Звените, озера, и пой, тайга!
Родная земля, ты мне дорога.
Высоко на сопках твоих стою
И песню во славу тебе пою.

Край родной — Карелия!
Ты мне навек судьбой дана.
Здравствуй в веках, моя страна,
Карелия!

Герои былин средь лесов и гор
Живут на земле нашей до сих пор.
Лейся, песня! Кантеле, звонче пой
Во имя карельской земли святой!

Край родной — Карелия!
Рун и былин напев живой.
Вижу рассвет лучистый твой,
Карелия!

Вижу рассвет лучезарный твой,
Карелия! [14]

Ритм и размер полностью обусловлен музыкой, поскольку слова писались уже на нее. Условно можно разбить текст на пять строф: 1, 3 и 5-я — своего рода припев, где рефреном повторяются только первая («Края родной — Карелия!») и четвертая («Карелия!») строки. Последняя фраза в исполнении обычно не встречается и при воспроизведении текста гимна приводится не всегда, хотя в законе она есть. Но мы будем учитывать ее при анализе. В целом композиция текста заключает в себе чередование панорамных картин всей Карелии с описанием характерных для республики особенностей.

Итак, чем же является Карелия, согласно гимну? Прежде всего, это «*край*». Чаще всего используется слово «*земля*» — 4 раза. При этом в 4-й строфе первый раз это слово используется скорее в значении «земля Карелии», хотя однозначно этого сказать нельзя, так же, как и со вторым употреблением слова «земля» в 4-й строфе. «Карельскую землю» можно одинаково расценивать как иное название республики, перифраз, с одной стороны, а также как «землю», принадлежащую карелам или Карелии как стране — с другой.

Собственно, «*страна*» употребляется по отношению к Карелии один раз, равно как и «*семья*». Таким образом, Карелия — это «*край*», «*земля*», «*семья*» и «*страна*».

Характерно всего лишь единичное употребление слова «*страна*», что выглядит как избегание сепаратистских намеков.

Обратимся к эпитетам, используемым для описания Карелии. Кроме рефренов, прилагательное «*родной*» употребляется только один раз — в первом куплете («родная земля»), т. е. всего 4 раза.

К тому же земля эта «*древняя мудрая*» и «*святая*» (1 раз, отрывок 4). Надо сказать, описание карельской земли как древней и мудрой очень характерно для песен карельских композиторов. Так, например, в песне «Звездопад над Онего» (музыка В. Панченко, слова Н. Литвинской) есть характерные строчки:

Сосны, словно вещие струны
Шепчут заповедные руны.

*Сказы нашей древней земли,
Нашей мудрой земли,
Нашей щедрой земли [4; 7].*

Несмотря на то что в гимнах других республик вместе со словом «земля» употребляются самые разные эпитеты, акцент на мудрости и древности нигде не встречается.

Можно предположить, что образ «древней мудрой» земли связан с желанием закрепить себя на этой земле и подчеркнуть в то же время, что у нее есть богатая история, уходящая в глубь веков. Когда же речь идет о Карелии-семье, подчеркивается ее единство («*братских племен одна семья*»). В то же время можно воспринимать словосочетание «мудрая земля» как метонимию: в этом случае мудрость людей, живущих на этой земле, заменяется мудростью собственно земли.

Согласно гимну, в Карелии находятся озера, тайга (леса), высокие сопки и горы. Неотъемлемыми атрибутами республики являются герои былин и кантеле. Образ кантеле часто встречается и в других песнях, связанных с Карелией (например, Ю. Фалик «Карельская акварель»). Упомянутые выше сосны-струны из «Звздопада над Онего» — это, видимо, струны кантеле.

В связи с этим очень важен образ песни в тексте гимна. Он неотступно появляется вновь и вновь: «И песню во славу тебе пою», «Лейся, песня!», «Кантеле, звонче пой», «Рун и былин напев живой». Последнее является явной отсылкой к «Калевале», которая является одним из стойких брендов Карелии.

Интересно, что в тексте гимна ни разу не фигурирует ничего более-менее связанного с формой государственности региона. Через гимн республика не осознается как часть другого, большего государства — никаким образом Российская Федерация не упоминается, ни как вообще некое образование, обладающее признаками государственности само по себе (в отличие от гимнов Удмуртии, Адыгеи, например, где Россия упоминается).

Саморепрезентация республик относительно России — в принципе частый мотив в текстах гимнов республик. Обычно он касается, с одной стороны, попытки позиционировать себя как самостоятельное государство (республика как государство), в параллель с Россией. С другой — подчеркнуть свою принадлежность к Российской Федерации, в качестве ее части. Так, например, в подстрочнике третий куплет гимна Республики Адыгея звучит так:

*Все тягости у тебя позади,
И солнце твое над тобой.
Ты частица России славной,
И сердцем в ней свободна [16; 63].*

Поэтический перевод того же куплета (именно в этом переводе Ю. Крючковой гимн и исполняется на русском языке):

*Гордо с душою свободной
Вместе с Россией иди.
Солнце твое над тобою,
Бури невзгод позади [2].*

Однако никакой подобной конкретики не присутствует в карельском гимне, согласно которому Карелия — та самая былинная страна, наполненная природными богатствами, и, видимо, с богатой фольклорной традицией (можно, например, так трактовать настойчивый образ песни и пения).

Не конкретизируется и географическая сторона: леса, горы и озера — не исключительно карельская характеристика. Казалось бы, Онего (Онежское озеро) и Ладога являются устойчиво ассоциируемыми с Карелией природными объектами, но ничего конкретного в тексте гимна не упоминается. Стремление избегать привязки к реальной местности, абстрактность в тексте свойственны далеко не всем гимнам российских республик. В гимне Республики Саха, например, упоминается протекающая на ее территории река Лена, Чечни — Башлам (гора Казбек), река Аргун. В гимне Тывы — горная система Саян, Мордовии — реки Мокша и Сура. В гимне Бурятии — Байкал, Башкирии — Урал.

Гимн Карелии обладает характерной чертой всех гимнов национальных республик РФ — во всех них создается образ именно «земли», целостный, не подразумевающий осознания структуры региона, главных городов и т. д. Все это связано с интенцией придать гимну сплывающий потенциал, которая

зачастую приводит к полнейшей эфемерности и расплывчатости созданного образа. В гимнах многих республик, если убрать, собственно, название региона, не останется никаких признаков, по которым можно угадать, о каком месте поется — это может быть любой регион, не только республика. Похожую проблему, связанную с текстами городских песен, выделяет антрополог Михаил Лурье [19]. Можно связать это с тем, что гимны начала 90-х создавались, в принципе, теми же самыми людьми, которые писали в советский период песни о городе.

В гимне КФССР также упоминались лес и руны, однако фигурировало конкретное наименование — «родина Калева», героя карело-финской мифологии. Текст гимна был написан на финском языке.

В 1944 г. Совет народных комиссаров Карело-Финской ССР издал постановление «О введении исполнения Государственного гимна Союза ССР на финском языке по Карело-Финской ССР», согласно которому был утвержден перевод гимна СССР (принятого в 1943 г.) на финский язык и его исполнение наряду с исполнением на русском языке. Этот документ обязал Госиздат КФССР издать финский текст вместе с нотами тиражом 10 000 экземпляров, а Управление по делам искусств — организовать его массовое разучивание [6].

В том же году началась работа над текстом собственного гимна КФССР. Многие гимны союзных республик были приняты в период между 1944 и 1947 г. (Грузинской ССР — в 1944 г., Эстонской — в 1945, Казахской — в 1945, Киргизской — в 1946, Узбекской — в 1947 г. и т. д.). Всем союзным республикам предписывалось иметь гимн на национальном языке.

В Карело-Финской республике была создана специальная комиссия, которая должна была разработать основные требования к гимну и выработать условия предстоящих творческих конкурсов. В Национальном архиве Республики Карелия хранится письмо секретаря Президиума Верховного Совета республики Т. Вакулькина находившемуся в Ленинграде поэту Армасу Эйкия с просьбой о создании финского текста, которое позволяет судить о разработанности требований к тексту гимна. Так, в письме содержатся рекомендации к содержанию текста гимна, выработанные комиссией:

- «Карело-Финская ССР, страна Калевалы, — неотъемлемая часть Советского Союза. Гордость карело-финского народа — принадлежность к великой братской семье народов могучего Советского Союза. Мы, граждане Карело-Финской ССР, являемся и гражданами великой державы — СССР;
- Чаения карело-финского народа (Сампо) осуществились в результате тяжелой борьбы, при помощи великого русского народа, под водительством большевистской партии и вождей Ленина и Сталина;
- Богатства Карело-Финской ССР — счастье народа, его жизнь, залог силы, залог могущества;
- Завоеваний не отдадим. Наше счастье, что боремся за судьбу поколений, нога в ногу с русским народом в дружной семье народов СССР; Карело-Финская ССР была и будет надежным форпостом Советского Союза» [1].

В итоговом тексте, написанном А. Эйкия, были отражены все вышеперечисленные положения. В нем упоминается и «Советское Сампо» и «отечество Калева, родина рун, которую теперь ведет знамя Ленина — Сталина» [7], и т. д. Именно этот текст был разослан композиторам для создания музыки гимна.

Работа над музыкой для гимна Карело-Финской республики началась осенью 1945 г. 11 сентября вышло распоряжение Совнаркома КФССР по созданию рабочей комиссии «по прослушанию и отбору лучших вариантов музыки Гимна» для предоставления Правительственной комиссии [9], а постановление, объявляющее конкурс на гимн, появилось 14 июля [5]. В нем указано, какой должна быть музыка будущего символа республики: «мелодичной, торжественной, простой, подъемной, с использованием национальных мотивов карело-финского народа» [5].

Стоит отметить, что, несмотря на закрытую форму конкурса среди карельских композиторов, предполагалось дать персональные заказы «отдельным композиторам братских республик написать музыку Государственного гимна Карело-Финской ССР» [5]. Однако на обсуждении рабочей комиссии были представлены только гимны композиторов, работавших в КФССР: Абрама Голланда, Рувима

Пергамента, Гельмера Синисало, Карла Раутио, Натальи Леви, Леонида Вишкарева, Лаури Йоусинена, Леопольда Теплицкого.

На заседании присутствовали представители творческой элиты республики: Яков Геншафт, Лидия Гренлунд, Михаил Ладнов, а также Лехмус, Нокколайнен, Клименко и Вальтер Суни.

Если обратиться к протоколу заседания рабочей комиссии по обсуждению музыки гимна КФССР [8], то можно отметить ряд требований, которые предъявлялись к музыке будущего гимна. Прежде всего, это очевидное требование соответствия текста и музыки (например, о гимне композитора Голланда Гренлунд говорит, что «слова вяжутся с музыкой», о гимне Пергамента Лехмус говорит, что «слова не очень хорошо вяжутся») [8; 11–12].

Кроме того, важным представляется легкость для запоминания и разучивания. Так, по мнению Клименко, достоинство гимна Голланда заключается в том, что он легко будет запоминаться. А недостаток гимна Пергамента, с точки зрения Суни, в том, что он «очень сложный и трудный для исполнения в массах» [8; 11]. Другие члены комиссии спорят с Суни, так, Ладнов заявляет, что гимн «легко можно переделать на двухголосный хор» [8; 11]. Геншафт, считающий гимн Пергамента лучшим по музыке, добавляет, что «для разучивания он не трудней “Интернационала” или гимна композитора Александрова» [8; 11].

Также членам комиссии важным представляется «сила» гимна (по мнению Нокколайнена, в гимне Голланда «нет достаточно силы, слишком однообразно», а по мнению Суни — «есть плавность и сила»), его «героичность» и «эпичность» в сочетании с лиричностью (по мнению Ладнова, в гимне Голланда «не очень удачно сочетается лирическое с героическим»; в гимне Раутио, по мнению Геншафта, «есть сила, но лирический налет не снимается»; в гимне Вишкарева, по мнению Гренлунд, «лирическая сторона есть, но силы мало») [8; 11–12].

Ищут члены рабочей комиссии в предложенных вариантах гимна «народное» (по оценке Суни, музыка гимна Голланда «народная», а в гимне Пергамента, по ощущениям Гренлунд, «не чувствуется народности») и «национальное» (в гимне Пергамента Геншафт находит «очень тонкий национальный колорит», Гренлунд характеризует гимн Раутио как имеющий «национальный колорит и силу», а Ладнов определяет вариант Теплицкого как «не национальный, не карело-финский гимн») [8; 11–12].

И наконец, важной характеристикой гимна является его торжественность. Так, Лехмус считает, что в гимне Голланда нет «достаточно торжественности», а по мнению Геншафта, он «не может поднимать настроение» [8; 11].

По итогам заседания первое место, несмотря на претензии к трудности разучивания, занял гимн Рувима Пергамента, основными достоинствами которого стали наличие «силы» и чего-то «эпического», а также «тонкий национальный колорит» и «уравновешенная, спокойная» музыка. Второе место занял гимн Раутио, третье — Голланда [8; 12].

На этом этапе следы гимна КФССР теряются (равно как и перевода гимна СССР на финский язык, о котором упоминалось выше, — ни одного экземпляра подобного издания обнаружить не удалось). Можно предположить, что принятие гимна КФССР было формальностью, необходимой для отчета перед вышестоящими структурами, а в реальности он не исполнялся, поскольку не удалось обнаружить ни одного издания гимна, ни одной напечатанной версии, ни одной записи, также не было обнаружено распоряжения о разучивании этого гимна. В архиве рукописных нот карельских композиторов Национальной библиотеки Республики Карелия находятся черновики вариантов гимнов Пергамента и Раутио, однако собственно предоставленных комиссии партитур ни одного из композиторов не обнаружено, равно как и черновики вариантов гимна других композиторов, принимавших участие в конкурсе.

Одна из песен, представленных на конкурс (занявшая второе место композиция Карла Раутио), вошла затем в репертуар карельского ансамбля «Кантеле». Хотя она и не заявлялась как гимн, но сохранила гимновый текст, который предлагался всем композиторам для сочинения музыкально-поэтического символа республики. Причем в одном из изданий в качестве русского варианта текста представлен перевод С. Маршака и А. Глобы, где припев этой песни приведен в соответствие с припевом александровского гимна:

Наша семья — весь советский народ.
Единством и дружбой Союз наш живет.
Советский Союз — нашей силы оплот —
Карелию к славе и счастью ведет! [10]

В то же время критерии, которые выдвигаются как для текста, так и для музыки гимна Карело-Финской ССР, позволяют увидеть черты желаемой идентичности, на конструирование которой должен был влиять этот гимн. Несмотря на то что необходимым условием выдвигается позиционирование принадлежности «к великой братской семье народов могучего Советского Союза», карело-финский народ мыслится как отдельный субъект, в текст закладываются такие отличительные маркеры, как «Сампо» и «родина Калева», в музыке ищется «национальный колорит».

Текст нынешнего гимна Карелии не перекликается с текстом гимна КФССР. Опыт КФССР не был воспринят при принятии гимна Республики Карелия.

Музыка нынешнего карельского гимна официально принадлежит карельскому композитору Александру Белобородову. В частности, это закреплено в Конституции республики. Как уже говорилось выше, гимн написан на основе финской народной песни «На сопках Карелии» («*Karjalan kunnaila*»). Он не просто написан на ее основе, финская песня в точности воспроизведена в куплете гимна.

Если обозначить первое проведение (условный припев гимна) как А, а следующую часть (которая, собственно и является мелодией народной песни) как Б, то структура будет выглядеть таким образом: А — Б — А — Б — А — $\frac{1}{2}A$ (где $\frac{1}{2}A$ — это кода, повторяющая вторую половину части «А»).

Часть А по динамике предписывается к исполнению форте, а Б — пиано, что и соответствует лирическому духу оригинальной песни. Часть А написана в D-dur, Б — в G-moll. Причем именно в этой тональности встречается исполнение «*Karjalan kunnaila*», автору, возможно, не пришлось заниматься даже транспонированием (в интервью телеканалу «Сампо» автор музыки Александр Белобородов говорит, что написал музыку за 40 минут) [20]. Таким образом, весь гимн выглядит как конструктор, собранный вокруг народной мелодии, просто «вставленной» в окружающее музыкальное полотно, которое строится в тональности первой степени родства.

Можно заметить, что авторы текста карельского гимна оказались под влиянием текста оригинальной песни. Он принадлежит Вальтеру Юва и написан на фольклорную мелодию (сборник со стихотворением на эту мелодию вышел в 1902 г.). Так, третья фраза куплета гимна содержит фразу «Высоко на сопках твоих стою», что перекликается с одной из заключительных фраз «*Karjalan kunnaila*», соответствующей тому же музыкальному фрагменту («*Minä seisoin vaaroilla paljain pain*» — «Я стоял на вершине с непокрытой головой»). То есть авторы текста ровно к той же музыкальной фразе привязывают похожий текст. В целом эта позиция наблюдателя, который смотрит на свою прекрасную землю, переносится из текста финской песни.

Имени «Карелия» всегда соответствует похожая музыкальная фигура с разрешением в тональность. Ярко выраженная кульминация в гимне отсутствует, поэтому довольно сложно определить смысловое ударение. Само содержание песни, ставшей основой карельского гимна, также связано с описанием, оно не несет никакого мобилизационного потенциала, лирический герой пассивен, и единственное, что он делает для своей земли, — воспеваеет ее.

Таким образом, гимн Республики Карелия представляет собой конструктор, искусственный по своей природе: народная мелодия никаким образом не развивается, не перекладывается в другую тональность. Он словно уже на сам момент создания не ориентирован на задачи гимна, на публичное исполнение. Созданный в замкнутой системе заказ — исполнение, он похож на любую другую описательную песню о Карелии.

Филипп Больман в своей работе «*Focus: Music, Nationalism, and the Making of New Europe*» замечает, что официальные гимны в Европе менее известны и более исторически слабы, чем неофициальные [22; 133]. Ту же ситуацию можно наблюдать и в случае с Республикой Карелия. Наиболее известной песней, в некотором смысле представляющей ее как во внешнем, так и во внутреннем пространстве, является скорее «Карелия» («Долго будет Карелия сниться») Александра Колкера на слова Кима Рыжова, написанная в 1963 г. В частности, о ее популярности говорит то, что она включается при отправлении фирменных поездов «Карелия». В то же время представляется очевидным, что символом республики на момент принятия гимна могла стать только песня, написанная «своими» авторами, и нельзя было дать произведению «чужаков» стать гимном региона.

При этом более чем за 20 лет существования гимна Карелии открытой дискуссии по поводу музыкально-поэтического символа республики, в сущности, так и не возникло. В разное время выходили отдельные заметки в газетах, которые не представляли собой серьезной критики, они касались либо нелепостей текста (появление в тексте «сопок», которых в Карелии нет), либо вопроса о том, этично ли использовать в гимне народную финскую мелодию.

Исполнение гимна республики остается обязательным только на мероприятиях, проводимых государственными органами, в том числе после произнесения присяги вновь избранным Главой

Республики [21], да и то законодательное регулирование этого вопроса до сих пор не осуществлено. Это отчасти указывает на формальность принятия и нынешнего гимна Карелии — в большинстве республик РФ документы, подробно расписывающие случаи исполнения гимна и его прослушивания, появлялись, как правило, одновременно с принятием гимна.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вакулькин Т. Письмо Эйкия А. М. // Переписка Президиума Верховного Совета КФССР с депутатами Верховного Совета КФССР, 10 января 1944 года — 28 декабря 1944 года // НА РК. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 21/183. Л. 10.
2. Государственный гимн Республики Адыгея [Электронный ресурс] // Государственный Совет-Хасэ Республики Адыгея [Официальный сайт]. URL: <http://www.gshra.ru/main/respublika-adygeya/symvols/gimn-respubliki-adygeya/> (дата общ. 07.06.13).
3. О внесении изменений в Закон Республики Карелия «О тексте государственного гимна Республики Карелия»: закон Республики Карелия № 550-ЗРК от 06.12.2001 [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия. URL: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Legislation/lawbase.html?lid=1421> (дата общ. 09.06.13).
4. Панченко В. Звездопад над Онего: [нотная тетрадь; ксерокопия рукописи] / сл. Н. Литвинской. Петрозаводск, 2009. 12 с.
5. Постановление № 432 Совета народных комиссаров Карело-Финской ССР от 14 июля 1945 г. «О проведении конкурса на музыку Государственного гимна Карело-Финской ССР» // НА РК. Ф. 2150. Оп. 1. Д. 13/157. Л. 3.
6. Постановление № 463 Совета народных комиссаров Карело-Финской ССР [от] 21 июня 1944 года // Там же. Ф. 1394. Оп. 5. Д. 35/175. Л. 205–212.
7. Построчный перевод гимна Карело-Финской ССР // Там же. Ф. 2150. Оп. 1. Д. 13/157. Л. 7.
8. Протокол заседания рабочей комиссии по обсуждению музыки гимна КФССР от 20 ноября 1945 года // Там же. Л. 11–12.
9. Распоряжение № 1021р от 11 сентября 1945 г. // Там же. Л. 2.
10. Раутио К. Моя Карело-Финская земля // Советская музыка: нотное приложение. 1951. № 11: [Песни карельских композиторов]. С. 3–5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова Н. Есть музыка и текст. Гимна нет // Карелия. 1992. 16 дек. С. 1.
2. Баринова Н. Ф. Государственный гимн Республики Карелия // Карелия: энциклопедия: в 3 т. Т. 1: А–Й. Петрозаводск, 2007. С. 267.
3. Водолазко В. Н. История государственного гимна Республики Карелия с некоторыми нужными сведениями из истории государственного гимна Российской Федерации: (материалы к уроку) // Педагогический вестник Карелии. 2007. № 2. С. 20–22.
4. Гимн Республики Карелия // Северный курьер. 1993. 10 апр. С. 3.
5. Гимн Республики Карелия: утвержден гимн РК // Там же. 8 апр. С. 1.
6. Государственные символы Российской Федерации и Республики Адыгея: герб, флаг, гимн:

- учебное пособие для образовательных учреждений. Майкоп, 2006. 72 с.
7. Какие гимны мы поем // *Северный курьер*. 1992. 17 нояб. С. 2.
  8. Литвин А. Хвалебная песня // *Петрозаводск*. 1993. № 16. С. 4.
  9. Лурье М. Л. URBS ET TERRA : поэтика локального патриотизма в песнях о городе // *Литературные явления и культурные контексты : материалы коллоквиума молодых ученых-гуманитариев С.-Петербурга и Даугавпилса / ред.-сост. М. Л. Лурье. С.-Петербург, 2005. С. 42—50.*
  10. Многие жители Карелии не знают о существовании написанного 20 лет назад гимна республики [Электронный ресурс] // Телерадиовещательная компания Республики Карелия «Сампо» [Официальный сайт]. URL: <http://www.sampo.tv/news.php?id=2885> (дата обращ. 09.06.13).
  11. Научно-практический комментарий к Конституции Республики Карелия. Петрозаводск, 2008. С. 70—71. Ст. 14. Государственным гимном Республики Карелия является «Гимн Республики Карелия» композитора А. Белобородова, авторы текста — А. Мишин и А. Костин.
  12. Bohlman, Ph. V. *Focus : Music, Nationalism, and the Making of New Europe*. NY: Routledge, 2011. 317 p.

PRIMARY SOURCES

1. Vakul'kin T. The letter to Jejkia A. M. [Pis'mo Jejkija A. M.] // *Correspondence of Presidium of the Supreme Council KFSSR with deputies of the Supreme Soviet KFSSR [Perepiska Prezidiuma Verhovnogo Soveta KFSSR s deputatami Verhovnogo Soveta KFSSR]*. January 10, 1944 — December 28, 1944 // NA RK [National Archive of the Republic of Karelia]. Fund 1215. Inventory 1. File 21/183. Sheet 10 .
2. National Anthem of the Republic of Adygea [Gosudarstvennyj gimn Respubliki Adygeya] [Electronic resource] // State Council of the Republic of Adygea-Hashe [Gosudarstvennyj Sovet-Hashe Respubliki Adygeya] [Official website]. URL: <http://www.gshra.ru/main/respublika-adygeya/symbols/gimn-respubliki-adygeya/> (07.06.13).
3. About Amendments to the Law of the Republic of Karelia «On the National Anthem of the Republic of Karelia» Law of the Republic of Karelia number 550 — SAM from 06.12.2001 [O vnesenii izmeneniy v Zakon Respubliki Kareliya «O tekste gosudarstvennogo gimna Respubliki Kareliya»: Zakon Respubliki Kareliya № 550-ZRK ot 06.12.2001] [Electronic resource] // The official portal of the Government of the Republic of Karelia [Oficial'nyj portal organov gosudarstvennoj vlasti Respubliki Kareliya]. URL: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Legislation/lawbase.html?lid=1421> (09.06.13).
4. Decree № 432 of the Council of People's Commissars of the Karelian-Finnish SSR on July 14, 1945 «On the competition for the music of the National anthem of the Karelian-Finnish SSR» [Postanovlenie № 432 Soveta Narodnykh Komissarov Karelo-Finskoy SSR ot 14 iyulya 1945 g. «O provedenii konkursa na muzyku Gosudarstvennogo Gimna Karelo-Finskoy SSR»] // NA RK. Fund 2150. Inventory 1. File 13/157. Sheet 3.
5. Decree № 463 of the Council of People's Commissars of the Karelian-Finnish SSR [from] June 21, 1944 [Postanovlenie № 463 Soveta Narodnykh Komissarov Karelo-Finskoy SSR [ot] 21 iyunja 1944 goda] // NA RK. Fund 1394. Inventory 5. File 35/175. Sheets 205—212.
6. Translation of the national anthem of the Karelian-Finnish SSR by the line [Postrochnyj perevod gimna Karelo-Finskoy SSR] // NA RK. Fund 2150. Inventory 1. File 13/157. Sheet 7.
7. Ordinance number 1021 p on September 11, 1945 [Rasporyazhenie № 1021 r ot 11 sentyabrya

1945 g.] // NA RK. Fund 2150. Inventory 1. File 13/157. Sheet 2.

8. Panchenko V. Starfall over Onego lake [Zvezdopad nad Onego] [Music book; photocopy of the manuscript] / words N. Litvinsky. Petrozavodsk : NL RK, 2009. 12 p.
9. Minutes of the working committee meeting to discuss music anthem KFSSR on November 20, 1945 [Protokol zasedaniya rabochey komissii po obsuzhdeniyu muzyki gimna KFSSR ot 20 noyabrya 1945 goda] // NA RK. Fund 2150. Inventory 1. File 13/157. Sheets 11–12.
10. Rautio K. My Karelian land [Moya Karelo-Finskaya zemlya] // Sheet Supplement to Soviet music number 11 [Karelian composers songs] [Notnoe prilozhenie k zhurnalu Sovetskaya muzyka № 11 [pesni karel'skikh kompozitorov]. Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo, 1951]. P. 3–5.

REFERENCES

1. Akimov N. There are music and text, no anthem [Est' muzyka i tekst. Gimna net] // Karelia [Kareliya]. 1992. December 16. №. 6. P. 1.
2. Barinova N. National Anthem of the Republic of Karelia [Gosudarstvennyj gimn Respubliki Kareliya] // Karelia: encyclopedia [Kareliya: entsiklopediya]. In 3 volumes. Vol. 1. Petrozavodsk, 2007. P. 267.
3. Vodolazko V. History of the national anthem of the Republic of Karelia with some necessary information from the history of the national anthem of Russia Federation (materials for the lesson) [Istoriya gosudarstvennogo gimna Respubliki Kareliya s nekotorymi nuzhnymi svedeniyami iz istorii gosudarstvennogo gimna Ros. Federatsii (materialy k uroku)] // Journal of Education of Karelia [Pedagogicheskiy Vestnik Karelii]. 2007. № 2. P. 20–22.
4. The Anthem of the Republic of Karelia [Gimn Respubliki Kareliya] // Northern courier [Severnyi kur'er]. 1993. April 10. P. 3.
5. The Anthem of the Republic of Karelia: The anthem of the RK is approved [Gimn Respubliki Kareliya: Utverzhdyon gimn RK] // Northern courier [Severnyi kur'er]. 1993. April 8. P. 1.
6. State symbols of the Russian Federation and the Republic of Adygea: a flag, an anthem: Textbook for educational institutions [Gosudarstvennye simvoly Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Adygeya: gerb, flag, gimn: Uchebnoe posobie dlya obrazovatel'nykh uchrezhdeniy.]. 2006. 72 p.
7. Which anthems are we use to sing [Kakie gimny my poyom] // North courier [Severnyi kur'er]. 1992. November 17. C. 2.
8. Litvin A. A song of praise [Khvalebnaya pesnya] // Petrozavodsk [Petrozavodsk]. 1993. № 16. P. 4.
9. Lurie M. URBS ET TERRA: The Poetics of local patriotism in songs about the city [Poetika lokal'nogo patriotizma v pesnyakh o gorode] // Literary events and cultural contexts: Proceedings of the Colloquium young humanities scholars in St.- Petersburg and Daugavpils [Literaturnye yavleniya i kul'turnye konteksty: Materialy Kollokviuma molodykh uchenykh-gumanitariyev Sankt-Peterburga i Daugavpilsa]. St.- Petersburg: SPbGUKI, 2005. P. 42–50.
10. Many people of Karelia are not aware of the existence of the anthem of the Republic written 20 years ago [Mnogie zhiteli Karelii ne znayut o sushchestvovanii napisannogo 20 let nazad gimna respublikii] [Electronic resource] // Broadcaster of the Republic of Karelia «Sampo» [Teleradioveshchatel'naya kompaniya Respubliki Karelia «Sampo»] [Official website]. URL: <http://www.sampo.tv/news.php?id=2885> (09.06.13).
11. Article 14. The national anthem of the Republic of Karelia is a «Hymn of the Republic of Karelia» composed by A. Beloborodov, authors of the text — A. Mishin and A. Kostin [Stat'ja 14.

Gosudarstvennym gimnom Respubliki Kareliya yavlyayetsya «Gimn Respubliki Kareliya» kompozitora A. Beloborodova, avtory teksta — A. Mishin i A. Kostin] // Scientific and practical commentary to the Constitution of the Republic of Karelia [Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Konstitutsii Respubliki Kareliya]. Petrozavodsk, 2008. P. 70—71.

12. Bohlman, Phillip V. *Focus: Music, Nationalism, and the Making of New Europe*. NY: Routledge, 2011. 317 p.

*

*

*

Keywords:

*

*

dfilatova@eu.spb.ru

Summary:

*

УДК 338.49

Проблемы и перспективы развития энергетической инфраструктуры Республики Карелия

РУГАЧЕВА

Алла

Владимировна

*кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры экономической
теории и менеджмента,
экономический факультет,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, rav@sampo.ru*

АЛЕХАНОВА

Екатерина

Игоревна

*студентка II курса магистратуры,
экономический факультет,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, alekhanova@gmail.com*

Аннотация:

Первостепенной задачей, стоящей перед Республикой Карелия, является повышение инвестиционной привлекательности региона. Решение данной задачи требует наличия производственной и социальной инфраструктуры для приоритетных видов экономической деятельности. Важнейшим элементом этой инфраструктуры является обеспечение экономических субъектов источниками электроэнергии. Наличие инфраструктурных ограничений в карельской энергетике относится к сдерживающим факторам улучшения инвестиционного климата республики. Такими ограничениями являются дефицит мощности, ограничение доступа к сетям, высокая степень износа энергогенерации и сетевой инфраструктуры. Преодоление указанных ограничений предполагается за счет решения определенных задач. В первую очередь, необходимо модернизировать генерирующие мощности и сетевую инфраструктуру региона. При этом магистральным направлением развития карельской энергогенерации должно стать освоение возобновляемых источников энергии. Республика обладает значительным потенциалом в области альтернативной энергетики (малая гидроэнергетика, ветроэнергетика, биотопливные ресурсы). В статье проведено сравнительное исследование различных видов альтернативных источников электроэнергии и обозначены доводы в пользу необходимости дальнейшего развития как «зеленой», так и традиционной электроэнергетики в регионе. На основе анализа экономических показателей, характеризующих затратную составляющую в сфере создания и функционирования объектов электроэнергетики, сделан вывод о том, что отдельные возобновляемые источники энергии в республике должны создаваться для снабжения малых децентрализованных потребителей. Вторая задача

по преодолению ограничений в энергетической инфраструктуре Карелии предполагает стимулирование энергосбережения и повышение энергоэффективности. Республика Карелия относится к энергоемким регионам. Мероприятия по росту энергоэффективности и энергосбережению могут дать значительную экономию использования энергоресурсов. С учетом того, что основная часть энергопотребления Карелии приходится на промышленные предприятия, уменьшение энергоемкости производств способно серьезно снизить энергодефицит республики и сформировать благоприятную среду для развития новых предприятий в сфере туризма, лесопромышленного комплекса, добывающей промышленности.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Привлечение инвестиций в Республику Карелия (далее — РК) в последние годы является приоритетом экономической политики республиканского Правительства. Свидетельством некоторого улучшения инвестиционного климата в Карелии являются результаты рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России, ежегодно проводимого рейтинговым агентством «Эксперт РА»: по результатам 2013 и 2012 гг. уровень рейтинга РК составил ЗВ1 (пониженный потенциал — умеренный риск), хотя в 2011 г. республике был присвоен более низкий рейтинг ЗС1 (пониженный потенциал — высокий риск) [3].

Наблюдающаяся в последние годы стабилизация рейтинговых позиций Карелии по инвестиционной привлекательности хоть и свидетельствует о преодолении на данном этапе опасности негативного развития ситуации, но вместе с тем невысокий рейтинг является индикатором наличия сдерживающих факторов улучшения инвестиционного климата в республике.

Одним из основных моментов, который сдерживает потенциальных инвесторов, является слабо развитая инфраструктура РК, в том числе и энергетическая. Инвестор не торопится вкладывать свои средства в развитие инфраструктуры, поскольку эти вложения могут в разы перекрывать стоимость строительства самих производств, а говорить о рентабельности проекта в таком случае уже и не приходится.

Какие же существуют проблемы в энергетической инфраструктуре РК и каковы пути их решения? Карелия — энергодефицитный регион: республика обеспечивает лишь половину потребности в электрической энергии за счет собственной генерации. Например, в 2012 г. было потреблено 8,8 млрд кВт · ч электроэнергии, при этом собственное производство составило только 5,1 млрд кВт · ч (рис. 1).

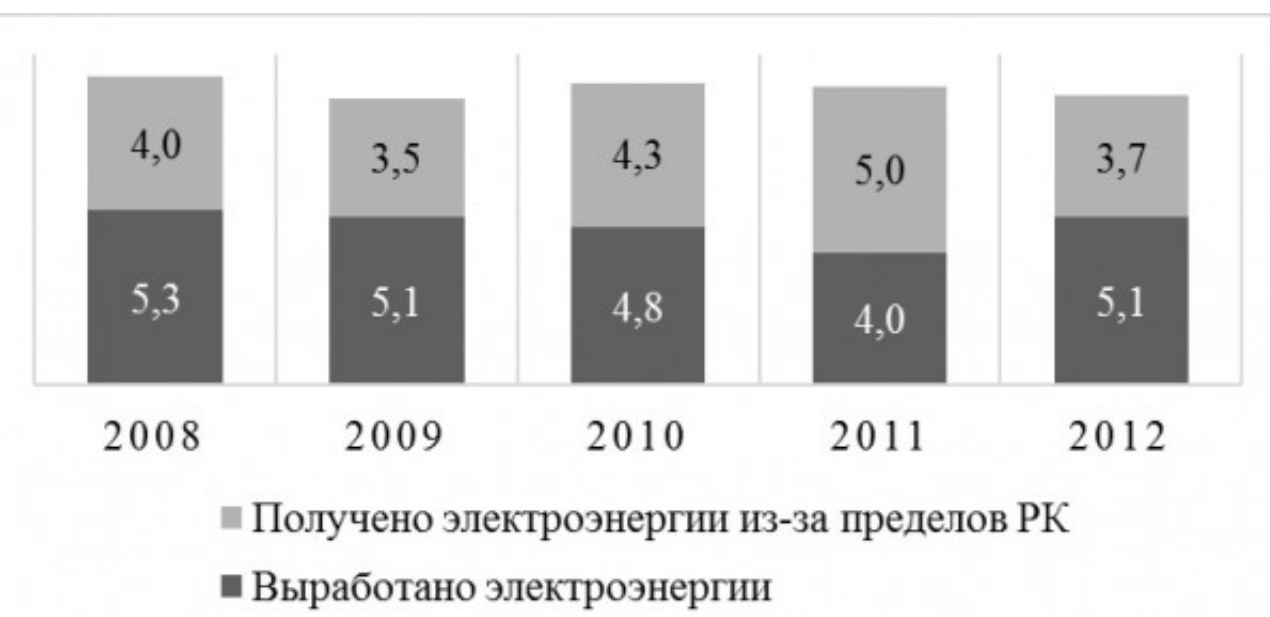

Рис. 1. Баланс электроэнергии энергосистемы РК, млрд кВт · ч [9]

Новые же мощности в РК практически не вводятся, ряд проектов заморожен. Вместе с тем многие действующие объекты энергогенерации характеризуются значительным износом. Более того, организация перетоков электрической энергии из соседних энергосистем для покрытия энергодефицита в последние годы становится все сложнее — пропускная способность существующих линий электропередачи практически исчерпана. Помимо всего прочего, слабое развитие и значительный износ внутрирегиональных магистральных и распределительных электрических сетей (табл. 1) приводят к ограничениям на новое подключение как производителей, так и потребителей электроэнергии. Многие карельские предприниматели, особенно начинающие, сталкиваются с проблемой дороговизны и длительности сроков подключения тех или иных объектов бизнеса к электрическим сетям.

Таблица 1

Износ объектов электросетевого хозяйства на 1 января 2013 г. [7]

<i>Компания</i>	<i>Износ</i>
Филиал ОАО «ФСК ЕЭС» — Карельское ПМЭС	Эксплуатируется свыше нормативного срока службы 24 % всей протяженности линий электропередачи; воздушные линии электропередачи сроком службы более 30 лет составляют около 60 % от общего количества
Филиал ОАО «МРСК Северо-Запада» «Карелэнерго»	Эксплуатируется свыше нормативного срока службы 13 % всей протяженности линий электропередачи; в течение 2013—2018 гг. будет полностью амортизировано 19 % всей протяженности линий электропередачи

Для разрешения сложившейся в карельской энергетике ситуации необходимо строить новые и модернизировать старые сети, реконструировать действующие объекты энергогенерации. Этот процесс уже идет, ведутся и ремонтные работы.

Например, что касается строительства сетей, то в настоящее время ОАО «ФСК ЕЭС» реализует крупный проект «Северный транзит», соединяющий объекты Кольской и Карельской энергосистем, со строительством через Карелию второй магистральной линии электропередачи. В 2015—2016 гг. линию предполагается подвести с севера к Петрозаводску, что обеспечит республику дополнительной энергетической мощностью и позволит реализовать здесь новые инвестиционные проекты [10].

Вместе с тем все это лишь частичное решение проблемы — основной упор должен быть сделан на развитие генерации, а также на повышение энергосбережения и энергоэффективности. При этом магистральным направлением развития карельской энергогенерации должно стать внедрение так называемой альтернативной (нетрадиционной, или «зеленой») энергетике, которая подразумевает использование экологически чистых возобновляемых источников энергии (далее — ВИЭ).

В целом у альтернативной энергетике есть как сторонники, так и противники. По словам генерального директора Фонда национальной энергетической безопасности К. Симонова, «один из главных аргументов сторонников возобновляемой энергетике... вся Европа, весь мир занимается возобновляемой энергетикой, а мы существенно отстаем, поэтому нам нужно срочно, срочно компенсировать это отставание» [8]. Симонов говорит о том, что «в Европе абсолютно другая ситуация с точки зрения генерации электроэнергии. Европа — дефицитный по углеводородам регион. Европа закупает нефть, газ, уголь за рубежом, т. е. в целом она сталкивается с необходимостью импорта первичных энергоносителей и пытается найти способы производства электроэнергии на своей территории. При этом опыт европейцев довольно неудачный. В смысле цены, кстати, тоже... у нас совсем другая ситуация в энергетике. Мы — крупнейшие в мире производители нефтегазового сырья» [8].

В свете вышесказанного стремление развивать альтернативную энергетику выглядит не более чем модной тенденцией. Более того, электростанции, работающие на нетрадиционных источниках энергии, в большинстве случаев проигрывают традиционным электростанциям по экономическим показателям (табл. 2), а также по величине коэффициента использования установленной мощности, что в целом удорожает стоимость вырабатываемой энергии и снижает привлекательность нетрадиционной энергетики для инвесторов.

Таблица 2

**Существующие и перспективные стоимостные ориентиры
в области различных источников энергии [1; 7]**

Источник энергии	Капитальные вложения, долл./кВт		Себестоимость производства, цент/кВт · ч	
	2005 г.	2030 г.	2005 г.	2030 г.
Биомасса	1000-2500	950-1900	3,1-10,3	3,0-9,6
Малая гидроэнергетика	2500	2200	5,6	5,2
Приливная энергетика	2900	2200	12,2	9,4
Традиционная гидроэнергетика	1500-5500	1500-5500	3,4-11,7	3,4-11,5
Наземная ветроэнергетика	900-1100	800-900	4,2-22,1	3,6-20,8
Морская ветроэнергетика	1500-2500	1500-1900	6,6-21,7	6,2-18,4
Атомная электростанция	1500-1800	-	3,0-5,0	-
Теплоэлектростанция на угле	1000-1200	1000-1250	2,2-5,9	3,5-4,0
Теплоэлектростанция на газе	450-600	400-500	3,0-3,5	3,5-4,5

Противники «зеленой» энергетики также указывают на нестабильность альтернативных источников и, как следствие, на необходимость дублировать нетрадиционные электростанции мощностями традиционной энергетики. Так, если удаленный изолированный потребитель использует, например, ветровую энергоустановку, у него в резерве должен быть дизельный генератор и запас топлива для его работы на случай, если ветер перестанет дуть [2; 83].

Однако существует неоспоримый довод в пользу развития альтернативной энергетики. В настоящее время Россия является страной-экспортером нефтегазового сырья и в целом не испытывает дефицита топливно-энергетических ресурсов (хотя перед отдельными регионами проблема дефицита топлива стоит весьма серьезно). Но традиционные топливно-энергетические ресурсы исчерпаемы, их легкодоступные запасы уже отработаны, и себестоимость их добычи будет только увеличиваться. Таким образом, рано или поздно в России возникнет необходимость диверсификации первичных источников энергии за счет более широкого освоения альтернативных энергетических ресурсов.

Роль традиционной и альтернативной энергетики в энергоснабжении регионов определяется ее преимуществами и недостатками. Тот или иной вид энергетики развивается там, где это целесообразно.

РК обладает значительным потенциалом в области ВИЭ. Однако в подобных Карелии регионах с централизованным энергоснабжением, в которых присутствуют крупные промышленные узлы и в которых исторически упор делался на создание крупных электростанций (преимущественно тепловых и/или гидроэнергетических), еще долго важную роль будет играть традиционная электроэнергетика.

В свою очередь, отдельные ВИЭ в РК могут создаваться для снабжения малых потребителей, удаленных от промышленных узлов и не подключенных к сети линий электропередачи. Их централизованное энергоснабжение нецелесообразно, поскольку оно потребовало бы строительства протяженной и дорогой инфраструктуры по передаче энергии, а в процессе передачи происходили бы ее высокие потери. А эффективность альтернативной энергетики повышается именно для локальных и инфраструктурно удаленных объектов с относительно небольшим энергопотреблением, но с ростом масштабов потребностей себестоимость производства будет возрастать непропорционально быстро.

Для начала рассмотрим имеющиеся возможности развития карельской энергогенерации (и с позиции устранения энергодефицита, и с позиции использования ВИЭ в Карелии).

Однако здесь надо оговориться, что если потребление электроэнергии в РК будет резко увеличиваться, например с началом разработки месторождений Пудожского района, то тогда уже может возникнуть необходимость в наращивании собственной генерации. Но при текущем объеме потребления электроэнергии (рис. 2) обеспечения за счет перетоков хватает.

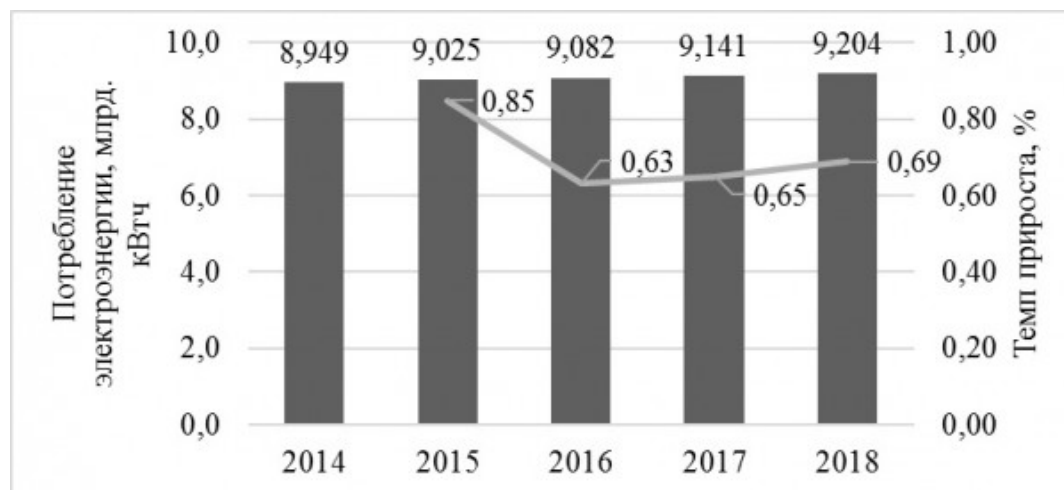

Рис. 2. Среднесрочный прогноз потребления электроэнергии в РК [7]

Тем не менее гибкость поставок с точки зрения разнообразия источников, вне всяких сомнений, имеет большое значение для регионального развития. Поэтому доступ к чистым, надежным и диверсифицированным источникам энергоснабжения по конкурентной цене считается важным фактором региональной конкурентоспособности.

Развитие малой гидроэнергетики в РК представляется очень важным, поскольку суммарный потенциал малых рек в Карелии составляет около 600 МВт (а это половина существующих сейчас мощностей). Для роста объемов малой гидрогенерации на территории РК в 2008 г. было заключено Соглашение о сотрудничестве в области электроэнергетики между Правительством РК и ЗАО «Норд Гидро». В рамках настоящего соглашения ЗАО «Норд Гидро» планирует в срок до 2015 г. ввести в эксплуатацию объекты гидрогенерации на территории республики общей мощностью 100 МВт. Суть проекта состоит в том, что ряд малых гидроэлектростанций (далее — ГЭС), введенных в эксплуатацию еще в начале прошлого века и на сегодняшний день морально и технически устаревших, предлагается реконструировать, увеличив, таким образом, генерируемую ими электрическую мощность в разы.

Также в 2014 г. компания «Норд Гидро» подписала Соглашение с карельским Правительством о реализации мероприятий по подготовке к празднованию 100-летия образования республики. Предметом данного соглашения стало сотрудничество сторон в области реализации инвестиционных проектов по строительству малых ГЭС на территории региона. ЗАО «Норд Гидро» при поддержке Правительства Карелии планирует ввести в эксплуатацию еще 5 гидроэлектростанций, суммарной мощностью более 55 МВт до 2020 г.

При этом компания уже успешно реализовала 2 проекта по строительству малых ГЭС на территории Карелии: МГЭС «Ляскеля» в Питкярантском районе и МГЭС «Рюмякоски» в Сортавальском районе. Ввод в эксплуатацию третьего объекта в регионе и первого объекта в рамках подписанного Соглашения – МГЭС «Каллиооски» в Сортавальском районе планируется компанией уже в конце ноября 2014 г.

Ветроэнергетический потенциал РК относительно скромнен, если сравнивать, например, с Мурманской областью. Тем не менее в апреле 2012 г. состоялось подписание соглашения между Правительством Карелии и компанией «ВЭС» о сотрудничестве в области ветроэнергетики. В соответствии с соглашением, ветроэлектростанции (далее — ВЭС) появятся в Кемском и Беломорском районах, их строительство и ввод в эксплуатацию намечено на период с 2014 по 2016 г. Всего планируется построить восемь ВЭС — по 4 в каждом районе. Суммарная мощность всех ВЭС, таким образом, составит 192 МВт, что будет достаточно весомой добавкой для карельской электрогенерации [5; 23].

Следует отметить, что планы по размещению в РК достаточно крупных ВЭС были и раньше: планировалось построить четыре ВЭС: Валаамскую ВЭС, ВЭС в поселке Валдай, Беломорскую ВЭС, а также Морскую ВЭС под г. Кемь. По определенным причинам ни один из этих проектов не был реализован. На острове Валаам вместо ВЭС была построена дизельная станция, а остальные объекты так и остались на этапе проектирования.

Несмотря на то что новые ВЭС, как и малые ГЭС, не решат полностью проблему энергодефицита,

однако они в любом случае поспособствуют ее решению, что к тому же частично диверсифицирует карельскую электроэнергетику.

Однако если ставить задачу ликвидации энергодефицита Карелии, то упомянутых выше проектов явно недостаточно. При этом существуют перспективные, но пока не имеющие точной даты реализации проекты генерации электроэнергии на территории Карелии (табл. 3).

Таблица 3

Потенциал развития энергогенерации в РК [4; 6]

<i>Проект</i>	<i>Мощность, МВт</i>	<i>Отпуск электроэнергии, млн кВт · ч</i>
Расширение Петрозаводской теплоэлектростанции	180,0	1000,0
Белопорожская ГЭС на р. Кемь	130,0	328,0
Сегозерская ГЭС	24,0	76,3
Морская ГЭС в устье р. Кемь	33,0	115,0
Каскад малых ГЭС на р. Чирка-Кемь	29,6	168,0
Каскад малых ГЭС на р. Водла	40,8	165,4
<i>Итого</i>	<i>437,4</i>	<i>1852,7</i>

Вышеупомянутые проекты энергообъектов, совместно с ростом перетоков электроэнергии из соседних энергосистем в связи с освобождением «запертых» мощностей, теоретически могли бы суммарно дать около 5,6 млрд кВт · ч. Этого, возможно, хватило бы и на сценарий роста потребления электроэнергии с учетом Пудожского проекта, оцениваемое годовое потребление которого составит от 4 до 6 млрд кВт · ч, но только в том случае, если реализуются нижние значения потребления. Если потребление проекта вырастет до верхних значений, то тогда ни освобожденных мощностей, ни новых проектов генерации уже не хватит. В таком случае необходимо будет либо увеличивать объемы перетоков электроэнергии, либо строить крупный (по карельским масштабам) энергообъект. Вообще говоря, о строительстве такого объекта — Медвежьегорской теплоэлектростанции — присутствует в «Генеральной схеме размещения объектов электроэнергетики до 2020 г.», в которой говорится о вводе к 2020 г. от одного до четырех энергоблоков по 660 МВт. Однако никаких других упоминаний об этом объекте в печати нет, и, соответственно, найти больше подробностей о нем не удалось.

Завершая разговор о генерации электроэнергии, отметим один факт: основным видом топлива на электростанциях энергосистемы в 2012 г. являлся природный газ, доля которого в топливном балансе составляла 72 % (на долю мазута и дизельного топлива приходилось 11 %, прочие виды топлива — в основном отходы деревообработки — составляли 17 %). Соответственно, в качестве приоритетного направления развития топливно-энергетического комплекса Правительством РК определено максимальное снижение зависимости республики от привозных видов топлива (каменный уголь и нефтепродукты) за счет увеличения доли использования собственных топливно-энергетических ресурсов (древесина, торф). В целях реализации указанного направления в 2009 г. была разработана «Региональная стратегия развития топливной отрасли Республики Карелия на основе местных энергетических ресурсов на 2011—2020 гг.».

Одной из основных причин разработки стратегии послужила экономическая целесообразность использования местных видов топлива. Так, цены на традиционные топливно-энергетические ресурсы нестабильны, а удельный вес затрат на потребление этих ресурсов в себестоимости продукции отраслей промышленности, сельского хозяйства, транспорта, расходах на личное потребление населения в последние годы велик, что, в свою очередь, оказывает отрицательное влияние на жизненный уровень населения и на конкурентоспособность производимой с использованием углеводородного сырья продукции.

В целях осуществления мероприятий вышеупомянутой стратегии в 2011 г. было подписано Соглашение между Правительством РК и ООО «Энергопит» о сотрудничестве и взаимодействии в рамках реализации инвестиционных проектов в сфере повышения энергетической эффективности использования местных видов топлива в коммунальной энергетике на территориях Питкярантского, Медвежьегорского, Лоухского и Кемского муниципальных районов». В рамках данного соглашения за счет собственных средств ООО «Энергопит» в 2012 г. был реализован проект по строительству в поселке Харлу вместо мазутной котельной биотопливного источника теплоснабжения, предназначенного для сжигания щепы и топливного торфа. Кроме того, другая компания, ООО «Питэр Пит», занимается промышленной добычей торфа в Пряжинском, Суоярвском, Пудожском

муниципальных районах. Например, в 2011 г. ООО «Питэр Пит» была проведена реконструкция центральной котельной в поселке Эссоила с переводом на сжигание местного топлива (торфа, щепы) и т. д.

Можно сказать, что проблема использования биотоплива не первый год занимает умы руководителей разных уровней, научных работников и предпринимателей РК. Такой интерес обусловлен, с одной стороны, значительной долей поставляемых из других регионов газа, каменного угля, нефтепродуктов в структуре потребляемых карельским жилищно-коммунальным хозяйством энергоносителей; с другой стороны, наличием местных источников энергии (отходов деятельности лесопромышленного комплекса и торфа), потребление которых на данный момент крайне мало.

К тому же отдельные крупные карельские предприятия, такие, например, как целлюлозные заводы, могут достаточно эффективно использовать для энергообеспечения собственные вторичные ресурсы (отходы деревопереработки). Таким образом они могли бы не только снизить свои затраты, но и сделать свою продукцию более экологически чистой, что способствовало бы ее продвижению на рынке. К примеру, в РК одним из предприятий, с 2008 г. реализующих программу перехода на энергию древесных отходов, стал «Сегежский ЦБК».

В целом использование древесной биомассы позволило бы уменьшить расходы республики на ископаемое топливное сырье, а также решить вопрос утилизации древесных отходов. Однако в связи с недостаточно развитой инфраструктурой, большими площадями, сложной экономической ситуацией карельские власти и предприятия не имеют достаточных финансовых ресурсов, а развитие биоэнергетики в республике серьезно зависит от иностранных и государственных инвестиций.

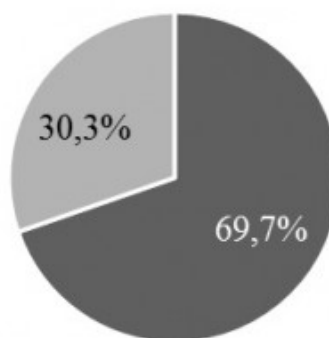
Представляется интересным посмотреть, как обстоят дела с использованием биотоплива у наших финских соседей на примере одной из областей Финляндии — Северной Карелии (табл. 4).

Таблица 4

Общая информация о Республике Карелия (Россия) и о Северной Карелии (Финляндия) по состоянию на 2010 г. [12; 9]

Параметр	Республика Карелия	Северная Карелия
Население, чел.	684 200	165 000
Площадь, км ²	180 500	21 585
Доля территории, покрытая лесами, %	55,0	84,0

В Северной Карелии широко используют ВИЭ, и это положительно сказывается на экономике и окружающей среде. Доля ВИЭ в 2008 г. составляла порядка 70 % общего потребления топливно-энергетических ресурсов (рис. 3, 4).

- ВИЭ (древесные отходы (49,2%), гидроэнергия (9,3%), торф (6,9%) и пр.)
- неВИЭ (нефтепродукты (24,1%), и пр.)

Рис. 3. Структура сводного баланса потребления топливно-энергетических ресурсов в Северной Карелии в 2008 г. [12; 27]

Рис. 4. Структура сводного баланса потребления топливно-энергетических ресурсов в Республике Карелия в 2008 г. [12; 27]

В Северной Карелии существуют четыре программы по развитию биоэнергетики: «Региональная стратегическая программа до 2030 г.» (Regional strategic programme 2030), «Региональная программа развития до 2014 г.» (Regional development programme — РОКАТ 2014), «Биоэнергетическая программа Северной Карелии до 2015 г.» (North Karelia bioenergy programme 2015), «Региональная программа в области климата и энергетики до 2020 г.» (Regional climate and energy Programme 2020). Последняя программа, помимо развития лесной энергетики, включает в себя также другие альтернативные источники энергии: солнце и ветер.

Сравнивая политику в области использования биотоплива в РК и в Северной Карелии, можно заключить, что у обоих регионов достаточно, например, лесных ресурсов, чтобы развивать рынок древесной энергетики. Однако политика, связанная с развитием биоэнергетики, в Северной Карелии является более продуманной, чем в РК.

Даже несмотря на существующие трудности, к которым относится неразвитое законодательство, слабая инфраструктура, отсутствие надежного отечественного оборудования, в РК древесная энергетика постепенно набирает популярность, и, главным образом, потому, что есть значительные природные ресурсы и отличный пример в лице Финляндии, где процесс получения биоэнергии налажен уже давно.

В целом, наличие биотопливных ресурсов, безусловно, является одним из конкурентных преимуществ Карелии, но по ряду объективных, а где-то и субъективных причин республика не спешит им воспользоваться. Одна из главных проблем (помимо вышеупомянутого отсутствия инфраструктуры по транспортировке, переработке отходов и превращению источника энергии в саму энергию) — это наличие схемы газификации РК и, соответственно, отсутствие стимулов для создания новых производств местных видов топлива.

Реализация мероприятий программы газификации субъектов России за счет средств ОАО «Газпром» выступает одним из направлений по привлечению внебюджетных инвестиций в экономику республики. В соответствии с Генеральной схемой газоснабжения и газификации РК, разработанной ОАО «Газпром промгаз», предусматривается газификация районов Северного Приладожья (Олонецкого, Питкярантского, Сортавальского и Лахденпохского муниципальных районов) за счет строительства магистральных газопроводов.

Кроме того, в настоящее время в регионе реализуется долгосрочная целевая программа «Реконструкция, техническое перевооружение и строительство объектов теплоэнергетики на территории Северного Приладожья Республики Карелия на период до 2027 г.». Программа направлена на повышение надежности и качества теплоснабжения потребителей, в том числе посредством перевода котельных на потребление природного газа.

Также в рамках мероприятий по газификации в республике переведены на природный газ и

работают 24 предприятия, такие как Петрозаводская теплоэлектроцентраль, ЗАО «Петрозаводскмаш» и др.

Как же решается противоречие между реализацией мероприятий по газификации РК и расширением использования местных энергетических ресурсов на территории республики? Целесообразно ли внедрять местные виды топлива в целом, если в зоне влияния газопровода окажется значительная часть Карелии, а цены на газ достаточно низки? Ответ заключается в том, что в вышеупомянутой Стратегии развития топливной отрасли РК на основе местных энергетических ресурсов предусмотрены мероприятия по увеличению доли использования местных энергоресурсов в источниках теплоснабжения населенных пунктов республики, не охваченных схемой газификации, а также использование комбинированных котельных, в которых параллельно с сетевым газом возможно сжигание более дешевого местного топлива, что в целом обеспечит повышение надежности и общее уменьшение затрат на выработку тепловой энергии и, соответственно, ее удешевление.

Стоит отметить, что, в настоящее время для РК газификация — это оправданная «терапия», направленная на создание энергетически безопасного, экологически чистого региона. Однако есть повод задуматься: а не получится ли так, что цена на газ возрастет, когда вся инфраструктура для его потребления в республике будет уже построена? Возможно, надо не сидеть на газовой «игле», не пытаться выкачивать сырье, а пытаться инвестировать средства в создание различных энергосберегающих технологий?

В связи с вышесказанным перейдем ко второй составляющей решения проблемы энергодефицита РК — росту энергосбережения и энергоэффективности.

На сегодняшний день карельские потребители очень энергоемки (табл. 5, рис. 5), поэтому без эффективных мер по энергосбережению и применению соответствующих технологий не обойтись.

Таблица 5

Энергоемкость ВРП субъектов РФ в 2012 г. [11]

№	Субъект РФ	Энергоемкость ВРП, кг условного топлива / 10 тыс. руб.
1	Москва	36,79
2	Сахалинская область	72,96
...		
67	Республика Карелия	290,40
...		
82	Липецкая область	596,45
83	Республика Хакасия	957,23

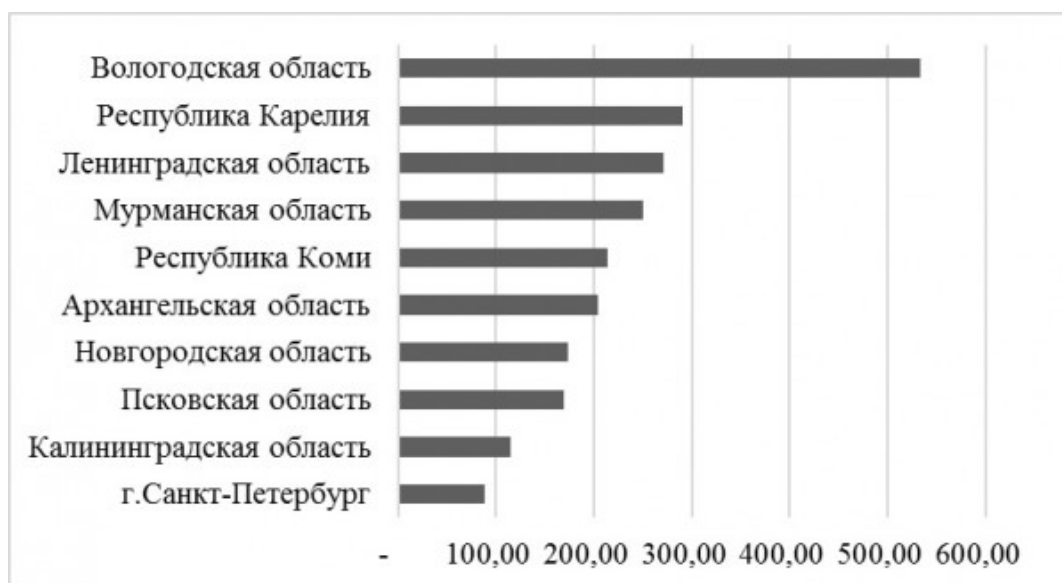

Рис. 5. Энергоемкость ВРП по Северо-Западному федеральному округу России в 2012 г., кг условного топлива / 10 тыс. руб. [11]

В целях повышения эффективности использования топливно-энергетических ресурсов и перевода экономики РК на энергосберегающий путь развития, в 2010 г. была разработана Региональная программа по энергосбережению и повышению энергетической эффективности на период до 2020 г. Одним из основных результатов осуществления мероприятий данной программы должно стать сокращение энергоемкости ВРП к 2020 г. не менее чем на 34,9 %. К настоящему времени экономия энергоресурсов обеспечена в сумме более 940 млн руб., показатель энергоемкости ВРП снижен на 12,6 % к показателю 2011 г., и на 13,6 % — к началу реализации программы [6].

Мероприятия по повышению энергоэффективности и энергосбережению в комплексе могут дать экономию использования энергоресурсов до 30 %. А учитывая тот факт, что 70 % энергопотребления РК приходится на долю промышленных предприятий, уменьшение энергоемкости производств даже на одну треть способно серьезно снизить энергодефицит республики.

В заключение можно сказать, что, безусловно, наличие инфраструктурных ограничений в карельской энергетике, как регионального характера — недостаточный уровень развития и высокая степень износа энергогенерации и сетевой инфраструктуры, дефицит электроэнергии, так и локального — слабая обеспеченность потенциальных промышленных площадок региона энергетической инфраструктурой, относится к сдерживающим факторам улучшения инвестиционного климата РК.

Учитывая обозначенные выше ограничения, целесообразно утверждать, что основной целью развития энергетической инфраструктуры должно стать обеспечение надежного энергоснабжения на всей территории республики.

Достижение поставленной цели предполагается за счет решения таких задач, как развитие и модернизация собственных генерирующих мощностей и сетевой инфраструктуры, освоение ВИЭ, стимулирование энергосбережения и повышение эффективности использования топливно-энергетических ресурсов.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безруких П. П. О стоимостных показателях энергетических установок на базе ВИЭ [Электронный ресурс]. URL: http://www.energystrategy.ru/stat_analit/stat_analit.htm, свободный (дата обращения: 08.11.2014).
2. Гасникова А. А. Роль традиционной и альтернативной энергетики в регионах Севера // *Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз*. 2013. № 5. С. 77—88.
3. Инвестиционные рейтинги регионов России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions>, свободный (дата обращения: 08.11.2014).
4. Карельская АЭС-3 [Электронный ресурс]. URL: http://pv.karelia.ru/files/archive/108_6-9.pdf, свободный (дата обращения: 08.11.2014).
5. Новые ВЭС в Карелии [Электронный ресурс]. URL: http://pv.karelia.ru/files/archive/101_23.pdf, свободный (дата обращения: 08.11.2014).
6. О результатах реализации первого и второго этапов Региональной программы по энергосбережению и повышению энергетической эффективности на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: http://pv.karelia.ru/files/archive/106_22-23.pdf, свободный (дата обращения: 08.11.2014).
7. Об одобрении Схемы и Программы перспективного развития электроэнергетики Республики Карелия на период до 2018 года : распоряжение Правительства Республики Карелия от 27.06.2013. № 410р-П [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW904;n=34636>, свободный (дата обращения: 08.11.2014).
8. Симонов К. Хорошо ли русскому то, что хорошо европейцу? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.energystate.ru/news/4339.html>, свободный (дата обращения: 08.11.2014).
9. Электробаланс Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/ru/statistics/enterprises/production, свободный (дата обращения: 08.11.2014).
10. Энергодефицит Карелии восполнит «Северный транзит» [Электронный ресурс]. URL: <http://old.rk.karelia.ru/news/energodeficitsit-karelii-vozpoinit-severnyiy-tranzit>, свободный (дата обращения: 08.11.2014).
11. Энергоемкость ВРП субъектов РФ за 2012 год [Электронный ресурс]. URL:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency, свободный (дата обращения: 08.11.2014).

12. Munoz I. Comparison of Wood Based Energy Related Policies in Russia and Finland: Case Study of the Republic of Karelia and North Karelia / I. Munoz, V. Goltsev [Electronic resource]. URL: <http://www.metla.fi/julkaisut/workingpapers/2012/mwp225.htm> (дата обращения 08.11.2014).

REFERENCES

1. Bezrukikh P. P. On the cost parameters of power plants based on RES. [O stoimostnykh pokazatelyakh energeticheskikh ustanovok na baze VIE]. Institute of Energy Strategy. [Institut energeticheskoy strategii], 09.06.2010. (http://www.energystrategy.ru/stat_analit/stat_analit.htm). Accessed 08.11.2014.
2. Gasnikova A.A. The role of conventional and alternative energy in the regions of the North. [Rol' traditsionnoy i al'ternativnoy energetiki v regionakh Severa]. Economic and social changes: facts, trends, forecast. [Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz]. 2013. № 5 (29). P. 77–88.
3. Russian regions investment appeal rating [Investitsionnye reytingi regionov Rossii]. (<http://www.raexpert.ru/ratings/regions>). Accessed 08.11.2014.
4. Karelian NPP-3. [Karel'skaya AES-3]. Industrial Bulletin of Karelia. [Promyshlennyy vestnik Karelii]. (http://pv.karelia.ru/files/archive/108_6-9.pdf). Accessed 08.11.2014.
5. New WPP in Karelia. [Novye VES v Karelii]. Industrial Bulletin of Karelia. [Promyshlennyy vestnik Karelii]. (http://pv.karelia.ru/files/archive/101_23.pdf). Accessed 08.11.2014.
6. On the results of the first and the second phases of the Regional Programme on energy saving and energy efficiency for the period up to 2020. [O rezul'tatakh realizatsii pervogo i vtorogo etapov Regional'noy programmy po energosberezheniyu i povysheniyu energeticheskoy effektivnosti na period do 2020 g.]. Industrial Bulletin of Karelia. [Promyshlennyy vestnik Karelii]. (http://pv.karelia.ru/files/archive/106_22-23.pdf). Accessed 08.11.2014.
7. Order of the Government of the Republic of Karelia d.d. 27.06.2013 № 410o-G «On approval of the Scheme and the Programme of the future development of the power industry of the Republic of Karelia for the period up to 2018». [Rasporyazhenie Pravitel'stva Respubliki Kareliya ot 27.06.2013 № 410r-P «Ob odobrenii Skhemy i Programmy perspektivnogo razvitiya elektroenergetiki Respubliki Kareliya na period do 2018 goda»]. ConsultantPlus. [Konsul'tantPlyus]. (<http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW904;n=34636>). Accessed 08.11.2014.
8. Simonov K. Is it good for Russians that is good for Europeans? [Khorosho li russkomu to, chto khorosho evropeytsu?]. National Energy Security Fund. [Fond natsional'noy energeticheskoy bezopasnosti], 23.04.2013. (<http://www.energystate.ru/news/4339.html>). Accessed 08.11.2014.
9. Power balance of the Republic of Karelia [Elektrobalans Respubliki Kareliya]. (http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/ru/statistics/enterprises/production). Accessed 08.11.2014.
10. «North transit» will fill the energy deficit of Karelia [Energodefitsit Karelii vospolnit «Severnyy tranzit»]. Internet journal «The Republic of Karelia». [Internet-zhurnal «Respublika Kareliya»], 27.11.2012. (<http://old.rk.karelia.ru/news/energodefitsit-karelii-vopolnit-severniiy-tranzit>). Accessed 08.11.2014.
11. The energy intensity of GRP of the subjects of the Russian Federation for 2012 [Energoemkost' VRP sub"ektov RF za 2012 god]. (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency). Accessed 08.11.2014.
12. Munoz I., Goltsev V. Comparison of Wood Based Energy Related Policies in Russia and Finland: Case Study of the Republic of Karelia and North Karelia, 2012. (<http://www.metla.fi/julkaisut/workingpapers/2012/mwp225.htm>). Accessed 08.11.2014.

*

*

*

*

*

*

rav@sampo.ru

*

alekhanova@gmail.com

УДК 338.24.021.8

Программно-целевой метод бюджетного планирования в государственном финансовом управлении регионом

**ШОБЕЙ
Лариса
Геннадьевна**

*старший преподаватель,
кафедра экономики и финансов
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, l_shobey@mail.ru*

**ВОЛК
Диана
Олеговна**

*магистр,
экономический факультет,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, artemidav@yandex.ru*

Ключевые слова:

региональный бюджет
бюджетирование
ориентированное на результат (БОР)
программно-целевой метод
бюджетное планирование
государственная программа

Аннотация:

В статье рассмотрены теоретические аспекты и практический опыт внедрения программно-целевого метода бюджетного планирования на уровне регионов России. Раскрыты понятие, принципы, инструменты системы бюджетирования, ориентированного на результат, его место в государственном финансовом управлении. Основное внимание уделено государственным программам как главному инструменту реализации программно-целевого метода. Изучив процесс внедрения программно-целевого метода в практику государственного финансового управления на уровне регионов, мы выявили проблемы и «узкие места», с которыми столкнулись органы власти субъектов Российской Федерации. Объектом для более глубокого анализа выступила Республика Карелия, а базой для анализа послужили данные Министерства финансов Республики Карелия. Выявлены особенности применения программно-целевого метода в бюджетной практике Республики Карелия, а также проблемы, которые, как показал анализ, присущи большинству регионов России. Исследование опыта реализации данного метода в Республике Карелия позволяет сделать вывод о наличии прямой зависимости между эффективностью использования бюджетных ресурсов, применением программно-целевого метода бюджетного планирования и качеством государственного финансового менеджмента. Государственный финансовый менеджмент в свою очередь является одним из ключевых факторов роста и развития региональной экономики и социальной сферы, роста качества жизни населения. В связи с этим необходимо продолжать работу по внедрению программно-целевого метода бюджетного планирования на уровне регионов с учетом ряда требований, соблюдение которых обеспечит эффективность применения этого метода в бюджетной практике.

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Основной целью любого современного демократического государства является рост качества и уровня жизни населения, главным фактором которого является эффективное государственное финансовое управление и качественное бюджетное планирование.

В большинстве стран мира под качественным бюджетным планированием понимается бюджетирование, ориентированное на результат, основным инструментом которого выступает программно-целевой метод. Мировой опыт стран с развитой бюджетной системой (США, Канада, Великобритания, Австралия, Франция, Швеция) показал, что масштабное применение программно-целевого метода бюджетного планирования повышает гибкость в управлении бюджетными ресурсами, способствует минимизации затрат и повышению эффективности предоставления государственных услуг, а также обеспечивает большую прозрачность и открытость бюджета [19]. В силу этого актуальной и приоритетной целью Правительства Российской Федерации является внедрение программно-целевого подхода на всех уровнях бюджетной системы. Для регионов и муниципальных образований внедрение данного метода имеет особую важность, поскольку их услуги максимально приближены к населению и определяют качество его жизни, а бюджетные расходы стимулируют развитие региональной экономики и социальной сферы. Поэтому рассмотрение роли программно-целевого метода и изучение опыта его реализации в региональном финансовом управлении является актуальной задачей современных научных исследований.

Переход на новый уровень управления общественными финансами в Российской Федерации стал возможен благодаря проведению бюджетных реформ с 1999 г. по настоящее время. Суть их состоит в смещении акцентов бюджетного процесса от «управления бюджетными ресурсами (затратами)» к «управлению результатами» путем повышения ответственности и расширения самостоятельности участников бюджетного процесса в рамках среднесрочных ориентиров. Достигается это путем внедрения среднесрочного бюджетирования, ориентированного на результат, которое позволяет осуществить переход от бюджетирования со сметным финансированием деятельности к бюджетированию по программам, направленным на достижение измеримых конечных социально-значимых результатов; от планирования на один бюджетный год к планированию на три года. При этом основным инструментом его реализации является программно-целевой метод бюджетного планирования.

В рамках данной работы, ввиду возникновения неопределенности, связанной с внедрением в российскую практику понятия «бюджетирование, ориентированное на результат» (далее БОР), раскроем понятия и взаимосвязь БОР и программно-целевого метода бюджетного планирования.

В экономической литературе понятия «программно-целевое бюджетирование» и «бюджетирование, ориентированное на результат» зачастую отождествляются. Однако, на наш взгляд, это не совсем верно, поскольку «бюджетирование, ориентированное на результат» — понятие более широкое. Оно представляет собой метод планирования, исполнения бюджета и бюджетного контроля, обеспечивающий распределение бюджетных средств исходя из общественной значимости ожидаемых и конкретных результатов их использования с учетом приоритетов государственной экономической политики. В свою очередь планирование расходов бюджетов, с целью предоставления общественных благ, может быть реализовано с помощью различных методов бюджетного планирования. Таким образом, программно-целевой метод является одним из способов реализации системы бюджетирования, ориентированного на результат.

Программно-целевой метод бюджетного планирования основан на системном планировании выделения бюджетных средств на реализацию утвержденных законом или нормативным актом целевых программ. В арсенале программно-целевого метода присутствуют следующие инструменты: федеральные (долгосрочные) целевые программы (далее Ф(Д)ЦП); ведомственные целевые программы (далее ВЦП); государственные программы (далее ГП), государственные программы субъекта РФ, муниципальные программы.

Программно-целевой метод бюджетного планирования расходов способствует соблюдению единого подхода к рациональному использованию средств как для решения наиболее острых проблем государства, региона, муниципального образования, так и является инструментом выравнивания экономического развития отдельных территорий.

Основными предпосылками внедрения программно-целевого метода в бюджетную практику России в 2000-е гг. явились следующие:

1. Расходы за 2000-е гг. существенно выросли, но без увязки с приоритетами, происходил торг за ресурсы и размывание бюджетной дисциплины.
2. Сохранились стимулы увеличения бюджетных расходов, но не были созданы условия для повышения эффективности бюджетных расходов.
3. Стратегическое планирование было слабо увязано с бюджетным планированием, а структура и динамика расходов слабо увязаны с целями государственной политики.
4. Планирование программных и непрограммных расходов, а также капитальных и текущих расходов было методологически не взаимосвязано.

Отметим, что активная фаза разработки государственных программ в РФ началась в последние пять лет в связи с появлением нормативно-правовой и методологической базы, которая включает в себя:

1. Порядок разработки, реализации и оценки эффективности госпрограмм (Постановление Правительства РФ от 02.08.2010 № 588).
2. Методические указания по разработке и реализации госпрограмм (приказ Минэкономразвития России от 26.12.2012 № 817).
3. Перечень государственных программ РФ (распоряжение Правительства РФ от 11.11.2010 №1950-р).
4. Аналитическое распределение расходов федерального бюджета по государственным программам (впервые сформировано в 2010 г. при подготовке проекта ФЗ о федеральном бюджете на 2011—2013 гг.).
5. Федеральный закон от 07.05.2013 № 104-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части совершенствования бюджетного процесса и в отдельные законодательные акты Российской Федерации» («программный» бюджет и бюджетная классификация).

В соответствии с ФЗ № 104 в результате введения в действие новой редакции ст. 179 БК РФ, устанавливающей правовые основания для формирования государственных программ РФ, государственных программ субъектов РФ, муниципальных программ, такие понятия, как ФЦП и ВЦП, потеряли свою актуальность. В рамках указанного выше закона ФЦП и ВЦП, равно, как и любые другие программы и их мероприятия, финансовое обеспечение которых осуществляется за счет средств бюджета, подлежат включению в соответствующую государственную программу.

Государственная программа — система мероприятий и положений, обеспечивающих достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития. Она состоит из подпрограмм и федеральных целевых программ, которые в свою очередь делятся на ведомственные целевые программы и основные мероприятия и воплощаются в виде конкретных действий, реализуемых в рамках государственных (муниципальных) заданий. Деление программы на подпрограммы осуществляется исходя из масштабности и сложности, решаемых в рамках государственной программы задач. Структура государственной программы представлена на схеме 1.

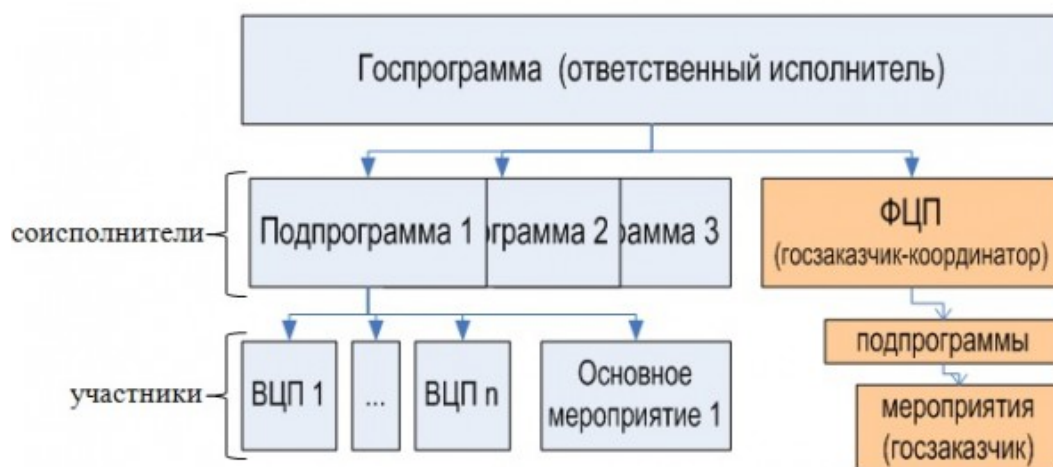

Схема 1. Структура государственной программы

Методические указания по разработке и реализации государственных программ [3] определяют требования к разработке из проектов и подготовке отчетов о ходе их реализации и оценке эффективности, а также порядок проведения Министерством экономического развития мониторинга их

реализации. Перечень государственных программ формируется исходя из целей и индикаторов Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. В перечне зафиксированы наименования программ, ответственные исполнители, соисполнители, а также основные направления реализации по каждой из них.

В Программе повышения эффективности бюджетных расходов [2] определены следующие общие принципы разработки и реализации государственных программ:

1. Формирование госпрограмм исходя из четко определенных долгосрочных целей социально-экономического развития и индикаторов их достижения.
2. Определение органа исполнительной власти, отвечающего за реализацию (достижение конечных результатов).
3. Установление для госпрограмм, как правило, измеримых результатов двух типов: конечных, которые характеризуют удовлетворение нужд внешних потребителей, и непосредственных, которые отражают объемы и качество оказания государственных услуг, прогнозируемых при заданных условиях.
4. Интеграция регулятивных (правоустанавливающих, правоприменительных и контрольных) и финансовых (бюджетных, налоговых, таможенных, имущественных, кредитных, долговых и валютных) инструментов для достижения целей госпрограмм.
5. Наделение органов исполнительной власти и их должностных лиц полномочиями, необходимыми и достаточными для достижения целей программ в соответствии с принципами и требованиями проектного управления;
6. Проведение регулярной оценки результативности и эффективности реализации госпрограмм с возможностью их корректировки или досрочного прекращения, а также установление ответственности должностных лиц в случае неэффективной реализации.

Государственная программа представляет собой инструмент увязки бюджетного и экономического планирования, поэтому в государственном финансовом управлении она занимает особое место. Модель внедрения государственной программы представлена на схеме 2.

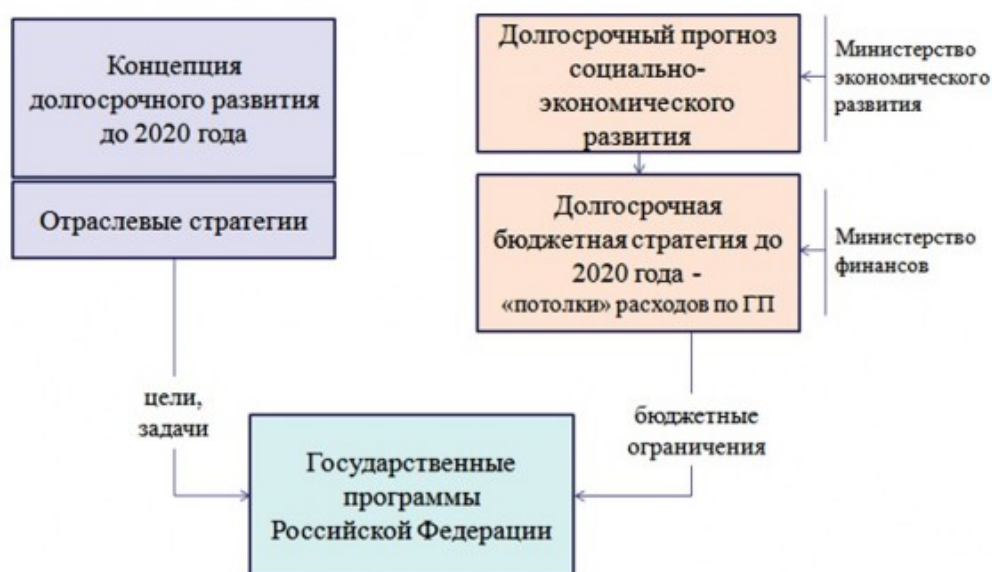

Схема 2. Модель внедрения государственных программ

Таким образом, особенностями государственных программ является то, что они:

- вытекают из долгосрочной стратегии развития и являются инструментом достижения ее целей;
- объединяют все инструменты политики (регулирование, бюджетные расходы) по достижению цели;
- состоят из подпрограмм, могут включать ФЦП;
- реализуются ответственным исполнителем, соисполнителями, которые отвечают за свои подпрограммы, и участниками;
- государственные программы РФ и субъектов РФ, а также муниципальные программы увязаны

друг с другом (субсидии).

В субъектах Российской Федерации первые масштабные попытки практического применения программных принципов бюджетного планирования связаны с реализацией в 2004—2010 гг. программ реформирования региональных финансов, а затем пришедших им на смену программ повышения эффективности бюджетных расходов. В упомянутых программах, в частности, содержались разделы, предусматривающие применение методов и инструментов БОР, во многом совпадающих с программными принципами бюджетного планирования. В настоящее время в органах государственного управления и в экспертном сообществе четко не сформировалось однозначной позиции, каким образом внедрение программного бюджета должно осуществляться на региональном и муниципальном уровнях [22]. Одним из наиболее актуальных вопросов в этой связи является нечеткое понимание того, должны ли субъекты РФ повторять конструкцию государственных программ вышестоящих органов власти. Существуют разные мнения по этому вопросу: некоторые эксперты придерживаются позиции, что в будущем региональные и муниципальные программы должны быть максимально приближены к федеральным программам. Согласно противоположной точке зрения регионам необходимо ориентироваться, в первую очередь, на собственные приоритеты социально-экономического развития, поэтому и программы должны быть различны.

Отметим, что применение государственных программ субъектами РФ осуществляется исключительно по инициативе региональных органов власти. Действующее законодательство не содержит препятствий для реализации данной инициативы, что отмечено в письме Минфина России от 02.04.2012 № 02-16-03/1073 [4] и подтверждается опытом ряда территорий. Кроме того, п. 3 ст. 184.1 Бюджетного кодекса РФ предусмотрена возможность органов государственной власти субъектов Российской Федерации самостоятельно определять целесообразность и сроки перехода к формированию бюджета в программном формате. Таким образом, субъекты РФ самостоятельны в выборе формата бюджета. Так, в Республике Карелия отменены правовые основания для разработки долгосрочных целевых программ.

При этом стоит отметить, что, согласно исследованию качества управления финансами в субъектах РФ, проведенному Минфином России по итогам 2012 г. [5], у 38 регионов доля программных расходов бюджета составляла 50 % и выше (в среднем по России данный показатель равен 46,9 %). В то же время в ряде субъектов РФ доля программных расходов по-прежнему остается на низком уровне и составляет около 5 %. Выделяются и «передовые» регионы, доля программных расходов которых превосходит 80% всех расходов регионального бюджета, к ним относится и Республика Карелия (табл. 1).

Таблица 1

**Удельный вес программной части расходов «передовых регионов»
Российской Федерации в общем объеме расходов бюджета в 2012 г.**

<i>Субъект Российской Федерации</i>	<i>Удельный вес расходов бюджета субъекта Российской Федерации, формируемых в рамках целевых программ, в общем объеме расходов бюджета в отчетном финансовом году (%)</i>
Брянская область	99,40
Чувашская Республика	98,20
г. Москва	92,49
Республика Карелия	91,86
Кабардино-Балкарская Республика	88,19
Республика Саха (Якутия)	87,38

Высокая доля программной части бюджетных расходов у перечисленных выше субъектов Российской Федерации является одной из основных характеристик эффективности использования бюджетных ресурсов и высокого качества государственного финансового менеджмента. Кроме того, как показывает анализ, она в значительной степени определяет качество управления региональными финансами. Так, по результатам проведения Министерством финансов Российской Федерации мониторинга финансового положения и качества управления финансами субъектов РФ и муниципальных образований в 2012 г. установили, что вышеназванные субъекты отнесены к субъектам с высоким или надлежащим¹ качеством управления региональными финансами.

Интересен опыт внедрения программно-целевого метода в Республике Карелия. Необходимость перехода к формированию бюджета Республики Карелия в программном формате была особо подчеркнута в Программе повышения эффективности бюджетных расходов, утвержденной распоряжением Правительства Республики Карелия от 31.12.2010 № 659р-П. В течение последних пяти

лет происходит активный переход на программный принцип формирования бюджета Республики Карелия. Правительством Республики Карелия создается необходимая нормативно-правовая база для перехода к «программному» бюджету. Внедрение в Республике Карелия программного бюджета осуществляется исходя из следующих принципов [6]:

- формирование государственных программ осуществляется на основе долгосрочных целей социально-экономического развития и показателей их достижения, учета положений стратегических документов, утвержденных Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Карелия, отдельных решений Главы Республики Карелия и Правительства Республики Карелия;
- наиболее полного охвата сфер социально-экономического развития и бюджетных ассигнований бюджета Республики Карелия;
- установления для государственных программ измеримых результатов их реализации;
- интеграции государственных регулятивных (правоустанавливающих, правоприменительных и контрольных) и финансовых (бюджетных, налоговых, имущественных, кредитных, долговых) мер для достижения целей государственных программ;
- определения органа исполнительной власти Республики Карелия, ответственного за реализацию государственной программы (достижение конечных результатов);
- наличия у ответственных исполнителей и соисполнителей государственной программы полномочий, необходимых и достаточных для достижения целей государственной программы;
- проведения регулярной оценки эффективности реализации государственных программ с возможностью их корректировки или досрочного прекращения.

Распоряжением Правительства Республики Карелия от 26.09.2012 № 574р-П [9] был утвержден перечень из 18 государственных программ Республики Карелия, сгруппированных по четырем основным направлениям; организована работа по подготовке органами исполнительной власти Республики Карелия государственных программ:

1. Новое качество жизни (8 программ).
2. Инновационное развитие и модернизация экономики (6 программ).
3. Обеспечение безопасности (1 программа).
4. Эффективное государство (3 программы).

В законе Республики Карелия от 20.12.2013 № 1759-ЗПК «О бюджете Республики Карелия на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» было предусмотрено распределение бюджетных ассигнований по двум государственным программам, утвержденным на момент формирования проекта бюджета Республики Карелия.

На сегодняшний день Правительством Республики Карелия утверждены следующие государственные программы:

1. «Развитие агропромышленного комплекса и охотничьего хозяйства Республики Карелия на 2013—2020 годы».
2. «Эффективное управление региональными и муниципальными финансами в Республике Карелия».
3. «Развитие институтов гражданского общества и развитие местного самоуправления, защита прав и свобод человека и гражданина».
4. «Содействие занятости населения в Республике Карелия».
5. «Программа развития здравоохранения в Республике Карелия на 2013—2020 годы».

Согласно представленному к проекту бюджета Республики Карелия на 2014 г. и на плановый период 2015 и 2016 гг. аналитическому распределению бюджетных ассигнований по государственным программам Республики Карелия, расходы бюджета РК в рамках государственных программ (с учетом разработанных проектов) составляют более 94 % общего объема расходов бюджета. Анализ данных показал, что наибольший удельный вес программных расходов в структуре бюджета РК в 2014 г. занимают расходы на «Развитие образования» — 25,81%, «Социальную поддержку граждан» — 25,50 %, «Развитие здравоохранения» — 19,11 %. Это свидетельствует о социальной ориентированности бюджетных расходов, отражает стремление к достижению долгосрочной цели социально-экономического развития республики, а именно: повышению качества жизни населения².

В результате проведенного исследования по показателю удельного веса расходов бюджета

субъекта РФ, планируемых в рамках программ в общем объеме расходов бюджетов субъекта РФ за 2012 г., Республика Карелия занимает лидирующую позицию в Северо-Западном федеральном округе (табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес программных расходов в общем объеме расходов бюджетов субъектов РФ в Северо-Западном федеральном округе в 2012 г.

<i>Субъект Российской Федерации</i>	<i>Доля расходов, формируемая в рамках программ (%)</i>
Республика Карелия	92
Республика Коми	74
Архангельская область	19
Вологодская область	14
Калининградская область	39
Ленинградская область	17
Мурманская область	64
Новгородская область	51
Псковская область	26
г. Санкт-Петербург	21
Ненецкий автономный округ	36
В среднем по Северо-Западному ФО	41

Как было отмечено выше, осуществление качественного бюджетного планирования во многом определяет эффективность государственного управления и бюджетных расходов. Поскольку доля программных расходов в общей структуре расходов бюджета РК превышает 94 %, в связи с этим возникает вопрос об оценке качества бюджетного планирования в Республике: можно ли высокий удельный вес программных расходов рассматривать как критерий качества бюджетного планирования? Ответом на вопрос может стать анализ мониторинга качества финансового менеджмента, проводимый Министерством финансов РК. Годовой мониторинг качества финансового менеджмента в 2013 г. проводился на основе шести групп показателей, удельный вес которых за 9 месяцев 2013 г. следующий: бюджетное планирование — 23,3%; исполнение бюджета Республики Карелия в части расходов — 31,3%; учет и отчетность — 16,4%; контроль и аудит — 16,4%; исполнение судебных актов — 8%; исполнение бюджета Республики Карелия по налоговым и неналоговым доходам — 4,6% [8].

Как видно, наибольший вес при оценке качества финансового менеджмента занимают показатели «Бюджетное планирование» и «Исполнение бюджета в части расходов». За 9 месяцев 2013 г. средняя оценка мониторинга бюджетного планирования с учетом веса группы в оценке показателя составила 20,5 балла (из 23,3 балла), а по показателям «Исполнение бюджета в части расходов» составило 23,3 балла (из 31,3 балла). Средняя итоговая оценка мониторинга качества финансового менеджмента за 9 месяцев 2013 г. составила 84,5 балла по 100-балльной шкале. Таким образом, можно сделать вывод о том, что качество финансового менеджмента во многом определяется и зависит от доли программных расходов. В РК эта доля достаточно высокая, соответственно, и качество финансового менеджмента находится на высоком уровне.

Несмотря на большое количество преимуществ внедрения программного бюджетирования, опыт нескольких лет разработки государственных программ выявил существование целого ряда объективных и субъективных причин, усложняющих реформирование бюджетной системы России, в том числе на региональном уровне [16]. Рассмотрим, какие из проблем, связанных с переходом на программный бюджет, характерны для Республики Карелия (табл. 3).

Таблица 3

Ограничения и проблемы при внедрении программного бюджета в РК

<i>Ограничения/проблемы при внедрении программного бюджета субъектами РФ</i>	<i>Ограничения/проблемы при внедрении программного бюджета в РК</i>
Проблемы при увязке программных бюджетов и документов стратегического планирования	На нормативно уровне такой проблемы не существует, но с точки зрения практики применения выявлено, что цели долгосрочной стратегии социально-экономического развития не в полной мере нашли свое отражение, подкрепление в расходной части бюджета
Нехватка ресурсной базы, например для реализации концепции социально- экономического развития (государственные программы должны быть разработаны «под деньги», которые есть)	Проблема существует
Бесконтрольность расширения количества целевых программ, зачастую пересекающихся между собой по целям, задачам, показателям и основным	В Республике Карелия такой проблемы нет, поскольку четко соблюдается принцип «непересекаемости» программ по целям и задачам.

мероприятиям	
Проблема отражения участия регионов в реализации федеральных программ, а муниципалитетов — в реализации региональных	Проблема существует
Проблема неопределенности вопроса о месте ДЦП и ВЦП в программном бюджете	Проблема существует, и на сегодняшний день она решена таким образом: ДЦП входят в структуру государственных программ в качестве подпрограммы
Проблема формирования непрограммных расходов	В Республике Карелия к непрограммным расходам относят расходы на управление
Необходимость перестройки работы системы органов — «переформатирование мозгов»	Проблема существует
Отсутствие определенной структуры государственных программ: должны ли регионы и муниципалитеты повторять конструкцию госпрограмм вышестоящих уровней власти	Проблема существует: решение — «не должны»
Не проработан механизм предоставления межбюджетных трансфертов (Непонятно, как осуществлять предоставление субсидий, дотаций на выравнивание в рамках одной программы на федеральном и региональном уровнях или другим способом?)	Проблема существует
Неопределенность процедуры оценки эффективности реализации программ	Проблема не существует

Обобщая зарубежную и российскую практику, можно сформулировать ряд требований, соблюдение которых обеспечит эффективность применения программно-целевого метода бюджетного планирования:

1. Программы должны содержать достижимые, точные соответствующие им показатели непосредственных и конечных результатов.
2. Данные показатели должны быть увязаны со стратегическими целями и задачами.
3. Программная классификация должна охватывать все бюджетные расходы.
4. Необходимо организовать эффективную систему контроля за достижением запланированных программами результатов с установлением ответственности руководителей органов государственной власти и местного самоуправления.

Решение указанных задач в перспективе создаст возможность расширить горизонт программно-целевого метода бюджетного планирования, что позволит в еще большей степени обеспечить преемственность и стабильность бюджетной политики, а также повысить эффективность расходов бюджета.

Таким образом, применение программно-целевого метода бюджетного планирования играет большую роль в государственном финансовом управлении регионом. Опыт реализации данного метода в Республике Карелия позволяет сделать вывод о наличии прямой зависимости между эффективностью использования бюджетных ресурсов, качеством государственного финансового менеджмента и использованием программно-целевого метода бюджетного планирования. Процесс внедрения программного бюджета — сложный и длительный процесс. В России, возможно, он займет даже большее время, чем потребовалось многим европейским странам. При его внедрении субъекты сталкиваются с большим количеством проблем и ограничений, что позволяет сделать вывод о том, что формирование целостной системы управления общественными финансами еще не завершено. Не все инструменты, влияющие на качественное улучшение управления общественными финансами, работают в полную силу. Тем не менее уже на данном этапе внедрения программного бюджета можно говорить о его положительном влиянии на государственное финансовое управление регионом.

Особую сложность вызывает не столько изменение технологической составляющей, сколько изменение подхода лиц, вовлеченных в бюджетный процесс, с формального использования программ для обоснования эффективности своей деятельности и получения повышенного финансирования на их использование для структурной перестройки экономики регионов, выявление конкурентоспособных преимуществ территории и их развитие, а также оптимизацию существующих затрат. Очевидно, что успех внедрения этого метода связан, прежде всего, с тем, что оно должно осуществляться в рамках более широких преобразований как в сфере управления общественными финансами, так и в сфере государственного управления в целом. Только в этом случае оно может стать не только способом оптимизации бюджетной системы, механизмом управления территорией, но и катализатором роста ее

конкурентоспособности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Распоряжение Правительства РФ от 30 июня 2010 г. № 1101-р «Об утверждении программы Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года и плана мероприятий по ее реализации в 2010 году» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6639347/>, свободный (дата обращения 15.09.2014).
2. Приказ Минэкономразвития России от 26 декабря 2012 г. № 817 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70198158/>, свободный (дата обращения 14.09.2014).
3. Письмо Минфина РФ от 2 апреля 2012 г. № 02-16-03/1073 «О правовых основаниях утверждения высшими исполнительными органами государственной власти субъектов РФ порядков формирования и реализации государственных программ субъектов РФ» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70199776/>, свободный (дата обращения 15.09.2014).
4. Результаты оценки качества управления региональными финансами в 2012 году [Электронный ресурс]. URL: http://minfin.ru/ru/budget/regions/monitoring_results/monitoring_finance/index.php?id_4=20235, свободный (дата обращения 04.10.2014).
5. Приказ Министерства экономического развития Республики Карелия от 01.04.2013 № 70-А «Методические указания по разработке, реализации и оценке эффективности государственных программ Республики Карелия» [Электронный ресурс]. URL: gov.karelia.ru/gov/Legislation/docs/2013/04/70-a_2.doc, свободный (дата обращения 19.09.2014).
6. Аналитическая записка «О результатах проведения годового мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого главными администраторами средств бюджета Республики Карелия, за 2013 год» [Электронный ресурс]. URL: <http://minfin.karelia.ru/201-6/>, свободный (дата обращения 04.09.2014).
7. Распоряжение Правительства Республики Карелия от 26 сентября 2012 года № 574р-П [Электронный ресурс]. URL: minfin.karelia.ru/assets/Byudzhetskaya-reforma/perechen.doc, свободный (дата обращения 04.09.2014).
8. Зарубежный опыт программно-целевого управления государственными расходами и возможности его адаптации в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rane-brf.ru/conference/2012/marusova.pdf>, свободный (дата обращения 13.09.2014).
9. Обзор международного опыта внедрения бюджетирования, ориентированного на результат [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rostu-comp.ru/content/view/143/>, свободный (дата обращения 24.09.2014).
10. Стародубровская И. В. Бюджетирование, ориентированное на результат, на региональном и муниципальном уровнях : подходы и рекомендации. Москва, 2008. (Научные труды / Ин-т экономики переход. периода; № 119Р). Прил. : Опыт внедрения БОР в г. Череповце / Ананенко С. А.

REFERENCES

1. Order of the Government of the Russian Federation on June 30, 2010 N 1101-r «On Approval of the Program of the Government of the Russian Federation to Improve the Efficiency of Budget Expenditures for the Period up to 2012 and an Action Plan for its Implementation in 2010». [Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 30 iyunya 2010 g. № 1101-r «Ob utverzhdenii programmy Pravitel'stva RF po povysheniyu effektivnosti byudzhetynykh rashodov na period do 2012 goda i plana meropriyatiy po ee realizatsii v 2010 godu»]. [Electronic resource] // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6639347/> (accessed 15.09.2014).
2. Order of the Ministry of Economic Development of Russia on December 26, 2012 № 817 "On Approval of Guidelines for the Development and Implementation of State Programs of the Russian Federation" [Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii ot 26 dekabrya 2012 g. № 817 «Ob utverzhdenii Metodicheskikh ukazaniy po razrabotke i realizatsii gosudarstvennykh programm Rossiyskoy Federatsii»]. [Electronic resource] // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70198158/> (accessed 09/14/2014).
3. Letter from the Ministry of Finance of April 2, 2012 N 02-16-03 / 1073 "On Approval of the Legal Basis for the Supreme Executive Authorities of the Subjects of the Russian Federation the Order of Formation and Implementation of State programs of Subjects of the Russian Federation" [Pismo Minfina RF ot 2 aprelya 2012 g. № 02-16-03/1073 «O pravovykh osnovaniyakh utverzhdeniya vysshimi ispolnitelnymi organami gosudarstvennoy vlasti sub'ektov RF poryadkov formirovaniya i realizatsii gosudarstvennykh programm

- sub'ektov RF»]. [Electronic resource] // URL: <http://base.garant.ru/70199776/> (accessed 15.09.2014).
4. The Results of Evaluation of the Quality of the Regional Finance in 2012 [Rezultaty otsenki kachestva upravleniya regionalnymi finansami v 2012 godu]. [Electronic resource] / Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: http://minfin.ru/ru/budget/regions/monitoring_results/monitoring_finance/index.php?id_4=20235 (accessed 04.10.2014).
  5. Order of the Ministry of Economic Development of the Republic of Karelia from 01.04. 2013 number 70-A, "Guidelines for the Design, Implementation and Evaluation of the Effectiveness of State Programs of the Republic of Karelia" [Prikaz Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Kareliya ot 01.04.2013 № 70-A «Metodicheskie ukazaniya po razrabotke, realizatsii i otsenke effektivnosti gosudarstvennykh programm Respubliki Kareliya»]. [Electronic resource] // URL: gov.karelia.ru/gov/Legislation/docs/2013/04/70-a_2.doc (accessed 09.19.2014).
  6. Policy Paper "On the Results of the Annual Monitoring of the Quality of Financial Management Exercised by the Executive Head of the Budget of the Republic of Karelia for 2013" [Analiticheskaya zapiska «O rezultatakh provedeniya godovogo monitoringa kachestva finansovogo menedzhmenta, osushchestvlyаемого glavnymi administratorami sredstv byudzheta Respubliki Kareliya, za 2013 god»]. [Electronic resource] / Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: <http://minfin.karelia.ru/201-6/> (accessed 04.09.2014).
  7. Decree of the Government of the Republic of Karelia from September 26, 2012 N 574r-P [Rasporyazhenie Pravitel'stva Respubliki Kareliya ot 26 sentyabrya 2012 goda № 574r-P]. [Electronic resource] / Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: minfin.karelia.ru/assets/Byudzhethnaya-reforma/perechen.doc (accessed 04.09.2014).
  8. International Experience Program and Target Public Expenditure Management and its Adaptability in Russia [Zarubezhnyi opyt programmno-tselevogo upravleniya gosudarstvennymi raskhodami i vozmozhnosti ego adaptatsii v Rossii]. [Electronic resource] / Bryansk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the Government of the Russian Federation. URL: <http://www.rane-brf.ru/conference/2012/marusova.pdf> (accessed 13.09.2014).
  9. Review of international experience in implementation of Performance-based budgeting [Obzor mezhdunarodnogo opyta vnedreniya byudzhetrovaniya, orientirovannogo na rezul'tat]. [Electronic resource]. URL: <http://www.rostu-comp.ru/content/view/143/> (accessed 09.24.2014).
  10. Starodubrovskaya I. V. Performance-based budgeting, regional and municipal levels, approaches and recommendations [Byudzhetrovanie, orientirovannoe na rezul'tat, na regionalnom i munitsipal'nom urovnyakh : podkhody i rekomendatsii.]. M. : IET, 2008. 184 p. : ill. (Proceedings / Inst. of Economy in Transition. [Nauchnye Trudy / Inst. perekhod. perioda]. № 119R). Appendix. : Experience of implementing PBB in Cherepovets / Ananenko S. A.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Республика Карелия отнесена к субъектам с надлежащим качеством управления региональными финансами.

[2] Рассчитано по данным Министерства финансов Республики Карелия.

*

*

*

*

*

*

l_shobey@mail.ru

*

artemidav@yandex.ru

УДК 330.322.21

Современная ситуация на рынке лизинга и перспективы его развития в Республике Карелия

ВОРОНЦОВА

**Елена
Андреевна**

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и финансов,
экономический факультет,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, levoron@mail.ru*

АРУТЮНЯН

**Анна
Суреновна**

*студентка 6-го курса экономического факультета,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, anna.haru.92@mail.ru*

Ключевые слова:

лизинг
государственная поддержка
Республика Карелия

Аннотация:

Во всем мире используется такой своеобразный инструмент финансирования основных фондов, как лизинг. Преимущества лизинга позволяют ему эффективно конкурировать с банковским кредитованием. Кроме того, лизинг можно рассматривать как средство стимулирования инвестиционной активности, что объясняет заинтересованность государства в развитии лизингового бизнеса. Российский лизинговый рынок в 2013 г. занимал четвертое место в Европе по новому продукту. Однако последние тенденции рынка свидетельствуют о некотором спаде на фоне ухудшающихся макроэкономических показателей РФ. Особенно тяжелым для лизингового бизнеса стал 2014 г. В статье рассматриваются проблемы и тенденции развития лизинга в России. Анализируется региональная структура рынка лизинга. Сделана попытка выяснить причины неравномерного развития рынка лизинга по регионам. По нашему мнению, одним из важных факторов, влияющих на лизинговый рынок, является государственная поддержка. В качестве примера рассматривается наличие в региональных программах развития малого и среднего предпринимательства такой меры, как субсидирование при уплате первого взноса по договору лизинга и возмещение части лизинговых платежей, Республика Карелия приводится как регион с высокой степенью износа основных средств, где отсутствуют региональные программы государственной поддержки лизинга.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

В современной практике финансирования основных фондов предприятий, наряду с банковским кредитом, важное место занимает лизинг. При этом приобретение имущества в лизинг имеет ряд преимуществ по сравнению с получением кредита:

1. Объем документов и срок рассмотрения заявки на получение одобрения по лизингу меньше, чем

- при кредитовании.
2. Предприятию проще получить имущество в лизинг, чем кредит на его приобретение, так как лизинговое имущество обычно выступает в качестве залога и дополнительного обеспечения не требуется.
  3. Лизинговое соглашение более гибкое, обеим сторонам предоставляется возможность выработать удобную схему выплат, которая может изменяться в течение действия договора по согласованию сторон.
  4. Уплата лизинговых платежей начинается с момента начала использования лизингополучателем предмета лизинга, если иное не предусмотрено договором лизинга.
  5. При лизинге возможно применение ускоренной амортизации.
  6. Лизинговые платежи относятся на себестоимость продукции лизингополучателя в полном объеме и, соответственно, снижают налогооблагаемую прибыль.
  7. Лизингополучатель может предъявить к возмещению НДС, рассчитанный со всей суммы лизинговых платежей.
  8. Лизинговое имущество свободно от претензий кредиторов лизингополучателя.
  9. В лизинг можно получить имущество, бывшее в употреблении.
  10. Организационные вопросы по сделке решаются лизинговой компанией.

На сегодняшний день можно говорить о том, что российские организации и индивидуальные предприниматели оценили преимущества лизинга, его привлекательность как инструмента обновления основных фондов, и этот рынок достаточно развит в России. Государство, со своей стороны, также заинтересовано в развитии лизингового финансирования, так как это стимулирует инвестиционную активность и, в итоге, положительно влияет на общий уровень экономического развития. Однако ситуация в регионах России существенно различается. В частности, в Республике Карелия, несмотря на потребность в модернизации основных фондов, практически не применяются меры стимулирования инвестиций через поддержку лизинговых сделок.

Цель данной статьи — на основе анализа состояния российского рынка лизинга, его проблем и тенденций определить ключевые факторы, которые могут способствовать более широкому использованию лизинговых сделок в деятельности хозяйствующих субъектов Республики Карелия. Проанализируем современную ситуацию на лизинговом рынке России.

В соответствии с отчетом Европейской лизинговой ассоциации (Leaseurope), РФ занимала пятое место в 2012 г. и четвертое место в 2013 г. в Европе по новому продукту после Германии, Великобритании и Франции [7]. Доля лизинга в ВВП РФ в 2013 г. составила 1,9 % [6], что соответствует уровню развитых европейских государств. Однако необходимость повсеместной модернизации основных фондов, в связи с высокой степенью их изношенности (см. рис. 1), позволяет предполагать, что рынок лизинга в России имеет большой потенциал роста.

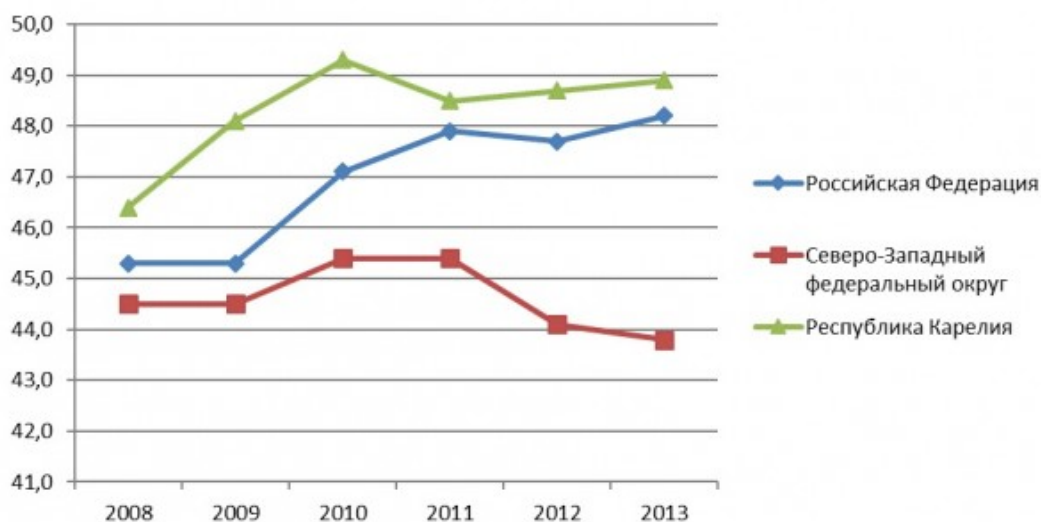

Рис. 1. Динамика степени износа основных фондов [2]

Как известно, лизинговый рынок чутко реагирует на изменение основных макроэкономических параметров, в частности ВВП. Мировой финансовый кризис серьезно понизил все показатели рынка в 2009 г., но уже в 2010 г. негативные тенденции были преодолены и рынок практически вышел на докризисный уровень. Активный рост продолжился в 2011 г. и несколько замедлился в 2012 и 2013 гг.

Таблица 1 Индикаторы развития рынка лизинга в 2007—2013 гг. [6]

Таблица 1							
Показатели	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Объем нового бизнеса, млрд руб.	997,5	720	315	725	1300	1320	1300
Темпы прироста, %	149,6	-27,8	-56,3	130,2	79,3	1,5	-1,5
Совокупный лизинговый портфель, млрд руб.	1 202	1 390	960	1 180	1 860	2 530	2 900
Темпы прироста, %	126,8	15,6	-30,9	22,9	57,6	36	14,6
Стоимость предметов лизинга по новым заключенным сделкам без НДС, млрд руб.	-	430	180	450	741	770	783
Темпы прироста, %	-	-	-58,1	150	64,6	3,9	1,7

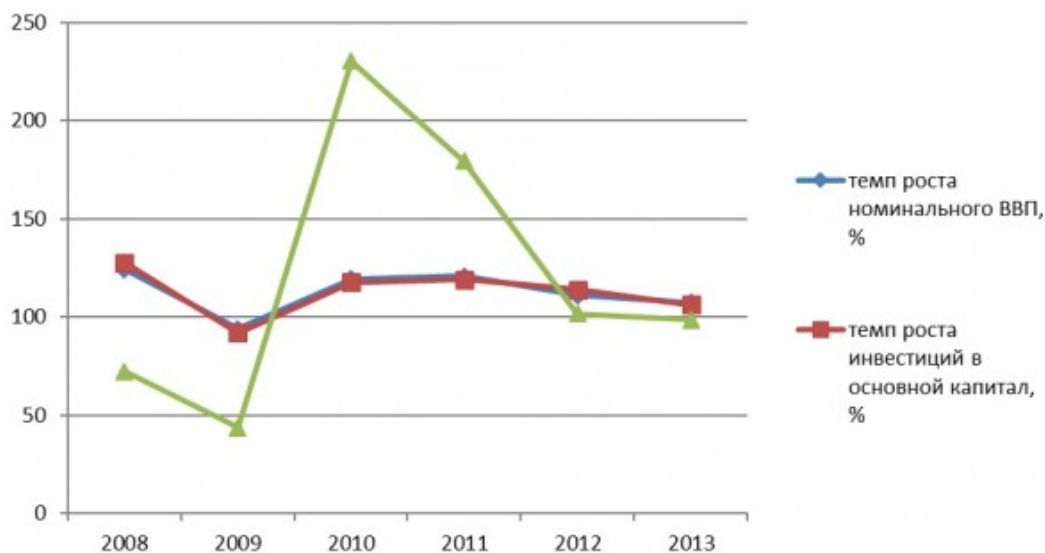

Рис. 2. Динамика темпов роста номинального ВВП, инвестиций в основной капитал и объемов нового бизнеса рынка лизинга

На рис. 2 видно, что за рассматриваемый период темпы роста ВВП и инвестиций в основной капитал практически совпадали. При этом тенденции изменения объема нового бизнеса рынка лизинга аналогичны, но более ярко выражены, что, на наш взгляд, еще раз доказывает чувствительность данного рынка к макроэкономическим изменениям.

Структура рынка по предметам лизинга представлена на рис. 3.

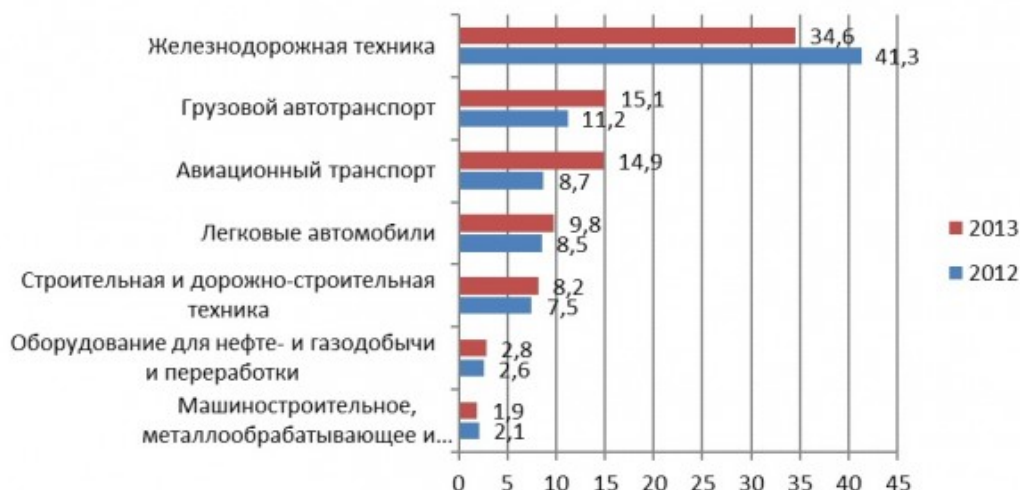

Рис. 3. Доля отдельных видов сделок в новом бизнесе, % [6]

В 2013 г. по сравнению с 2012 г. существенно сократилась доля железнодорожной техники в новом бизнесе, значительно возросли доли авиализинга и автолизинга.

Прогнозы специалистов на 2014 г. в основном были осторожными. Так, рейтинговым агентством «Эксперт РА» рассматривались два сценария развития рынка лизинга:

— оптимистический, рассчитанный на рост реального ВВП 1—2 %, валютный курс 35—36 руб./\$, сохранение ликвидности в банковском секторе;

— пессимистический, рассчитанный на нулевой рост реального ВВП либо его незначительное снижение (на 0,5 %), валютный курс 37—39 руб./\$, отток капитала более 90 млрд \$ [6].

При реализации оптимистического сценария предполагалось слабое снижение авиасегмента, сохранение позиций железнодорожной техники и умеренный рост автолизинга. Пессимистический сценарий означал, что сокращение рынка лизинга может составить до 15 %, а объем нового бизнеса не превысит 1,1 трлн руб.

В настоящее время очевидно, что развитие экономики России в 2014 г. пошло по второму пути, а с учетом изменений валютных курсов в октябре — ноябре сложно предположить, какими будут годовые макроэкономические показатели и насколько пагубно это скажется на состоянии рынка лизинга.

В целом к актуальным проблемам российского лизинга в 2014 г. можно отнести следующие:

- ухудшение платежной дисциплины лизингополучателей;
- сокращение банковского финансирования;
- ухудшение качества общего портфеля по рынку;
- отсутствие эффективной системы защиты интересов лизингодателей из-за разной судебной практики.

В качестве основных перспектив развития лизингового бизнеса специалисты отмечают следующие:

- интенсивный рост оперативного лизинга, начавшийся после кризиса 2008—2009 гг., будет продолжаться;
- дальнейшее освоение сегмента малого и среднего бизнеса;
- большие потенциальные возможности в сделках с физическими лицами;
- ужесточение условий банковского кредитования делает лизинговые сделки более привлекательными для клиентов. Но здесь нельзя забывать, что банковские кредиты являются источником средств для самих лизинговых компаний, следовательно, в выигрыше будут те, кто менее зависим от этого источника.

Кроме того, в связи с последними экономическими санкциями возникает вопрос импортозамещения во избежание дефицита товаров и инфляции спроса, следовательно, отечественным производителям необходимо будет произвести обновление основных фондов. Одним из способов финансирования такого обновления является лизинг.

В регионах России ситуация на рынке лизинга складывается по-разному. С одной стороны, есть постоянные лидеры, главным из которых, безусловно, является Москва, с другой — уровень развития лизинга во многих регионах остается низким. К сожалению, статистика по регионам практически

отсутствует, поэтому рассмотрим структуру лизингового рынка в разрезе федеральных округов (см. рис. 4).

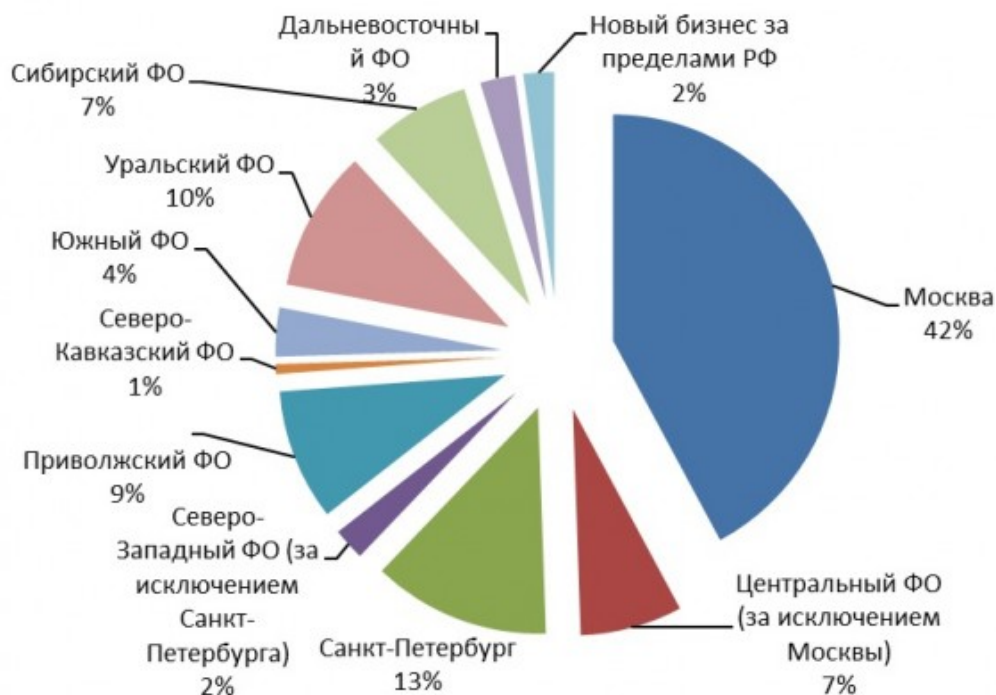

Рис. 4. Географическое распределение объема новых сделок в 2013 году [6]

В 2013 г. Москва сохранила безусловное лидерство на рынке лизинга. На Москву и Центральный ФО совокупно приходится примерно половина новых сделок. На втором месте С.-Петербург, доля которого по сравнению с предыдущим годом существенно возросла (с 7,4 до 12,7 %), в первую очередь за счет крупных авиасделок. При этом Северо-Западный ФО (за исключением С.-Петербурга) находится в аутсайдерах и занимает лишь 2,3 % рынка (1,6 % в 2012 г.).

Какие же факторы определяют такой географический расклад? На наш взгляд, в числе основных причин неравномерности лизингового рынка необходимо отметить:

- уровень развития экономики региона;
- отсутствие или недостаточность государственной поддержки;
- наличие административных барьеров;
- недостаточная информированность потенциальных клиентов и др.

Рассмотрим подробнее действие основных факторов на примере СЗФО и, в частности, Республики Карелия.

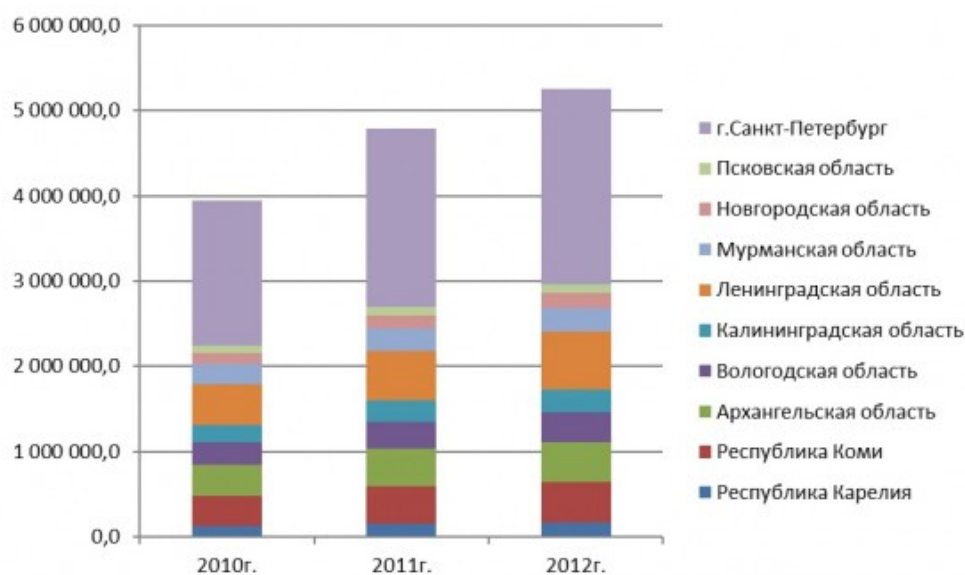

Рис. 5. Валовой региональный продукт по СЗФО, млн руб [2]

На рис. 5 видно, что лизинговые лидеры — С.-Петербург и Ленинградская область — являются лидерами Северо-Западного ФО и по валовому региональному продукту. Объяснение здесь следующее: высокий ВРП предполагает развитое производство, и, как следствие, развитый рынок лизинга как ответ на потребности финансирования производственной базы. Таким образом, рост объемов промышленного производства сопровождается ростом лизинговых операций. Но существует и обратная зависимость: развитие рынка лизинга стимулирует рост предпринимательства, особенно в сфере малого и среднего бизнеса.

Одним из главных факторов, влияющих на развитие лизингового рынка, является государственная поддержка. Особенно актуально она становится в кризисные и посткризисные периоды. Государственная поддержка может осуществляться в различных видах и быть направлена как непосредственно на поддержание лизингового бизнеса, так и на стимулирование инвестиционной активности в целом.

На сегодняшний день одной из распространенных мер государственной поддержки является субсидирование малого и среднего предпринимательства при уплате первого взноса по договору лизинга и возмещение части лизинговых платежей. Соответствующие мероприятия предусмотрены во многих региональных программах развития малого и среднего предпринимательства, причем в последние годы наблюдается стабильный рост как числа участников, так и объемов финансирования данных мероприятий (см. табл. 2). В данном случае государство решает сразу две проблемы: оказывает финансовую поддержку малому и среднему бизнесу и стимулирует обновление основных фондов через лизинговый механизм.

Таблица 2

Показатели	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Число регионов, включивших в программы развития малого и среднего предпринимательства, мероприятия «лизинг», «лизинговый %» и т. п., в т. ч. СЗФО	48 5	57 7	72 9
Объем средств, перечисленных из федерального бюджета на эти мероприятия, млн руб.* , в т. ч. СЗФО	829,9 68,0	1822,5 100,5	2489,9 232,6

* Таблица составлена по данным сайта <http://smb.gov.ru/statistics/navy/report>. В ряде случаев в расчет принимались мероприятия, включающие субсидирование затрат не только по лизинговым

платежам, но и по кредитам, так как в отчете они указывались общей суммой. С другой стороны, в табл. 2 не вошли, например, такие мероприятия, как создание гарантийного фонда, поскольку в отчете не указывалось, на какие именно цели он создается.

Республика Карелия (РК) не входит в число регионов, предусмотревших в своих программах стимулирование лизинга для малого и среднего бизнеса. На наш взгляд, это неоправданно по нескольким причинам:

1. Коэффициент износа основных фондов в РК в 2013 г. составил 48,9 %, что выше, чем в среднем по РФ и по СЗФО (см. рис. 1), следовательно, обновление основных фондов крайне необходимо.
2. Объем инвестиций в основной капитал неуклонно снижается. В 2013 г. по РК он составлял 29979,8 млн руб., или 82,2 % в сопоставимых ценах к уровню прошлого года. В 2014 г. объемы продолжили свое падение, объем инвестиций за 1 квартал 2014 г. составил 92,7 % в сопоставимых ценах к уровню аналогичного периода прошлого года [3].
3. Ограниченность доступа малого бизнеса к банковским кредитным ресурсам — банковское финансирование не решает проблем развития малого бизнеса из-за отсутствия должного залогового обеспечения, высокой минимальной суммы кредита, сложной процедуры оформления кредита, отсутствия банковских филиалов или отделений в месте ведения бизнеса (проживания) [1].

В соответствии с «Основными направлениями инвестиционной политики Правительства Республики Карелия на 2011—2015 годы» предусматривалось субсидирование лизинговых платежей как одна из финансовых форм стимулирования инвестиций [1]. К сожалению, данная норма не нашла отражения ни в одном из ключевых республиканских документов:

— Законе Республики Карелия от 5.03.2013 № 1687-ЗРК «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Республике Карелия»;

— Программе социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2015 г., утвержденной Законом Республики Карелия от 17.10.2011 № 1532-ЗРК;

— Концепции социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2017 г., одобренной Распоряжением Правительства Республики Карелия от 30.10.2012 № 658р-П;

— Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 г., утвержденной Постановлением Законодательного собрания Республики Карелия от 24.06.2010 № 1755-IV ЗС;

— Государственной программе Республики Карелия «Экономическое развитие и инновационная экономика Республики Карелия», утвержденной Постановлением Правительства Республики Карелия от 03.03.2014 № 49-П;

— Региональной программе «Развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Карелия на период до 2014 года», утвержденной Постановлением Правительства Республики Карелия от 21.02.2009 № 29-П.

В последнем документе в качестве одной из мер финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства предусмотрено создание Гарантийного фонда, основным видом деятельности которого является предоставление гарантий (поручительств) по обязательствам (кредитам, займам, договорам лизинга и т. п.) субъектов малого и среднего предпринимательства и организаций инфраструктуры. Гарантийный фонд — это относительно новый инструмент финансовой поддержки, который интересен прежде всего средним предприятиям и малым предприятиям с относительно большой численностью рабочих [5]. Структура сектора МСП по размерам предприятий в РК выглядит следующим образом (рис. 6):

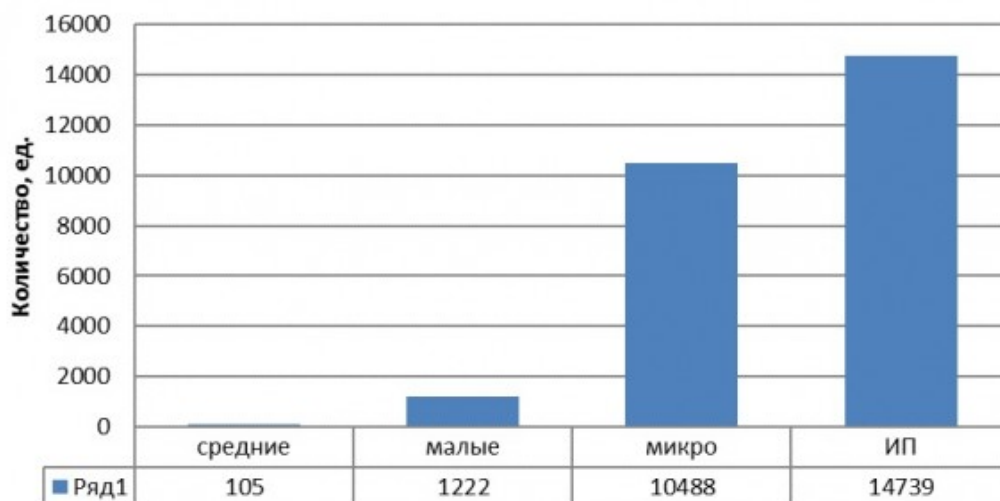

Рис. 6. Структура сектора МСП по размерам предприятий в РК в 2013 году [5]

Очевидно, что средние и малые предприятия занимают небольшой удельный вес в общем числе рассматриваемых предприятий (0,4 и 4,6 % соответственно). Из чего следует вывод, что создаваемый Гарантийный фонд, возможно, решит проблему доступа к финансовым ресурсам для меньшинства. Для ИП, микро- и малых предприятий более эффективными мерами финансовой поддержки, по мнению специалистов, являются лизинг и возмещение затрат по лизингу.

Таким образом, видится необходимым включить в основные программы меры в виде компенсации части лизинговых платежей, что позволит сделать лизинг доступным для широкого круга хозяйствующих субъектов.

Подведем итоги.

Сегодня рынок лизинга в России переживает сложные времена в связи с непростой экономической и внешнеполитической обстановкой в целом. Однако на первый взгляд негативные факторы, такие как сокращение банковского кредитования, нестабильность внешнеполитической ситуации могут оказать положительное влияние на развитие лизинга в России при соответствующей государственной поддержке. Как уже говорилось, лизинг взаимосвязан с бизнесом и на уровне страны, и на уровне региона: развитие лизинга стимулирует развитие бизнеса, и наоборот, развитие бизнеса стимулирует развитие лизинга. В этой цепочке движущей силой может стать государственная власть всех уровней. Но при этом недостаточно только документального оформления программ, нужно разрабатывать эффективные методы их реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Основных направлений инвестиционной политики Правительства Республики Карелия на 2011—2015 годы : распоряжение Правительства Республики Карелия от 21.04.2011 № 185р-П / Республика Карелия для инвестора [Электронный ресурс]. URL: http://www.kareliainvest.ru/ru/pravovoe_regul/, свободный (дата обращения: 06.11.2014).
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>, свободный (дата обращения: 08.11.2014).
3. Мониторинг инвестиционной деятельности в Республике Карелия / Республика Карелия для инвестора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kareliainvest.ru/ru/4496>, свободный (дата обращения: 09.11.2014).
4. Отчеты по финансовой поддержке / Федеральный портал малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. URL: <http://smb.gov.ru/statistics/navy/report/>, свободный (дата обращения: 06.11.2014).
5. Проект доклада о развитии МСП в 2010—2013 гг. / Федеральный портал малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. URL: <http://smb.gov.ru/statistics/navy/analytic/14952.html>, свободный (дата обращения: 06.11.2014).
6. Рынок лизинга по итогам 2013 года: держась за воздух [Электронный ресурс]. URL: http://raexpert.ru/researches/leasing/itogi_2013/, свободный (дата обращения: 12.11.2014).
7. Annual Statistical Enquiry [Электронный ресурс]. URL: <http://www.leaseurope.org/index.php?page=stats-surveys#stats1>, свободный (дата обращения: 12.11.2014).

2.11.2014).

REFERENCES

1. Approval of the Guidelines for the investment policy of the Government of the Republic of Karelia for 2011-2015: the disposal of the Government of the Republic of Karelia from 21.04.2011 № 185r-P. [Ob utverzhdenii Osnovnykh napravleniy investitsionnoy politiki Pravitel'stva Respubliki Kareliya na 2011—2015 gody : rasporyazhenie Pravitel'stva Respubliki Kareliya ot 21.04.2011 № 185r-P] / Republic of Karelia for investors [Respublika Kareliya dlya investora]. [Electronic resource]. URL: http://www.kareliainvest.ru/ru/pravovoe_regul/ (accessed 06.11.2014).
2. The official website of the Federal State Statistics Service. [Ofitsialnyi sayt Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki]. [Electronic resource]. URL: <http://www.gks.ru> (accessed 08.11.2014).
3. Monitoring of investment activity in the Republic of Karelia. [Monitoring investitsionnoy deyatel'nosti v Respublike Kareliya] / Republic of Karelia for investors / [Respublika Kareliya dlya investora]. [Electronic resource]. URL: <http://www.kareliainvest.ru/ru/4496> (accessed 09.11.2014).
4. Reports on the financial support [Otchety po finansovoy podderzhke] / Federal portal for small and medium businesses [Federalnyi portal malogo i srednego predprinimatel'stva]. [Electronic resource]. URL: <http://smb.gov.ru/statistics/navy/report/> (accessed 06.11.2014).
5. Draft report on the development of SMEs in 2010—2013 [Proekt doklada o razvitii MSP v 2010—2013 gg.] / Federal portal for small and medium enterprise [Electronic resource]. [Federalnyi portal malogo i srednego predprinimatel'stva] URL: <http://smb.gov.ru/statistics/navy/analytic/14952.html> (accessed 06.11.2014).
6. Leasing market by the end of 2013, holding the air [Rynok lizinga po itogam 2013 goda: derzhas' za vozdukh] [Electronic resource]. URL: http://raexpert.ru/researches/leasing/itogi_2013/ (accessed 12.11.2014).
7. Annual Statistical Enquiry [Electronic resource]. URL: <http://www.leaseurope.org/index.php?page=stats-surveys#stats1> (accessed 02.11.2014).

*

*

*

*

levoron@mail.ru

*

*

*

anna.har.92@mail.ru

УДК 316.356.2

**Рецензия на кн.: Pöllänen P. Hoivan rajat:
venäläiset maahanmuuttajanaiset ja ylijäräinen
perhehoiva. Helsinki: väestöliitto,
väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja d 57/2013.
2013. 223 s. (Пёллянен П. Граница заботы:
русские иммигрантки и трансграничная забота в
семье) // Studia humanitatis borealis. 2014.**

ТИАЙНЕН-КАДИР
Татьяна
Валерьевна

*Doctor of Social Science,
кандидат исторических наук,
Университет Турку,
Тампере, Финляндия, tatiana.tiaynen@uta.fi*

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

В 2013 г. Ассоциация объединений гражданского населения Финляндии (Väestöliitto) опубликовала книгу Пирьо Пёллянен «Граница заботы: русские иммигрантки и трансграничная забота в семье». Монография представляет собой результат более чем десятилетней работы автора [6][1], завершившейся защитой докторской диссертации в Университете Восточной Финляндии. Импонирует мотивация автора «преодолеть стереотипы в отношении русских женщин-иммигранток» [12], зачастую доминирующие в средствах массовой информации и на повседневном уровне в современной Финляндии. Автор подчеркивает «феминистский», «эмансипационный» характер своего исследования, призванного «защитить» позицию русскоязычных женщин в Финляндии [12].

Социально-этнографический метод охватывает 16 интервью автора монографии с русскими иммигрантками, проживающими в Северной Карелии в Финляндии, которые состоят или состояли в браке с финскими мужчинами [76]. Теоретически и концептуально работа опирается на социологические исследования заботы и семьи, исследования миграции и трансграничные исследования, гендерный и межпоколенный контракты, исследования семьи в транснациональной антропологии и феминистскую теорию Люси Иригарэ, чьи работы стали классическими в направлении «феминизма различия».

Автор также справедливо замечает, что, несмотря на динамичное развитие исследований семьи и миграции как самостоятельных научных направлений в Финляндии, продуктивного диалога между ними так и не состоялось [25]. Поэтому цель своего исследования автор видит в «привнесении семейной политики и перспективы семьи в область исследований миграции и в орбиту общественно-политических дискуссий» в Финляндии [25]. Несмотря на формальное одобрение мультикультурализма, осознание разнообразия семейных культур и ценности этого разнообразия, не только формальное, но и подлинное принятие культурных различий на практике действительно является одним из «вызовов» в современной Финляндии, в частности в области социальной политики и работы.

Исследование посвящено таким темам, как трансграничные семейные отношения и организация трансграничной заботы, особенно в контексте гендерных и межпоколенных конфигураций. Сама автор определяет задачу исследования следующим образом: «Я изучаю то, каким образом русские женщины

Тийainen-Кадир Т. В. Рецензия на кн.: Pöllänen P. Hoivan rajat: venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva. Helsinki: väestöliitto, väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja d 57/2013. 2013. 223 s. (Пёллянен П. Граница заботы: русские иммигрантки и трансграничная забота в семье) // Studia humanitatis borealis. 2014. // Studia Humanitatis Borealis. 2014. № 2. С. 110-116.
организуют заботу и семейные отношения в трансграничной повседневности в Финляндии и России, а также то, с какими сложностями эта трансграничность сопряжена» [69].

В первой главе П. Пёллянен предлагает обзор концептуальных и контекстуальных аспектов исследования, в частности сосредотачивая внимание на различных измерениях понятия «заботы» как социального и общественного феномена, тесно связанного с телесными и эмоциональными ощущениями, благополучием и социальной динамикой внутри семьи. Автор представляет читателю одну из ключевых концепций исследования, понятие «промежуточного состояния» Л. Иригарэ (фин. «välitila», англ. «in-between space/place»). В контексте предлагаемого исследования это понятие означает как абстрактную границу, мысленное и эмоциональное передвижение между прошлой и настоящей жизнью, так и физическое перемещение между конкретными местами в Финляндии, России и между ними, например при пересечении границы [14].

На практике, пишет автор, «промежуточное состояние» может актуализироваться как в создании чего-то совершенно нового, новой динамики и формы семейных отношений, так и означать препятствия и разделительную черту, например между членами семьи. В этой главе автор также отмечает специфику трансграничного региона Северная Карелия и актуальность исследуемой темы ввиду роста браков, заключенных между русскоязычными женщинами и финскими мужчинами. Например, на 2009 г. таких пар было уже около 10 400, что составляло 33 % всех браков, в которых супруга приехала из другой страны.

Вторая глава посвящена анализу заботы и семьи в исследованиях миграции в Финляндии, в которой автор отмечает эволюцию отношения к иммигрантам как к рабочей силе в 1990-х и в начале 2000-х гг., чья социальная значимость определялась прежде всего положением на рынке труда и способностью интегрироваться в общество, к более гибкому пониманию роли иммигрантов с осознанием важности семьи и заботы как интеграционных механизмов [26]. Необходимо отметить, что в последнее время получил особое распространение термин «kotoutuminen», который можно перевести как «одомашнивание» иммигрантов.

Подчеркивается, что предыдущие исследования проиллюстрировали важность неформальной, семейной трансграничной заботы в организации межпоколенной заботы среди русскоязычных иммигрантов, как правило, женщин, из стран бывшего СССР, в частности России и Эстонии. Основной мотивацией для женщин при переезде в Финляндию зачастую выступало желание обеспечить «лучшее для детей» [29]. Заметим, что в то же время автор ссылается на исследование Мерья Анис (Merja Anis), продемонстрировавшее определенные недостатки в работе финских социальных органов защиты детей, работники которых оперируют фиксированными и негибкими понятиями культурных различий: семейная культура иммигрантов, клиентов социальных служб противопоставляется финской семейной культуре, выступающей «идеалом», к которому необходимо стремиться [28].

В целом П. Пёллянен демонстрирует, что предшествующие исследования показали позитивное или нейтральное восприятие русскими женщинами своего брака и жизни в Финляндии, несмотря на стереотипы в отношении русскоязычных женщин, в частности «тени проститутки» [31, 32].

В третьей главе автор монографии подробно анализирует понятие «промежуточного состояния» или «промежуточного пространства», исследования трансграничной или транснациональной заботы и семьи, а также особенности семейной и гендерной культуры России и Финляндии через призму предшествующей научной литературы.

Л. Иригарэ известна в феминистской теории как основоположница «этики половых различий», которая обвинялась американскими (и зачастую североевропейскими) феминистками в гендерном эссенциализме и воспроизводстве неравенства полов. В свою очередь Л. Иригарэ настаивает, что современное требование равноправия полов приводит к тотальному половому различию и «убивает» пол. В своем проекте феминистской теории и философии Иригарэ воссоздает женскую субъектность с лежащей в ее основе телесностью и множественностью. Примечательно, что именно работы этой феминистской исследовательницы послужили вдохновением для теоретического осмысления П. Пёллянен внутрисемейной и трансграничной динамики в финско-русских семьях.

Автор ссылается на утверждение Иригарэ о естественности принципа двойственности: через призму любви мужчина и женщина рассматриваются как части целого, взаимонаполняющие и впускающие друг друга в себя, не допуская при этом взаимного разрушения [34]. Автор применяет эту логику для анализа союзов, в которых две культуры пересекаются в транснациональных семьях. Взаимность и взаимопроницаемость через «промежуточные состояния» служат сердцевиной отношений и идеалом взаимной любви, о которой Иригарэ размышляет в своих работах [35].

«Промежуточное состояние» не обязательно означает переходное состояние, которое должно

Тийainen-Кадир Т. В. Рецензия на кн.: Pöllänen P. Hoivan rajat: venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva. Helsinki: väestöliitto, väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja d 57/2013. 2013. 223 s. (Пёллянен П. Граница заботы: русские иммигрантки и трансграничная забота в семье) // *Studia humanitatis borealis*. 2014. № 2. С. 110–116.

~~завершиться принятием, например, финских семейных ценностей, но определенную данность~~

разнообразия и различий семейных ценностей и практик, которые одобряются членами семьи. Таким образом, «промежуточное состояние» может означать как состояние «уже нет и еще нет» (ei enää eikä vielä) [37], так и принятие различий как основы стабильности и постоянства (pysyvä tilanne) [39]. Эти разнообразные аспекты также актуализируются на различных уровнях, в практиках и понимании трансграничной заботы (yllirajainen hoiva).

На основе научной литературы, сравнивая социальные и культурные особенности заботы и семьи в российском и финляндском контекстах, автор утверждает, что если в первом случае преобладают частные семейные формы организации заботы о детях и престарелых (бабушек о внуках, взрослых детей о пожилых родителях), то во втором случае значительно большее значение играет государственный сектор.

В российских семейных реалиях заботы организуется в рамках «расширенной семьи». В современном контексте это не означает, что члены семьи «живут под одной крышей», а указывает на логику и интенсивность взаимоотношений и взаимопомощи. В Финляндии, напротив, преобладают «нуклеарная семья» и государственный сектор услуг, разделяющие ответственность. Объединяющим фактором является уход за маленькими детьми, который как в России (в том числе в СССР), так и в Финляндии в значительной степени возлагается на государственную систему дошкольного образования. Ссылаясь на работы Анны Роткирх (Anna Rotkirch), автор монографии подчеркивает существенную роль «расширенного материнства» в советском и российском контекстах, когда забота о семье и уход за детьми разделяются между матерью и бабушкой [55].

Анализируя роль отца, П. Пёллянен отмечает, что советская идеология и практика исключали отцовство и как конкретную заботу, и как эмоциональную привязанность. Вместе с тем она отмечает признаки появления новых практик и эмоционального понимания отцовства в постсоветской России наряду с укреплением патриархального наполнения образа отца как «кормильца семьи». При этом автор подчеркивает более значимую роль финских отцов и их участие в воспитании и уходе за детьми, а также культуру равноправия в финских семьях [63–65].

В заключительном параграфе главы П. Пёллянен представляет концепцию «транснациональной семьи» (в интерпретации Деборы Брайесон (Deborah Bryceson) и Уллы Вуорела (Ulla Vuorela), чьи члены живут по разные стороны границы, но не теряют связи, а напротив, поддерживают семейные отношения и воссоздают единое «транснациональное» семейное пространство в своих повседневных практиках.

Четвертая глава посвящена такому методу исследования, как социальная этнография. Автор справедливо отмечает важность этнографической диспозиции. В рамках данного исследования автор сама изучала «полевое» пространство Северной Карелии (профессиональное, культурное и социальное), что позволило ей более глубоко и контекстуально подойти к пониманию феномена [71].

Вместе с тем следует заметить: то, что интервью проводились на финском языке, который не является родным языком для женщин, сказалось, как нам кажется, на некоторых интерпретациях и эмпирических выводах исследования. То же самое можно сказать и о неиспользовании в монографии научной литературы по исследованиям российской семьи и межпоколенных связей на русском языке. Наконец, в этнографической практике нарративы не являются единственным материалом для анализа, поскольку многие культурные практики и особенно их множественные значения для индивидуума и семьи не артикулируются в речи, так как воспринимаются чем-то «естественным» и само собой разумеющимся. Для всеохватывающего и многогранного анализа трансграничной динамики автору не всегда хватало культурной и лингвистической погруженности в российский контекст (см. ниже).

Пятая, шестая и седьмая главы посвящены эмпирическому анализу и акцентируют внимание на специфичных аспектах трансграничной заботы через призму нарративов интервьюируемых женщин соответственно 1) материнской заботы и практики материнства в контексте семейных отношений, 2) прародительства, особенно заботы бабушек, и межпоколенной взаимопомощи, 3) супружества и отцовства.

В **пятой главе** при анализе мотиваций для заключения брака и переезда в Финляндию автором выделяются две группы женщин: 1) те, для кого брак являлся союзом любви; 2) те, для кого брак рассматривался в качестве преодоления сложной экономической ситуации в постсоветской Республике Карелия (и России в целом). Здесь же автор отмечает, что группы не обязательно взаимоисключают друг друга, мотивация могла включать обе составляющие [83]. Материнство в независимости от конкретной жизненной ситуации рассматривалось женщинами как позитивное изменение в жизни [87]. Материнство лежит в основе идентичности русскоязычных иммигранток, и переезд в Финляндию зачастую определялся как средство для обеспечения «лучшего для ребенка».

Тийainen-Кадир Т. В. Рецензия на кн.: Pöllänen P. Hoivan rajat: venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva. Helsinki: väestöliitto, väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja d 57/2013. 2013. 223 s. (Пёллянен П. Граница заботы: русские иммигрантки и трансграничная забота в семье) // *Studia humanitatis borealis*. 2014. // *Studia Humanitatis Borealis*. 2014. № 2. С. 110-116.

~~Именно в интерпретации «лучшего для ребенка», на наш взгляд, П. Пёллянен~~ недостатка погруженности в российский контекст семейных отношений. Тот факт, что женщины мотивировали свой переезд в Финляндию заботой об образовании и экономической стабильности детей, приводит автора к не совсем аккуратной интерпретации «лучшего для ребенка» с точки зрения российского контекста. Автор пишет, что «для русских матерей маленьких детей “лучшее для ребенка” связывается в первую очередь с экономическим и материальным благополучием». В «финских дискуссиях в области семейных исследований», напротив, «лучшее для детей» интерпретируется как отношения привязанности между ребенком и матерью (или другим человеком, который заботится о ребенке), и именно это понимание легло в основу как политики, так и повседневной риторики [100].

Этот, на наш взгляд, немного поспешный вывод автор монографии сама же и опровергает своими эмпирическими выводами в данной главе, в соответствии с которыми женщины, видя «центр своей жизни и усилий в своих детях» [101], связывают родительскую ответственность и «лучшее для детей» с организацией хобби и поездок для детей [101, 104], передачей «жизненных ценностей» [103], обучением детей русскому языку [102], приготовлением полезной для здоровья домашней еды [113], а также с телесными выражениями любви и привязанности, например объятиями [112].

Автор отмечает, что воспоминания о собственных бабушках, чья любовь и забота выражались в приготовлении вкусной домашней пищи, наполняют особым смыслом и значением приготовление и вкушение еды в семейной кругу [113]. Любовь и привязанность между матерью и ребенком, бабушкой и внуками воспринимаются настолько естественными в контексте семейных отношений в России, что об этом зачастую не считают необходимым говорить. Эти чувства и привязанность относятся к опыту, который невозможно выразить вербально. Вместе с тем это не умаляет, а наоборот, усиливает их значение в ощущении, что является «лучшим для детей» среди русскоязычных матерей. Общественный резонанс и эмоционально окрашенные дискуссии в России о спорных случаях опеки и изымания русских детей из семей в странах Северной Европы (в том числе Финляндии) демонстрируют, что привязанность между матерью и ребенком считается в российском контексте почти сакральной. Возможно, следовало бы учитывать этот различный уровень артикуляции «лучшего для детей» в российском и финском контекстах.

Далее, ссылаясь на гендерные практики «работающей матери» в СССР и России, привычное для русских женщин участие на рынке труда и общественной жизни, автор отмечает, что невозможность трудоустройства и активной социальной жизни воспринимаются женщинами как «изматывающий опыт». В связи с этим автор ссылается на диссертацию Ээвы Йокинен «Уставшая мать» (1996, Eeva Jokinen «Väsynyt äiti»), рассматривающей опыт финских женщин в 1990-е гг., когда многие из них из-за экономического кризиса стали домохозяйками поневоле [113].

Учитывая невозможность участия прародительского поколения из России в каждодневном уходе за детьми, неучастие или отсутствие отца в воспитании ребенка, П. Пёллянен отмечает недостаток ресурсов для организации заботы о детях, особенно среди одиноких русскоговорящих матерей в Финляндии. Чувство неопределенности может возникать и как результат маргинальной позиции на рынке труда, недостатка ресурсов для организации ухода за детьми, а также вербального и физического насилия со стороны некоторых финских супругов [128]. Незнание, каким образом взаимодействовать с социальными службами, и шантаж со стороны финского супруга могут выливаться в ощущение постоянного страха разлучения с ребенком [128].

Подводя итоги анализа материнской заботы, автор выделяет три типа организации заботы среди русскоязычных жен в Финляндии: 1) материалистский (характерный также для российской повседневности), в котором забота о детях полностью ложится на мать (и на помощь со стороны бабушек), и «лучшее для детей» становится самоцелью, в данном случае также включающий случаи насилия в семье со стороны супруга; 2) материнская забота в рамках нуклеарной семьи, в которой родительские обязанности разделяются между супругами, а необходимость в межпоколенной заботе теряет значение, в данном случае возможны счастливые союзы русских женщин и финских мужчин; 3) «промежуточное состояние» организации заботы, в котором присутствуют элементы первого и второго типов; «лучшее для детей» и взаимоотношения между супругами одинаково важны, а межпоколенная забота из-за границы является дополнительным ресурсом в организации ухода за детьми. Именно в этой группе трансграничность особенно сильно проявляется [132—135].

В **шестой главе**, посвященной межпоколенной и взаимной заботе, автор останавливается на прародительском поколении, бабушках и дедушках, которые рассматриваются как ресурс по уходу за детьми, но на определенном жизненном этапе сами нуждаются в уходе. Автор отмечает, что в контексте советской и российской семейной повседневности бабушки и дедушки (хотя и в значительно

Тиайнен-Кадир Т. В. Рецензия на кн.: Pöllänen P. Hoivan rajat: venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva. Helsinki: väestöliitto, väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja d 57/2013. 2013. 223 s. (Пёллянен П. Граница заботы: русские иммигрантки и трансграничная забота в семье) // *Studia humanitatis borealis*. 2014. № 2. С. 110-116. ~~меньшей степени) считали своей обязанностью практически и материально участвовать в воспитании и~~ организации ухода за внуками. Прародительство в Финляндии, напротив, не связывается с какими-либо семейными обязательствами по уходу за ребенком, бабушки и дедушки встречаются с внуками, когда сами этого хотят. Это также связано и с различными семейными практиками, «расширенным материнством» и «расширенным» пониманием семьи в России и «нуклеарным» в Финляндии, что проявляется в различных так называемых межпоколенных контрактах [160—161].

Бабушки из России продолжают участвовать в организации заботы о внуках, забирая их на летние каникулы или приезжая погостить, привозя подарки, предметы быта и продукты, которые либо дешевле, чем в Финляндии, либо доступны только в России [148]. Женщины участвуют в заботе о своих престарелых родителях, прежде всего оказывая им материальную помощь, покупая одежду, продукты, оплачивая коммунальные услуги за квартиру в России. Каждодневную помощь в случае необходимости, как правило, организуют родственники (сестры, братья и т. д.), которые проживают в России. Последнее несомненно отражает препятствия и ограничения трансграничной заботы, также и в тех случаях, например, когда ребенок заболел, а бабушка не может приехать из-за отсутствия визы [149].

Вместе с тем некоторые русскоязычные женщины включают в орбиту «расширенной семьи» родителей финского супруга, общаясь и оказывая им практическую и эмоциональную поддержку. Наряду с этим «расширенным» пониманием семьи женщины также начинают оценивать семью в соответствии с моделью финской нуклеарной семьи, выделяя «большую» и «маленькую» семьи [139]. Нам представляется, однако, что связывать это изменение только с переездом в Финляндию было бы недостаточно аккуратно, поскольку понимание семьи как «большой», включающей широкий круг родственников, и «маленькой», состоящей из матери, отца и детей, сосуществуют во взаимодействии в современных российских семейных практиках.

В **седьмой главе** автор анализирует участие финских мужчин как супругов и отцов в организации заботы в рамках семьи. Автор отмечает, что в контрасте с «безотцовскими» детьми в России (имеется ввиду отсутствие или маргинальное участие отцов в воспитании детей), финский отец выступает заботливым и активно принимает участие в уходе за детьми, в том числе через игры. Вместе с тем часть женщин, как отмечает автор, говорили о том, что отцы их детей, хоть и проживают в России, поддерживают с ними отношения и являются частью жизни детей в Финляндии. Однако отношения часто носят поверхностный характер [163]. Зачастую в таких случаях финские мужчины (отчимы) не берут на себя полных отцовских обязанностей в отношении детей, и дети находятся в «промежуточном состоянии». В семьях, в которых есть совместные дети, отцовство финских мужчин выражено как эмоционально, так и практически, и родительские обязанности разделяются достаточно равноправно.

В целом автор отмечает, что русскоязычные жены благодарны своим финским мужчинам как заботливым отцам и супругам, которым можно доверять [167]. Финский супруг для своей русской жены зачастую становится «якорем» в финском обществе, который способствует ее интеграции в общество. Особенно важным для русскоязычных женщин представляется то, что финский супруг принимает трансграничные семейные отношения и «промежуточное состояние» своей супруги. Вместе с тем случаи алкоголизма и насилия со стороны финского супруга также имели место среди интервьюируемых пар [169—170].

П. Пёллянен выделяет три группы женщин, исходя из того, каким образом русская супруга воспринимает своего финского партнера: 1) когда супруг вне зависимости от того, совместные дети или нет, восполняет позицию третьего в гармоничном семейном треугольнике (мать — дети — отец); 2) когда супруг выполняет роль надежного партнера, но не отца для детей; 3) когда и супруг, и отец отсутствуют либо физически, либо практически (женщина состоит в браке, но супруг не является ни эмоциональной, ни духовной опорой) [184—187].

Заключительная **восьмая глава** монографии подводит итоги исследования, автор предлагает три типа «промежуточного состояния» в организации трансграничной заботы и семьи.

Первый тип — «жизнь в промежуточном состоянии страха» (*elämä on pelkää välitilassa*), в соответствии с которым, как в отношении ухода за детьми, так и заботы о престарелых родителях, женщина живет в фазе «уже нет, еще нет». Отношения с супругом не ладятся, в том числе из-за проблем с алкоголизмом, физического насилия и неприятием супругом детей от прежнего брака в России. Женщина не может найти своей ниши на рынке труда. Жизнь как эмоционально, так и физически имеет место в двух местах одновременно. Оказывая материальную и практическую помощь родителям и родственникам в России, женщина, тем не менее, не получает достаточной помощи от них в уходе за детьми. В то же время родители финского супруга не оказывают поддержки в воспитании детей. В этом случае значение как нуклеарной семьи, так и расширенной теряют значение в

Тийайнен-Кадир Т. В. Рецензия на кн.: Pöllänen P. Hoivan rajat: venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva. Helsinki: väestöliitto, väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja d 57/2013. 2013. 223 s. (Пёллянен П. Граница заботы: русские иммигрантки и трансграничная забота в семье) // *Studia humanitatis borealis*. 2014. № 2. С. 110-116.

~~трансграничной заботе. Женщина не решается на развод, поскольку не имеет достаточно знаний~~ финской системы, например каким образом следует поступать в случае процедуры установления опеки над ребенком. С точки зрения организации заботы сложность состоит в том, каким образом задействовать государственные и индивидуальные ресурсы для организации заботы о всех, кто в этом нуждается (дети, внуки, прародительские поколения в Финляндии и России).

Автор отмечает, что «вызов» миграционной политики состоит в том, чтобы сделать «гражданские навыки» взаимодействия (в том числе с социальными органами) доступными для женщин [201]. «Промежуточное состояние» «уже нет, еще нет» означает, что женщины в основном устремлены в будущее в надежде, что ситуация изменится и супруг и его родители будут оказывать больше помощи в заботе о детях.

Второй тип «жизнь с промежуточными состояниями» (*elämä välitilojen kanssa*) характеризует женщин, которые значительно лучше интегрировались в Финляндии. Они с готовностью принимают «правила игры» и финские семейные практики в семейной заботе. «Промежуточное состояние» «уже нет, еще нет» также имеет место, например в отношении финских свекра и свекрови, которым женщины пытаются «скрасить» серые будни, но пока не получают от них достаточной поддержки в заботе о детях. То же самое можно отнести и к финскому супругу, которым женщина в целом может быть довольна, но хотела бы, тем не менее, большей помощи в домашних делах и в уходе за детьми. «Промежуточное состояние» среди этой группы также имеет и отчетливо позитивное измерение, в частности проявляющееся в межпоколенной трансграничной заботе: женщины, получая помощь от своих родителей из России, особенно матерей, в заботе о детях, оказывают материальную и эмоциональную поддержку своим престарелым родителям. В данной группе «промежуточное состояние» имеет как позитивные, так и более амбивалентные измерения.

Третий тип «жизнь на “новой” родине, в которой чувство “промежуточного состояния” часть жизни» (*elämä «uudessa» kotimaassa, jossa välitilan tuntu on osa elämää*), применителен к женщинам, которые «одомашнились» в Финляндии, и их связи с Россией становятся слабыми. Обычно эти женщины редко посещают Россию (раз в год, например) и поддерживают отношения, например, по телефону. Тем не менее, когда женщины встречают родственников, эти встречи отличаются теплотой. Однако женщины признают, что во многих ситуациях они не полностью адаптировались к финским способам воспитания детей и нормам общения с прародительским поколением. Например, они не считают правильным покупать детям слишком много вещей или давать регулярно карманные деньги и считают, что связи с прародительским поколением должны быть более интенсивными. Вместе с тем они признают, что не вполне следуют и семейным практикам России. Обычно женщины воспринимают финскую идеологию нуклеарной семьи, в которой мужчина как отец и супруг играет важную роль, а отношения с прародительским поколением теплые и близкие, что можно считать культурной особенностью российского контекста. Женщины научились признавать «промежуточное состояние» постоянным состоянием и считают это позитивным, поскольку это позволяет подойти к жизненным реалиям иным образом, нежели только в России или только в Финляндии.

Автор считает, эта третья категория представляет «идеал» транснациональной семьи, поскольку нуклеарную семью можно комбинировать с расширенной семьей, и в этом случае ненужный дуализм исчезает. Создается новый тип семьи в трансграничном пространстве [203].

Признавая ценность предложенной типологии, нам представляется все-таки необходимым отметить ее некоторые ограничения с точки зрения транснациональной антропологии. На наш взгляд, предложенная типология воспроизводит корреляцию, которую автор исследования сама же пытается деконструировать в некоторых главах монографии.

Эта типология воспроизводит следующую логику: чем более женщина погружена в транснациональные связи, тем менее она интегрируется в финское общество. Транснациональная антропология и многочисленные исследования в этой области пытались противостоять именно этой логике в исследованиях миграции с характерным для этой области методологическим национализмом. Эти исследования показывают, что практики и чувство транснациональной семейственности и транснациональная субъектность не следует измерять, например, количеством визитов. Современные коммуникационные технологии позволяют поддерживать оживленные семейные дискуссии, которые лишь подкрепляются визитами (даже если они только раз в год), хотя у транснациональных семей в постколониальном пространстве, например между Великобританией и Индией, визиты раз в год будут считаться частыми.

Антропологи задают вопрос: почему у индивидуума не может быть двух или более мест, которые он ассоциирует с домом? В этом смысле автор, с одной стороны, возможно, недооценивает

Тийнен-Кадир Т. В. Рецензия на кн.: Pöllänen P. Hoivan rajat: venäläiset maahanmuuttajanaiset ja ylijäinen perhehoiva. Helsinki: väestöliitto, väestötutkimuslaitoksen julkaisusarja d 57/2013. 2013. 223 s. (Пёллянен П. Граница заботы: русские иммигрантки и трансграничная забота в семье) // Studia humanitatis borealis. 2014. // Studia Humanitatis Borealis. 2014. № 2. С. 110-116.
интенсивность (эмоциональных, практических, сознательных и подсознательных) связей с Россией в третьем типе, и, с другой стороны, несколько идеализирует эту модель отношений. Кроме того, выделяя один позитивный «идеальный» тип, автор несколько противоречит избранной ею феминистской теории Л. Иригарэ, которая всеми своими работами пытается возродить ценность множественности и различия и невозможность сведения разнообразия, сложности и красоты человеческих взаимоотношений к одинаковости, т. е. к одному идеальному типу.

Вместе с тем следует признать несомненную ценность и актуальность выводов исследования, особенно в контексте Финляндии, в которой идеалом выступает нуклеарная семья и финская семейная культура. Автор убедительно иллюстрирует, что нуклеарная форма семьи не противоречит расширенной, и что различные их элементы могут привести к образованию новой, трансграничной модели семьи и заботы, обогащающей семейный и индивидуальный опыт ее членов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Все ссылки в тексте относятся к кн.: Pöllänen P. Hoivan rajat: venäläiset maahanmuuttajanaiset ja ylijäinen perhehoiva. Helsinki: Väestöliitto, Väestötutkimuslaitoksen julkaisusarja d 57/2013. 2013. 223 s.

*

*

*

*

tatiana.tiaynen@uta.fi

Об участии Петргу в Российско-Норвежском проекте "Barents peace education network" (bpen)

**СМИРНОВА
Александра
Александровна**

*преподаватель кафедры зарубежной истории,
политологии и международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, alexandrasmirnova11@gmail.com*

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Подходит к концу второй год реализации проекта "Barents Peace Education Network" (Сеть образования в целях мира в Баренц-регионе). Целью проекта является учреждение устойчивой сети сотрудничества между университетами в Баренц-регионе для развития и продвижения образования в целях мира (peace education). Партнерами в проекте выступают Университет Тромсё (Арктический университет Норвегии), Петрозаводский государственный университет, Мурманский государственный гуманитарный университет, а также Северный (Арктический) федеральный университет (г. Архангельск).

В 2013 году инициатором проекта выступил Центр изучения проблем мира Университета Тромсё. В частности, идея сотрудничества Тромсё с Северо-западными регионами России по продвижению идей мира принадлежала сотруднице Центра Екатерине Труновой, в прошлом выпускнице исторического факультета ПетрГУ.

Проект VPEN нацелен на сотрудничество регионов по трем основным направлениям: исследовательская деятельность, образовательные программы, практическая работа по урегулированию и трансформации конфликтов. В связи с этим, проект предполагает вовлечение представителей школ и общественных организаций. Взаимодействие вузов с общественными организациями и специалистами общеобразовательных школ может создать новую площадку для развития теоретических знаний и применения их на практике в регионах. Так, к примеру, участники проекта надеются, что исследования проблем мира и развитие образования в целях мира могут улучшить способности граждан и общественных групп разрешать конфликтные ситуации в Баренц-регионе.

Задачами проекта являются:

- создание дополнительных возможностей для сотрудничества и обмена знаниями между университетами в Баренц-регионе;
- развитие компетенций участников в разрешении конфликтов на практике и содействие развитию образовательных программ по конфликтному менеджменту в регионах Северо-Запада России;
- продвижение сотрудничества общественных организаций и университетской среды в сфере образования в целях мира и практической конфликтологии;
- проведение совместных исследований и популяризация знаний по актуальным проблемам трансграничных знаний (cross-border knowledge); истории арктического мира; проблем инклюзии обществ и толерантности, а также по вопросам практики примирения, медиации и диалога.

Первый сбор участников VPEN из четырех регионов состоялся в Петрозаводске в октябре 2013 года. Конференция, на которой присутствовали представители университетов, школ и общественных организаций, была посвящена норвежскому опыту работы с конфликтами, а именно, медиации, организации межгруппового диалога и практикам примирения. Перед участниками выступили Ида Хюде и Магнус Лённеберг (Норвежская служба медиации), Норунн Гранде (Центр мира и диалога им. Ф.

Нансена), а также Сюнёве Фалден (рабочая группа «Сабона»). На конференции обсуждались опыт и возможности реализации этих практик в России, а также были предприняты попытки составить план дальнейшего развития проекта в этой области с учетом особенностей регионов.

В ноябре того же года в университете Тромсё состоялась вторая конференция по проекту, которая, в свою очередь, была посвящена научному и образовательному сотрудничеству, а также детальному обсуждению практической работы по трансформации конфликтов в регионах.

От ПетрГУ в конференции приняли участие начальник Управления по инновационно-производственной деятельности О. Ю. Дербенева, директор Института североевропейских исследований Ю. М. Килин и преподаватель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений А. А. Смирнова. Поскольку конференция по-прежнему носила ознакомительный характер для участников из четырех регионов, сотрудники ПетрГУ выступали с докладами об особенностях развития науки и образования в университете. В рамках разработки тематической составляющей проекта были сделаны обзоры медиативной деятельности в России и Республике Карелия (Ю. М. Килин) и освещены особенности российского научного восприятия проблематики безопасности и мира (А. А. Смирнова). Немаловажно и то, что вниманию участников начинающегося проекта был представлен опыт других, успешно реализуемых исследователями Баренц-региона проектов: "Border esthetics", "Neighborly asymmetry. Norway and Russia 1814—2014" и "Children and Youth at Risk in the Barents region 2008—2015".

На конференции было принято решение, что следующий этап сотрудничества будет включать организацию совместных научных мероприятий, летних и зимних школ, обмена между преподавателями университета, представителями общественных организаций и студентами, а в долгосрочной перспективе — создание совместной образовательной программы магистратуры.

В 2014 году получило большее развитие направление практической трансформации конфликтов. Благодаря поддержке Баренц Секретариата в рамках BPEN были организованы два семинара-тренинга для представителей университетов, школ и общественных организаций, имеющих практику работы с межличностными или межгрупповыми конфликтами. От ПетрГУ в семинарах приняли участие сотрудники кафедры психологии Ю. И. Мельник и В. Н. Колесников, преподаватель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений А. А. Смирнова, магистранты кафедры психологии Мария Хартман и Александр Потапов, имеющие опыт работы в школах Петрозаводска. Помимо нашего университета в мероприятиях приняли участие сотрудники Карельского ресурсного центра общественных организаций и Карельской службы примирения.

Первый семинар в рамках направления практической конфликтологии «Conflict transformation through dialogue» («Разрешение конфликтов через диалог») проходил с 20 по 25 октября в Норвегии, в городе Лиллехаммер. Мероприятие было посвящено методике организации диалога между конфликтующими сторонами и проводилось представителями Центра мира и диалога имени Ф. Нансена (Nansen Fredssenter) Кристиан Сихаусен и Татьяной Попович (Nansen Dialogue Network).

Данная организация уже более 35 лет работает в сфере трансформации конфликтов в Норвегии и за ее пределами. Большую роль в работе центра Ф. Нансена играют организация межкультурного диалога между диаспорами и местными жителями сообществ Норвегии, работа по восстановлению межгрупповых отношений в государствах бывшей Югославии, а также проведение тренингов и восстановительных практик после военных действий в таких государствах, как Афганистан, Эритрея, Ирак и Ливан.

Семинар включал в себя мастер-классы по организации мероприятий для продвижения межкультурного диалога и трансформации конфликта, методики работы с группами, а также демонстрацию опыта сотрудников Центра мира и диалога им. Ф. Нансена по работе в других регионах. Обучение проходило в формате тренинга с использованием разнообразных практических упражнений и ролевых игр.

Второй обучающий семинар в рамках практического измерения BPEN "Sabona — Tools for Social Interaction & Effective Conflict Handling" («Сабона — инструменты социального взаимодействия и эффективного решения конфликта») прошел в декабре этого года на базе Мурманского государственного гуманитарного университета. Семинар, сочетающий теорию конфликта и практические занятия, был проведен представителями рабочей группы «Сабона» Сюнёве Фалден и Ириной Бёмер,

Данная группа, включающая конфликтологов-практиков, уже более 15 лет тесно сотрудничает с ведущим мировым специалистом по конфликтологии и исследованию проблем мира Йоханом Галтунгом. Группа «Сабона» начала свою работу в 1998 году при поддержке международной сети по

трансформации конфликтов TRANSCEND, основанной Й. Галтунгом и Ф. Нишимурой. Целью программы «Сабона» с самого начала стало расширение доступности методик урегулирования конфликтов для широких аудиторий. Для этого группа разработала инструменты «Сабоны», иллюстрированные схемы этапов анализа и работы с конфликтом, которые легко запоминаются взрослыми и детьми. Сеть «Сабона» активно работает со школами и детскими садами Норвегии по обучению детей и преподавателей элементарным инструментам для анализа, поиска выхода и разрешения конфликтов.

Одним из результатов практической работы по трансформации конфликтов в рамках VPEN станет публикация пособия по трансформации конфликтов, включающая как опыт специалистов с норвежской стороны (из Центра мира и диалога имени Ф. Нансена и рабочей группы «Сабона»), так и российский опыт по внедрению данных и схожих методик на практике.

Еще одним важным мероприятием 2014 года для проекта "Barents Peace Education Network" стало проведение на базе ПетрГУ международной школы «Конфликты, границы и мир в Северной Европе», в которой приняли участие студенты и преподаватели университетов Тромсё (Норвегия), Петрозаводска, Мурманска и Архангельска, а также обучающиеся из Финляндии, Германии, Киргизии и Йемена.

В течение четырех дней более 30 участников обсуждали вопросы внешней политики стран Северной Европы, вклад североевропейских стран в теорию и практику мирного разрешения конфликтов, способы и возможности мирного урегулирования конфликтов на международном и межгрупповом уровне в современных условиях, мирный потенциал парадипломатии и трансграничного взаимодействия.

За четыре рабочих дня участники прослушали лекции:

«Nordic Peace» (Видар Вамбхейм, Арктический университет Норвегии);

«Paradiplomacy and bottom-up security in the European North» (Глеб Яровой, ПетрГУ);

«The Russian-Norwegian Border Region as a historic phenomenon» (Мария Ильичева, МГГУ);

«Inter-group conflict: Stereotypes, de-categorization and mutual differentiation» (Видар Вамбхейм, Арктический университет Норвегии);

«Norway, a humanitarian superpower?» (Кристин Смит-Симонсен, Арктический университет Норвегии);

«The head moves only after it is moved by the neck": gender asymmetry embedded in the Russian language and culture» (Лидия Криуля, САФУ);

«The ethnic / indigenous dimension of conflicts in Northern Europe» (Торьер Олсен, Арктический университет Норвегии).

Кроме лекционных занятий, программа школы включала в себя обсуждения в форме семинаров, а также представление студентами и аспирантами своих научных работ по проблематике конфликтологии и исследований проблем мира с их последующим обсуждением участниками школы. Данный формат был заимствован у Международной летней школы в Карелии (International Summer School in Karelia), которая уже более 10 лет проводится на базе ПетрГУ для студентов специальности «международные отношения». Согласно анкетам участников Международной школы, студенты высоко оценили формат, содержание лекций, а также непринужденную атмосферу, в которой проходили занятия.

Школа была организована в рамках Программы развития деятельности студенческих объединений ПетрГУ на 2013—2014 годы и Международного форума «EuroNorth 2014» «Классический университет в пространстве трансграничности на Севере Европы: стратегия инновационного развития».

Проект "Barents Peace Education Network" будет официально завершен в конце 2016 года, однако есть основания рассчитывать на устойчивое и плодотворное сотрудничество в будущем.

Фотографии: А. А. Смирнова

*

*

*

*

alexandrasmirnova11@gmail.com

Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы

**БЕЗБОРОДОВ
Михаил
Иванович**

*кандидат политических наук,
старший преподаватель кафедры зарубежной
истории, политологии и международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, bezborodov@petrsu.ru*

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

21—22 ноября 2014 г. в Москве состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы».

В этом году отечественная политология отмечает три юбилея: 60-летие Российской (советской) ассоциации политической науки, 35-летие Московского конгресса Международной ассоциации политической науки и 25-летие институционализации политической науки в России.

Дать новый импульс развитию политической науки в России в ответ на вызовы современных политических процессов, способствовать обогащению и раскрытию ее методологического, теоретического и экспертного потенциала — так сформулирована цель конференции, ставшей одним из важнейших этапов подготовки к знаковым событиям 2015 года, прежде всего, проведению Всероссийского Конгресса политологов.

Российская ассоциация политической науки реализовала этот масштабный проект при поддержке Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Института социально-экономических и политических исследований, Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (МГИМО), Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова.

Конференция имела обширную повестку: проведение пленарного заседания, посвященное теме «Российская политическая наука и политика», собрание членов Российской ассоциации политической науки (РАПН), презентации новых книг и журналов, работа более чем 20 секций по различным проблемам политических исследований с участием политологов России, Армении, Казахстана, Канады, Польши, Таджикистана, Чехии. Всего в конференции приняли участие около 500 политологов.

Основные тематические направления конференции охватили широкий спектр актуальных проблем: современное государство; суверенитет и конкурентоспособность; акторы современной политики перед лицом сложных вызовов; политика и экономика в новой геополитической обстановке; качество политики и политиков в российском и глобальном измерении; история и выбор стратегии политического развития; меняющиеся приоритеты российской внешней политики; основные аспекты развития политической конкуренции в России; политическая коммуникация в условиях современных информационных войн и конфликтов; политическая наука и сложные методы анализа; современные измерения федерализма; политика России в международных конфликтах.

На конференции обсуждалось состояние отечественной политической науки, ее вклад в мировую науку и перспективы развития. Конференцию открыла президент РАПН, доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО О. В. Гаман-Голутвина. Были оглашены поступившие в адрес конференции приветствия председателя Государственной Думы ФС РФ С. Е. Нарышкина, заместителя председателя Совета Федерации ФС РФ И. Умаханова, председателя Московской Городской Думы А. В. Шапошникова.

На пленарном заседании выступили известные политики, экономисты, общественные деятели. Основная дискуссия сосредоточилась вокруг поиска ответов на вопросы: Российско-американские отношения: есть ли пути для смягчения противостояния? Как жить в условиях «многополярного хаоса»? Возможно ли восстановить доверие в треугольнике Запад, Украина, Россия? Как переломить складывающиеся негативные политические макротренды?

На пленарном заседании с докладами выступил директор Института Европы РАН, президент Ассоциации Европейских исследований России, член Консультативного совета РАПН, д.полит.н. А. А. Громыко, который говорил о роли европейского экспертного сообщества в осмыслении проблем регионального и глобального развития. О «зигзагах» взаимодействия политики и экономики в России высказался директор Института экономики РАН, член Консультативного совета РАПН, член-корреспондент РАН Р. С. Гринберг. О месте мирового комплексного регионоведения в системе современного политического знания размышлял декан Факультета политологии МГИМО А. Д. Воскресенский. Главный редактор журнала «Международные процессы» А. А. Байков посвятил свое выступление становлению национальной школы теории международных отношений в СССР и России, сделав акцент на изучении противоречий между эпистемологией дисциплины и нормативным политическим анализом.

С анализом споров о предмете и методах современной политической науки выступил заведующий кафедрой прикладной политологии Финансового университета при Правительстве РФ, директор Фонда национальной энергетической безопасности, член Правления РАПН К. В. Симонов. Деятельность Валдайского клуба и его содержательная повестка в контексте развития российской школы международной политической экспертизы определили содержание доклада заведующего кафедрой политики и функционирования ЕС и СЕ О. Н. Барабанова.

Современная политическая реальность и сложные методы ее исследования стали темой размышлений заведующего кафедрой Санкт-Петербургского университета, д.филол.н., профессора, председателя Научного совета РАПН Л. В. Сморгунова.

Ректор Дагестанского института экономики и политики, доктор политических наук, профессор, руководитель Дагестанского регионального отделения РАПН (Махачкала) А. Дибиров представил анализ исследований российского Кавказа в рамках политологических исследований.

В рамках конференции было проведено специальное заседание Исследовательского комитета РАПН по взаимодействию государства, бизнеса, общества в форме видеоконференции с кафедрой политических систем Карлова Университета (Чехия) и Институтом социологии Академии наук Болгарии (София), посвященное проблеме «Общественного контроля в системе государственного управления: зарубежный опыт и российские практики».

На второй день конференции были проведены секции, на заседании которых рассматривались различные аспекты анализа развития современной политической науки и политических процессов в России и мире.

В работе конференции и секций активно участвовали представители Петрозаводского государственного университета: доценты кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений кандидат философских наук В. А. Иноземцева, кандидат исторических наук Е. И. Черненкова, кандидат политических наук С. С. Рожнева и старший преподаватель, кандидат политических наук М. И. Безбородов.

С. С. Рожнева обратила внимание на то, что национальная идея современной России в целом не направлена на сохранение признаков этничности. Этничность может проявляться в отдельных субъектах Российской Федерации, например, в национальных республиках, но для многонационального народа России этничность будет означать «сохранение традиционных укладов жизни, базовых систем ценностей и стереотипов мышления и поведения, что чаще всего предполагает борьбу за национальную независимость и суверенитет народов». Вследствие чего коммуникативная сущность национальной идеи выстраивает в общественном сознании ценностную основу, которая спланирует не одну нацию, а весь народ в целом. Это обуславливает проявление признаков национализма в стране (например, «Русские марши», приводящееся ежегодно с 2005 г., беспорядки на Манежной площади в декабре 2010 г., акции в поддержку Крыма в марте 2014 г. и т. п.), выступления осуществляются не «по крови», а происходит возрождение имперских традиций России.

В. А. Иноземцева, выступая на секции «Публичная политика и межсекторное пространство» рассмотрела взаимодействие муниципальной власти и общества в Петрозаводском городском округе. Несмотря на то, что в столице Карелии реализуется целевая программа «Электронный Петрозаводск» на 2011–2016 гг. существующая система организации, как официального сайта администрации города,

так и система организации (оповещение, процедура принятия решений) общественных слушаний оценивается городским сообществом критично. Докладчиком высказано мнение, что создание открытого публичного пространства в Петрозаводском городском округе в основном инициируется «сверху» и приводит к определенным формально фиксируемым результатам. При этом налицо недостаточная открытость местных органов власти, их слабая интерактивность, отсутствие эффективных механизмов вовлечения заинтересованного населения в процесс обсуждения и принятия решений.

На секции «Современные измерения федерализма» рассматривалось взаимодействие регионов с федеральным центром. Обращаясь к положению Республики Карелия как северо-западного региона, граничащего с Финляндией и Евросоюзом, М. И. Безбородов отметил, что это соседство определяет специфику региона. С точки зрения региона, федерализм в Карелии реализуется только через трансграничное сотрудничество, в котором используются принципы федерализма при построении отношений между регионами стран Европейского Союза и Республикой Карелия. Вместе с тем сама федерация заинтересована в развитии приграничного сотрудничества Карелии.

Всероссийская конференция политологического сообщества России получилась интересной и насыщенной. Дополнительную информацию о ней можно найти на сайте Российской ассоциации политической науки (<http://www.rapn.ru/in.php?gr=1651>)

Источник: <http://www.rapn.ru/in.php?part=in&gr=1651&d=4919&n=35&p=0&to=>

Фотография: М. И. Безбородов

*

*

*

*

bezborodov@petsu.ru

«Арктический круг — 2014»: фокус на вопросах безопасности

**ЯРОВОЙ
Глеб
Олегович**

*кандидат политических наук,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, gleb.yarovoy@mail.ru*

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

С 31 октября по 2 ноября 2014 г. в г. Рейкьявик, Исландия, состоялась вторая Ассамблея международного сотрудничества «Арктический круг—2014».

Идея создания «Арктического круга» была высказана президентом Исландии Олафуром Рагнармом Гримсоном в апреле 2013 года. Основная идея форума — собрать вместе все заинтересованные стороны для налаживания живого многостороннего партнерского диалога между акторами арктического региона, а также вовлечь в него представителей неарктических стран, включая Китай, Индию, Европейский союз и др.¹

В работе второй Ассамблеи приняли участие около полутора тысяч человек, среди которых высшие должностные лица (гражданские и военные) государств и международных организаций, предприниматели, ученые и студенты, представители общественных организаций и коренных народов.

«Глобальность» арктической повестки дня наряду с участием многочисленных и разнообразных арктических игроков, а также партнерский характер арктического диалога отражены как в названии, так и в эмблеме форума.

В отличие от большинства арктических государств, Россия не была представлена политиками высшего уровня. «Лицом» России на форуме стали специальный представитель Президента Российской Федерации по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике Артур Чилингаров, Глава Республики Саха (Якутия), Председатель Северного Форума Егор Борисов, профессор Санкт-Петербургского государственного университета Александр Сергунин, и представитель Республики Карелия, член Экспертного механизма ООН по правам коренных народов Алексей Цыкарев. Все они стали спикерами различных пленарных заседаний. Немногочисленные представители

российских академических, творческих, предпринимательских и дипломатических кругов также выступили с докладами на секционных заседаниях или участвовали в качестве слушателей. Факт слабого представительства России в своем выступлении отметил главный российский докладчик Артур Чилингаров.

Источник: *официальный сайт Арктического круга:*
<http://arcticcircle.org/2014-assembly-highlights-gallery>

Вместе с тем, «российская» проблематика, наряду с «китайской», стала на форуме одной из наиболее обсуждаемых, в первую очередь, в рамках тематики безопасности в Арктике. Международная научная конференция «Безопасность в Арктике», ставшая составной частью программы «Арктического круга», включала в себя как политическую составляющую — пленарное заседание с выступлениями высокопоставленных политических деятелей и дипломатов — так и академическую дискуссию по теме. Организатором конференции выступила Тематическая сеть Арктического университета по геополитике и безопасности (<http://www.uarctic.org/organization/thematic-networks/geopolitics-and-security/>) совместно с Северным исследовательским форумом (<http://www.rha.is/nrf>).

Научная часть конференции состояла из двадцати пяти докладов, представленных на четырех секционных заседаниях. Из названий секций понятно, насколько широк спектр вопросов, стоящих перед современными арктическими исследованиями:

- Влияние текущего политического кризиса на военные стратегии и политику обороны государств в Арктике;
- Будущее безопасности Арктики: экологическая безопасность, безопасность человека, морская безопасность, экономическое развитие, энергетическая безопасность и международное право;
- Будущее безопасности Арктики II: локальная, региональная и национальная безопасность, (государственный) суверенитет, новые акторы арктической безопасности;
- Взаимозависимость добычи ресурсов, глобальной экономики, национальных интересов и глобального управления — Арктический парадокс безопасности.

Раскрыть содержание каждой из тематических секций не представляется возможным, поэтому постараюсь отразить лишь самые базовые параметры развития современных арктических исследований в политической науке и международных отношениях.

В первую очередь следует отметить, что современная наука об Арктике, как представляется, находится под влиянием нескольких разнонаправленных тенденций. С одной стороны, наблюдается стремление к междисциплинарности исследовательской повестки дня и ее интернационализации. Прекрасным примером служит не только созданная несколько лет назад международная Тематическая сеть по геополитике и безопасности, упомянутая выше, но и гораздо более международный и междисциплинарный проект GlobalArctic (<http://www.globalarctic.org/>), партнерами которого являются образовательные и научные институты более двадцати пяти стран, а также отдельные исследователи из Европы, Азии, Северной Америки и России.

Казалось бы, междисциплинарная и международная среда должна способствовать научному диалогу, взвешенным, объективным и аргументированным оценкам развития международных отношений в регионе. Однако даже в таком контексте иногда бросалась в глаза чрезмерная политизированность арктических исследований, предвзятость докладчиков. В ряде презентаций красной нитью проходила идея о том, что «наращивание вооружений и агрессивная политика России имеет негативные последствия для сотрудничества в Арктике», а украинский кризис и роль России в нем «становятся камнем преткновения в развитии взаимовыгодного международного сотрудничества, в том числе в арктическом регионе». Подобными заявлениями, очень схожими с идеями, озвучиваемыми официальными лицами своих стран, отметились североамериканские и восточноевропейские исследователи.

Как справедливо заметил в одном из своих выступлений профессор Санкт-Петербургского университета Александр Сергунин, «когда речь заходит о вопросах безопасности, мы всегда имеем дело с многочисленными слухами, стереотипами и мифами»². И больше всего этих «мифов» сосредоточено вокруг российской арктической стратегии. Связано это в первую очередь с тем, что Россия лишь относительно недавно сформулировала свои арктические приоритеты и на протяжении последних пяти-семи лет проявляет повышенный интерес к проблемам арктического региона. Настолько активно, что многие западные политики, а также исследователи, увидели в этом угрозу ремилитаризации Арктики, обострения конкуренции за арктические ресурсы и транспортные коридоры и даже возвращение к риторике времен «холодной войны».

Источник: фото автора

Этой риторике, тем не менее, следуют представители некоторых государств и международных организаций, и относится она далеко не исключительно к арктической проблематике. Да, осложнение отношений между Россией и Западом в контексте текущего украинского кризиса действительно может

вызвать так называемый эффект перелива (*spillover effect*) на другие сферы сотрудничества³.

Вместе с тем, в текущих внешнеполитических обстоятельствах констатировать факт неконструктивных действий и заявлений официальных, в том числе высших должностных лиц арктических государств, может любой обыватель, следящий за международными новостями. Для этого не надо быть ученым. Задача арктических исследований, на мой взгляд, который разделяет, к счастью, большинство моих российских и зарубежных коллег, состоит не в выдвигании упреков лидерам государств в том, что они используют жесткую риторику в отношении своих оппонентов.

Задачи арктической науки заключаются в том, чтобы осмыслить происходящее, дать объективную оценку современных тенденций, а также повлиять на снижение международной напряженности и способствовать налаживанию конструктивного диалога между государственными и негосударственными акторами арктических и неарктических стран. Мировоззренческая функция арктической науки в современных условиях оказывается не менее важной, чем основная функция любой науки — производство новых знаний.

В 1980-х годах советские ученые, «институтчики», уже выполнили эту миссию, повлияв на мировоззрение М. С. Горбачева, с «Мурманской речи» которого, как считается, начался рост инициатив международного сотрудничества в Арктике. Идеи «институтчиков» из далеких восьмидесятых — о «взаимозависимости взаимозависимостей», о том, что «альтернативы сотрудничеству нет», что выбор у государств прост, «либо жить вместе, либо погибнуть вместе», и о том, что для налаживания сотрудничества необходимо отказаться от конструирования «образа врага», казавшиеся тогда откровениями, в дальнейшем стали восприниматься как норма и данность.

В последнее время, на фоне громких заявлений лидеров России⁴ и США⁵ стало очевидно, что эти идеи перестали быть политическими и исследовательскими трюизмами, они вновь обретают актуальность. Следовательно, перед современной арктической наукой стоит непростая задача проповедовать ценности мира и сотрудничества среди гораздо более широкого круга акторов, формируя современный арктический дискурс, дискурс доверия, взаимопонимания и конструктивного взаимодействия.

«В Арктике нет проблем, требующих военных решений. В Арктике нет никаких проблем, которые не могли бы решаться на основе принципов добрососедства и конструктивного диалога»⁶. Хочется верить, что эти слова, сказанные на Форуме А. Чилингаровым, не только являются отражением реальной арктической действительности, но будут и в дальнейшем служить руководством к действию для политиков, а для исследователей — теоретической и идейной основой научного поиска.

***

Подробнее познакомиться с тематикой пленарных и секционных заседаний, видео-презентациями ряда докладов, представленных на форуме, а также с материалами предыдущего и анонсами следующих Ассамблей, можно на сайте Арктического Круга: <http://www.arcticcircle.org/> Полная программа мероприятия: <http://www.arcticcircle.org/sites/arcticcircle/themes/ac/pdf/Arctic%20Circle%202014%20Program.pdf>

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробнее: Петтерсен, Труде. Новый международный форум арктического сотрудничества // BarentsObserver, 17.04.2013. URL: <http://barentsobserver.com/ru/arktika/2013/04/novyj-mezhdunarodnyy-forum-arkticheskogo-sotrudnichestva-17-04>

2. Выступление А. Сергенина на пленарном заседании «Безопасность в Арктике». Видео выступления доступно на сайте Арктического круга: <http://arcticcircle.org/video-2014>

3. Такая тенденция была отмечена в докладе канадских исследователей Ж. Масси и Ж. Плурфа «Дипломатический перелив? Оценка влияния украинского кризиса на канадско-российские отношения» («Diplomatic Spillover? Assessing the impact of the Ukrainian crisis on Canada-Russian Relations»).

4. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24.10.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46860>

5. Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly, 24.09.2014. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/09/24/remarks-president-obama-address-united-nations-general-assembly>

6. Выступление А. Чилингарова на пленарном заседании «Освоение Арктики». Видео выступления доступно на сайте Арктического круга: <http://arcticcircle.org/video-2014>

*

*

*

*

gleb.yarovoy@mail.ru